

ДАГЕСТАН

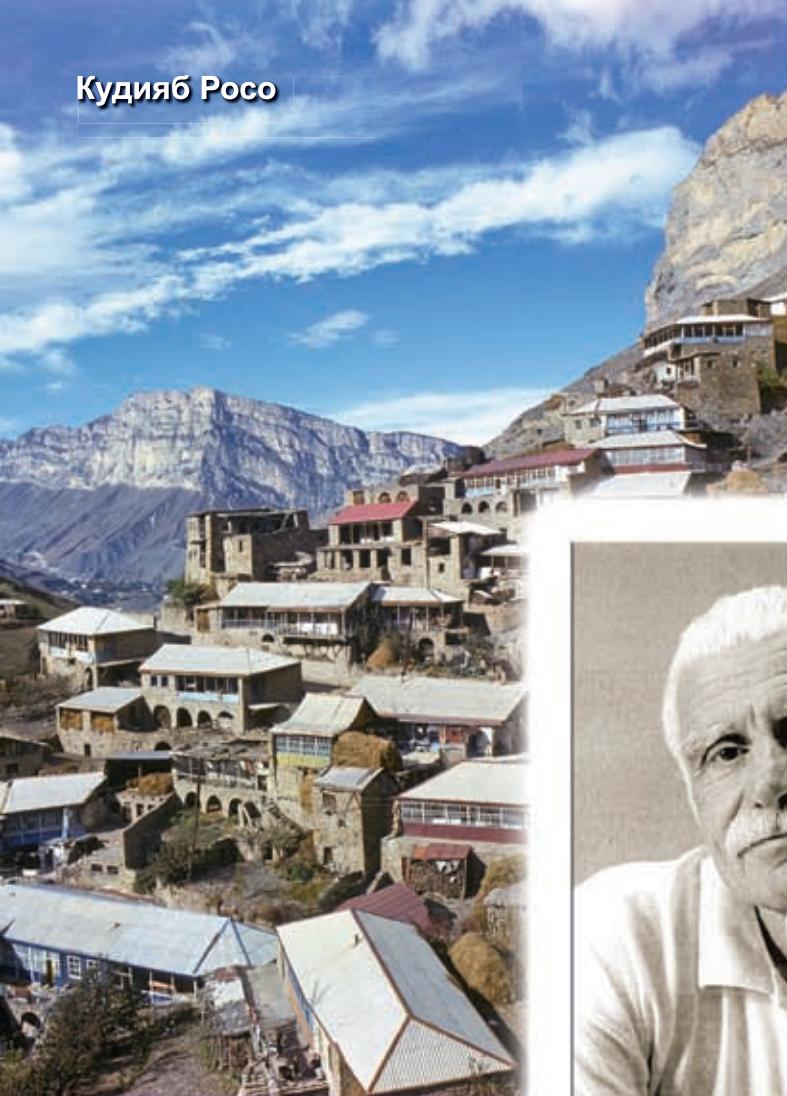
№ 2 (17)

Дагестанец
Абдулхаким
Исмаилов был
одним из тех,
кто водружал
Знамя Победы
над рейхстагом.

(Стр. 2)

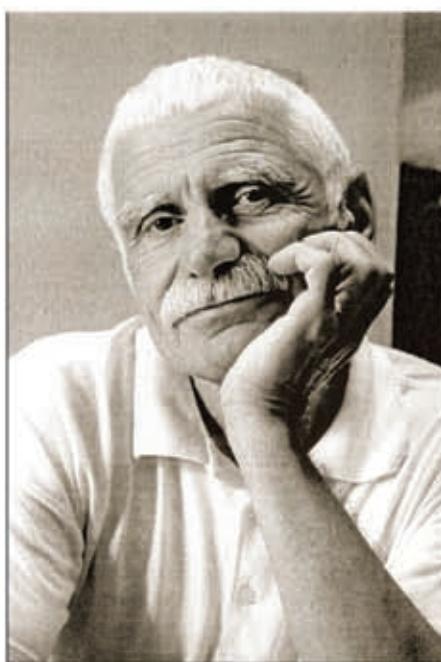
Кудияб Росо

Годобери

Сакля в Кубра

В Первой галерее в Махачкале
работала в марте–апреле
выставка фоторабот Камиля
Чутуева «Аулы Дагестана».

Мечеть в
Кванада

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2(17)

ДАГЕСТАН

март/апрель
2005

Выходит с августа 2002 года. Периодичность – 6 раз в год.

УЧРЕДИТЕЛИ: Министерство по национальной политике, информации и внешним связям РД, Союз писателей РД

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

Загир АРУХОВ,

министр по национальной политике,
информации и внешним связям РД

Магомед АХМЕДОВ,

председатель Правления Союза писателей РД

Людмила АВШАЛУМОВА,

член Госсовета РД, первый проректор ДГУ

Расул МАГОМЕДОВ,

доктор исторических наук

Булач ГАДЖИЕВ,

народный учитель СССР

Казбек СУЛТАНОВ,

доктор филологических наук

Марина АХМЕДОВА,

поэт, переводчик

Камиль ХАНМУРЗАЕВ,

доктор филологических наук

Космина ИСРАПИЛОВА,

поэт, прозаик

Арбен КАРДАШ,

поэт

Шапи КАЗИЕВ,

писатель

РЕДАКЦИЯ:

Далгат АХМЕДХАНОВ, главный редактор

Мурад АХМЕДОВ

Гаджикурбан РАСУЛОВ

Джамал РАБАДАНОВ

Ольга МАТАЕВА

Хуризадай МАГОМЕДОМАРОВА

Байгиши БАЙГИШИЕВ

Хаджимурад ЗУРГАЛОВ

Редакция рассматривает рукописи не более одного печатного листа. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность цитат, фактов, названий, имен несут авторы.

Мнение редакции не всегда совпадает с точкой зрения автора материала.

Редакция вступает в переписку по своему усмотрению. При перепечатке ссылка на «Дагестан» обязательна.

Адрес редакции:

367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й этаж (в здании Союза писателей Дагестана).

Телефоны: 67-02-03 (главный редактор),

67-02-08 (зам. гл. редактора, отделы публицистики, культуры и литературы).

E-mail: dagjur@iwt.ru, dagjur@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

ОБЩЕСТВО

Мурад АХМЕДОВ	к 60-летию Победы
Знамя над рейхстагом.....	2
Алибек АДЖИЕВ	память
Мирный подвиг фронтовика.....	3
Анатолий КОРКМАСОВ	память
Имена – в истории и история – в именах.....	5
Джамал РАБАДАНОВ	тревога
Атмосфера страха.....	10
Джонрид АХМЕДОВ	проблема
Мы и государство.....	13
Д. АХМЕДХАНОВ и М. МАГОМЕДОВ	полемика
Два ответа на вопрос «Кто виноват?».....	15
Мурад КАЖЛАЕВ	юбилей
50 лет спустя.....	18
Мурад ХАЛИЛОВ	творчество
Художника покажет время.....	23
Хайбулла АБДУЛГАПУРОВ	личность
Театр действий Магаева.....	25
Гаджи АБДУРАХМАНОВ	искусство
	28

ЛИТЕРАТУРА

Тагират ГАСАНОВА	поэзия
Расул Гамзатов.....	32
Мариян АЛИЕВА	реквием
Дети Беслана.....	33
Жанна АБУЕВА	рассказы
Перегородка.....	35
Ахмед ДЖАЧАЕВ	поэзия
Я поверю в любовь...	43
Заира ГАДЖИБАЛЕВА	поэзия
Море голосом станет моим...	45
Мария АЛЕШЕЧКИНА	проза
Звездопад.....	46
Магомед АХМЕДОВ	поэзия
Привыкло слово к печали...	50
Зулейха МАГОМЕДОВА	к 60-летию Победы
Война и дагестанская публицистика.....	54
Маржанат АЛИЕВА	новая книга
Багаутдин Астемиров: вера в правду...	58
Кроссворд от Гаджикурбана Расулова.....	60

Банковские реквизиты:
Р/с 40603810602800140487 в
Махачкалинском филиале МАКБ
«Возрождение» г. Махачкала, К/с
3010181050000000882, БИК:
048209882, ИНН: 0562053040 КПП
056201001 ГУ Редакция журнала «Дагестан»

Журнал зарегистрирован 23
июля 2002 года Южным окружным
межрегиональным территориаль-
ным управлением Министерства РФ
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации –
ПИ № 10-4793.

Номер набран и сверстан на
компьютерной базе журнала «Дагестан». Отпечатан в Республика-
ской государственной газетно- жур-
нальной типографии. Адрес типог-
рафии: г. Махачкала, пр. Насрулди-
нова, 61.

Усл. п. л. – 7,5. Тираж – 1000 экз.
Номер заказа – 61

Подписной индекс – 78434.

Цена номера в киосках «Рос-
печати» – 20 руб., у общественных
распространителей – свободная.

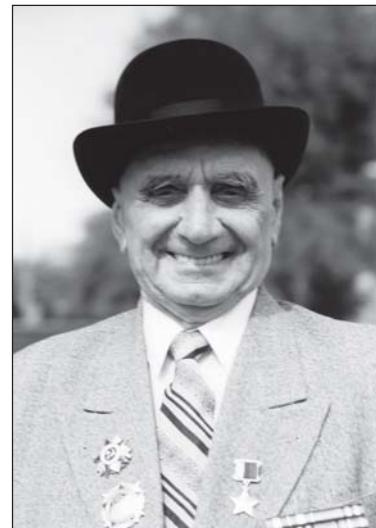

ОБЩЕСТВО

К 60-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

Знамя над рейхстагом

Этот исторический фотоснимок, запечатлевший, как воины Советской Армии водружают знамя Победы над фашистским рейхстагом, хорошо знаком нам по учебникам истории. Снимок, как и само знамя, стал одним из символов Победы нашей страны в войне против фашизма. Однако – кто запечатлен на нем – стало известно широкой общественности лишь через полвека после 9 мая 1945 года. На фотографии, сделанной фронтовым фотокорреспондентом Евгением Халдеем, запечатлены: старшина разведроты гвардейской Краснознаменной ордена Богдана Хмельницкого Запорожской стрелковой дивизии кумык Абдулхаким Исмаилов и его боевые товарищи — киевлянин Алексей Ковалев и минчанин Леонид Горычев. Хорошо видны фигуры воинов Советской Армии: один из них (А. Ковалев) водружаает флаг, другой (А. Исмаилов) его подстраховывает, третий (Л. Горычев) их охраняет.

Впервые на всю страну об этом сообщили 11 мая 1995 года по Российскому телевидению в передаче «Подробности», посвященной 50-летию Великой Победы над фашизмом. Вел передачу известный тележурналист Николай Сванидзе. К счастью, на момент выхода передачи в эфир все герои запечатленного на снимке события были живы. Непосредственно в передаче участвовали полковник в отставке (бывший сержант) А. Ковалев и фотокорреспондент Е. Халдей. Тогда они рассказали о том, что им запрещено было говорить об этом факте, так как официальная версия была другой. По словам Е. Халделя, они были первыми, кто водрузил победное знамя над рейхстагом, и весь мир видит именно их на снимке. Но есть свидетельства, что когда Сталину был представлен список воинов, водрузивших красные полотнища в разное время на разных сторонах рейхстага, он решил выбрать в качестве официальных героев сержантов М. Егорова и М. Кантария.

М. Егоров и М. Кантария, как и десятки других наших воинов, действительно водрусили знамена над рейхстагом. Газета «Правда» от 30 апреля 1990 г. (№ 120) писала об этом так: «...в ночь на первое мая на крыше рейхстага было установлено знамя Военного Совета 3-й ударной армии, извест-

ное под номером 5. После непосредственного приказа Ф. Зинченко его водрузили разведчики 756-го полка М. Егоров и М. Кантария, которых сопровождал лейтенант А. Берест...». Но свое знамя, по свидетельству М. Егорова и М. Кантария, они прикрепили к скульптуре конного рыцаря кайзера Вильгельма, которая находилась с восточной стороны здания, над депутатским входом, перенесенное ими позднее, 2 мая, на купол рейхстага. Красное Знамя № 5 стало считаться Знаменем Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Более чем через полвека телевидение помогло осуществить историческую справедливость! В 1996 году подвиг нашего земляка, уроженца селения Чагар-Отар Хасавюртовского района Абдулхакима Исмаилова, водрузившего вместе с боевыми товарищами Знамя Победы над рейхстагом, был оценен по достоинству. Многое сделал для этого друг А. Исмаилова профессор Ш. Магидов, в свое время лично написавший обращение к Президенту России. И вот в возрасте 78 лет Абдулхакиму Исмаилову был вручен высший символ воинской доблести страны — Золотая Звезда Героя Российской Федерации.

Сейчас Абдулхакиму Исмаилову 88, и, как видно на фото, сделанном недавно, он полон энергии и сил.

В преддверии 60-летия Победы в Великой Отечественной войне с инициативой посодействовать внесению в учебники по истории России имен всех героев, водрузивших Знамя Победы над рейхстагом в мае 1945 года, и в том числе дагестанца Абдулхакима Исмаилова, выступил коллектив преподавателей и студентов Университета народов Кавказа им. Имама Шамиля (Хасавюрт). Этую инициативу поддержали различные общественные организации и учебные заведения республики: Даггоспедуниверситет, Союз писателей Дагестана, Политсовет и Исполком Дагестанского регионального отделения всероссийской политической партии «Единая Россия» и многие другие. Соответствующие обращения были направлены на имя Президента Российской Федерации Владимира Путина.

Мурад АХМЕДОВ

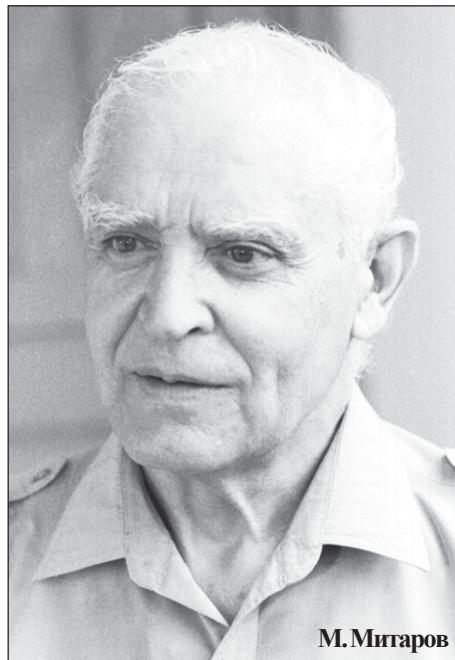
Мирный подвиг фронтовика

Алибек АДЖИЕВ,
президент республиканской ассоциации "Возрождение"

Меня потрясло внезапно увиденное: проезд жая недавно мимо станции Темиргое, случайно заметил валявшуюся на земле голову памятника легендарному большевику Уллубию Буйнакскому, который был в августе 1919 года по решению Военно-шариатского суда расстрелян. Как же так, неужто черствы беспамятством наши сердца, коль в сутолоке не самых лучших дел и не самых славных событий не смогли уберечь, оценить самых достойных из той великой когорты.

Логическая цепочка привела меня еще к одной печальной аналогии: в годы Великой Отечественной войны на защиту Родины добровольно ушли многие дагестанские поэты и писатели, 11 из них полегли на полях сражений. Вот эти герои, которые перечисляются в книге "Оборванные струны" поэта Муталиба Митарова: Алимпаша Салаватов, Багаудин Митаров, Мусаиб Стальский, Манувах Дадашев, Мухтар Абакаров, Раджаб Дин-Магомаев, Мемей Эфендиев, Магомед Курбанов, Агалар Гаджиев, Багатыр Магомедов, Камиль Абакаров. Но память о них до сих пор неувековечена. На домах, где они жили, нет мемориальных досок, их именами не названы ни школы, ни очаги культуры, ни улицы.

В другой книге Митарова "И в памяти и в сердце" представлены двадцать поэтов и писателей республики, отважно воевавших с фашистами и вернувшихся с наградами, израненными в боях. Поэт М. Митаров увековечил память фронтовиков. Но никакими даже самыми массовыми акциями не восполнить недостатка во внимании, которое мы должны уделять участникам Великой Отечественной войны.

М. Митаров

...Как-то для встречи с трудящимися Хасавюртовского района к нам приехали народный поэт Дагестана Абдулвагаб Сулейманов и народный поэт Дагестана Муталиб Митаров. Их везде принимали очень торжественно. Через два или три дня вернулись из поездки по району в Хасавюрт и остановились у меня на ночлег.

Утром, пока Митаров умывался, Абдулвагаб мне рассказал, что у него прямо через сердце прошла вражеская пуля. С трудом верилось, что после этого можно остаться в живых. Желая удостовериться, я подошел к Митарову и через нижнюю рубашку в области сердца заметил шрам. Не удержавшись, попросил извинения, спросил, что за отметина. Муталиб сказал: "Это шрам войны"... И рассказал, как немецкий снайпер угодил прямо в сердце, и пуля прошла насквозь, задев ребра... Он помнит, как почти без сознания глотал снег. В это время снаряд, разорвавшийся в 4–5 метрах, осколками раздробил его тазобедренный сустав. Находившихся рядом капитана и его связного разнесло в клочья. А Муталиба его боевые товарищи тащили почти 5–6 километров. Хирург в прифронтовом госпитале, делая операцию, очистив легкие от крови, вытащил несколько осколков, но один не решился трогать. "Надеемся, организм выдержит!" – сквозь боль и густой туман в голове запомнил его слова Муталиб.

Потом я увидел, как он, одеваясь, попытался натянуть носок на больную ногу при помощи пальцев другой, здоровой, ноги, хотел ему помочь, но Абдулвагаб меня определил. "Он не может согнуться, руками не касается своей ступни с 1942 года", – объяснил мне за завтраком Абдулвагаб. И я подумал, как он в таком состоянии исполняет свои столь сложные обязанности, работая на разных должностях и оказываясь в непростых ситуациях.

Многие годы после этой встречи, сдружившись с Муталибом Митаровым, я не переставал и не перестаю этому удивляться. Народный поэт Дагестана, автор многих книг, произведения которого вошли в школьные учебники и хрестоматии по литературе, он известен старшему поколению дагестанцев как комсомольский и партийный работник, член правительства, признанный общественный деятель.

Я потрясен трагическими поворотами его военной судьбы, потребовавшей беззаветной доблести, колосального мужества, терпения. Муталиб ведь был призван на действительную службу в 1940 году. Отправился в армию с удовольствием. Его зачислили в школу военно-медицинской подготовки в Ленинграде. Наставляли: военфельдшер должен при случае и командира заменить, и политрука... Так что воинская учеба шла профессионально и при полной огневой нагрузке. День выпуска совпал с началом войны. Боевое крещение получил в Заполярье. При обороне Мурманска получил первое ранение от разрыва бомбы. Лечение было в стенах лазарета недолгим.

А в политуправлении армии Митарову задали вопрос: "Как смотрите, если переведем вас на политработу". И Муталиб стал замполитом стрелковой роты. При штурме стратегической высоты у реки Западная Лица в ночном бою Митаров получил второе ранение, к счастью, тоже несложное: после перевязки, прихрамывая, он остался в строю. Беспрерывные бомбежки, артобстрелы, вой мин. Замполит по несколько раз и днем и ночью обходил траншеи и окопы, занимаемые ротой. Беседовал с бойцами, помогал выбрать позиции, готовясь к атаке. И надо же: пуля фашистского снайпера пробила левую часть груди, а затем начался шквальный артобстрел. Это было третье ранение, после которого он попал на операционный стол к тому самому хирургу. Он запомнил и другие его слова: "Отмечай свой второй день рождения – с того света выкарабкался..."

Полгода промучился дагестанец в госпиталях Архангельска, Перми... В июне 42-го, в сопровождении медработника он, инвалид войны первой группы, прибыл в родное село Кандик. Сбежались родные, сельчане, женщины плакали. Бинты на ранах темнели набухшей кровью, а ходьба на костылях вызывала мучительную боль... И понял Муталиб, что надо жить, надо как-то приспособливать себя к новой жизни, надо учиться быть полезным обществу.

Предложение председателя колхоза занять пост главного бухгалтера он поначалу всерьез не воспринял. Но делать было нечего. И через год Муталиб считался уже одним из лучших в районе бухгалтеров. На практике постиг премудрости финансового дела, стойко стоял на защите колхозного добра от расхитителей.

А над семьей Митаровых нависло горе. Старший брат Муталиба – Багаудин – известный дагестанский поэт, тоже комиссованный после тяжелейшей контузии с фронта, во второй раз подал заявление о добровольной отправке на войну. Он геройски погиб на Украине, где сейчас стоит памятник в честь поэта – героя-дагестанца. Муталиб после его гибели и смерти жены

брата принял на себя заботы о малолетних племянниках.

Когда в район пришла разнарядка об отправке на фронт одного из подлечившихся командиров, желательно политработника, то по рекомендации руководства района (пусть, мол, борьбой с недостатками займется подальше от нас) в военкомате выбор выпал на Митарова. Нет нужды говорить, какие мытарства испытал инвалид войны, не оправившийся отувечий, добираясь до Краснодара, только что освобожденного от фашистов. Но, пройдя несколько медкомиссий, он был откомандирован в распоряжение Закавказского военного округа, а в Тбилиси врачи поставили точку на его военной карьере. И Митаров вернулся к бухгалтерской работе. Но и здесь при поездке к чабанам в высокогорье его подстерегла пуля диверсанта-парашютиста.

В конце 1943 года Муталиб был избран первым секретарем Хивского райкома ВЛКСМ. Он активно включился в общественно-политическую деятельность. А вскоре фронтовика отозвали в распоряжение обкома партии, и он стал заместителем председателя уникальной организации – Дагхудожпромсоюза, объединившего народные художественные промыслы Дагестана.

Где бы и кем бы ни работал Митаров в последующие годы: в Дагхудожпромсоюзе, в органах печати, республиканском партийном аппарате, первым секретарем Табасаранского райкома партии, министром республики, директором Дагучпедгиза, в Литературном музее – везде и всегда его деятельность, творческий подход к решаемым задачам оставляли заметный след. Накануне своего 80-летия, в июне 2000 года, он направил в адрес Госсовета РД письмо "Исторические судьбы, важнейшие проблемы и нерешенные вопросы, связанные с моим народом...", в котором поднял ряд важных вопросов, которые, по его мнению, должны быть рассмотрены и решены в масштабе всей республики. В этом же письме ставился ряд серьезных проблем в развитии межнациональных отношений.

Неотъемлемой частью жизни Муталиба Митарова является, конечно же, его творческая деятельность. Поэт, прозаик, фольклорист, переводчик, исследователь духовной и материальной культуры народа, давно вошел в историю литературы республики. Многие произведения поэта давно стали хрестоматийными в родной литературе, а поэмы "Сказание о чунгуре" и "Устад", ряд баллад стали явлением и в общей дагестанской литературе. Он – автор и соавтор нескольких учебников для школ. С уверенностью можно сказать, что будущие поколения историю Великой Отечественной войны будут изучать по произведениям фронтовиков, как М. Митаров, которые написаны собственной кровью.

Настоящий поэт – это прекрасно. Но еще сильнее и громче звучит "Настоящий человек". Этого высокого определения заслужил Муталиб, совершивший гражданский подвиг не единожды, не дважды, а всю жизнь. В нынешнем году Муталибу будет 85. В преддверии 60-летия Победы хочу сказать: живи долго, ощущай радости и ароматы жизни, дорогой старший друг и наставник.

Имена – в истории и история – в именах

Анатолий КОРКМАСОВ

"Первый закон истории - бояться,
какой бы то ни было лжи,
а затем - не бояться какой бы то
ни было правды".

(Цицерон)

Наше представление о той или иной стране всегда ассоциируется с определенной местностью, ее историей, природой, народом ее населяющим – известными людьми, его олицетворяющими. Поэтому очень важно, составляют ли они предмет нашей особой гордости или воспоминание о них, является собой неизбежное тягостное наследие.

Не так давно мне довелось общаться с поэтом Е. Евтушенко. Зная, что я из Дагестана, он спросил: «Как Расул?». Вот имя, которое у него ассоциируется с Дагестаном! Великая честь! К мудрости Расула нам стоит обращаться чаще. Напомню его слова из книги «Верность таланту»:

«Я многое пока не успел. Взять великую историю нашего народа. Нет, не древнюю, а за короткий срок – с начала революции. Какие изумительные характеры революция подарила Дагестану! Они не оценены в литературе по достоинству. Мы ищем клады в горах, а они вот – души людей. Это огромное богатство. По-моему, не было другой столь яркой личности, какой является Уллубий Буйнакский. А Джелал Коркмасов! А Агасиев! А Махач Дахадаев! Какие разные темпераменты, судьбы и в то же время, какое единодушие по отношению к Дагестану, какая любовь к нему! Времена меняются. Однако мне очень не хочется, чтобы приобретения шли за счет потерь...»

По-моему, комментарии излишни. Да, в Дагестане во все времена славились Мужество и Мудрость. У Расула Гамзатова было и то и другое. Совершать благородные поступки, наверное, было сутью этого человека. А я ему благодарен особо. Ведь именно он помог мне открыть очередную тайну из биографии Джелала Коркмасова. Немногим более 15 лет тому назад в Москве поэта познакомили с профессором Жаном Триомфом. Узнав от него об этой тайне, Расул порекомендовал «Литературной газете» напечатать об этом статью. Ведь Жан лично знал Джелала Коркмасова. Вот как все это было!

Джелал-Эд-Дин Коркмасов и...

В 1935 году молодой ученый Жан Триомф, приехал в Москву из Парижа для написания докторской диссертации о В. Белинском. У него были рекомендательные письма к М.В. Скоковской. В то время она работала секретарем научного сборника в ВЦК НА СССР, руководимого Д. Коркмасовым. "Тут, – вспоминает Жан, – произошла одна из самых знаменательных встреч в моей жизни".

М. Скоковская привела Жана к своему руководителю. Джелал, выяснив, что Жан, окончивший в Париже "Супер-Эколу Нормаль" – одно из престижнейших учебных заведений, ректором которого являлся старый приятель Коркмасова еще по парижской жизни, социалист, профессор де Бугле, в Москве ютился где-то в коммуналке, объявил ему о своем решении: одаренные люди должны жить и работать в надлежащих условиях, но так как

молодая республика таких условий пока предоставить всем не в состоянии, он выделяет ему одну из комнат в своей квартире в "Доме правительства". Он и сейчас высится недалеко от Кремля.

Жан прожил у Коркмасовых до весны 1937 года. Он рассказывал, как Джелал обожал чтение, а затем обсуждение прочитанного. Особенное удовольствие ему доставляла возможность общения на французском языке. Иногда вечерами они слушали музыку. Запомнилось, что Джелалу очень нравилось пение француженки Марии Дюваль, из композиторов он очень любил Римского-Корсакова, очень любил национальную музыку своего народа. В ходе беседы он еще имел привычку тихо, как бы про себя, напевать. Общение с этим замечательным человеком, рассказывал Жан, обладавшим разносторонними знаниями и удивительно тонким юмором, было завораживающим.

Весной 1937 года Жан уехал в Париж. Ему повезло. Следом разразились жуткие аресты. Коркмасова не стало. Жан долгие годы ничего не знал о его судьбе, но память хранил. В годы войны он партизанил в горах Франции в отрядах маки – армии французского сопротивления. Являлся одним из руководителей подпольного правительства Франции. После войны работал в посольстве Франции в СССР, являлся председателем общества Франция – СССР, он лауреат премии и золотой медали им. Пушкина, кавалер ордена Почетного легиона Франции, профессор русского языка Сорбонского университета. В соавторстве с виднейшими лингвистами им составлены одни из лучших франко-русских словарей.

Непередаваемые чувства наполняли меня, когда мы с Жаном гуляли по Парижу. Рядом с нами мне все время чудилась поступь Джелала. Когда мой гид в качестве экскурсовода приводил меня в знаменитый парижский университет – Сорбонну, я мысленно представлял, как обучались в нем молодые дагестанцы: мой дед, Г. Бамматов, Р. Капланов. А вот трехэтажный особнячок, где жил Джелал Коркмасов. Правую его половину занимали они со Скоковской, левую часть – как гласит мемориальная доска – известный французский писатель Поль Луи Курье.

Я рассказывал профессору о Дагестане, а он мне – о Франции и о Джелале. Книгу Расула "Мой Дагестан" он купил в Париже, и его очень обрадовало упоминание в ней о Коркмасове – значит, его друг не забыт. А еще его обрадовала небольшая фотография из нашего семейного архива, где Жан вместе со своими друзьями запечатлен на даче в Подмосковье. На ней он молод, а при нашей встрече ему было под 90. Я подарил ему инкрустированную унцукульскую трость. Он поставил ее в своей квартире на видное место, а теперь, когда мы перезваниваемся, он в шутку сообщает, что опирается на память о Коркмасове.

Жан Триомф передал мне подготовленные им воспоминания о Джелале, имеющиеся у него фотографии, адресованное ему короткое письмо Джелала, в котором он передает привет Жану Лонге, внуку К. Маркса, сыну его дочери Жени Маркс, с братом которого Эдгаром Джелал находился в большой дружбе. В Париже по сей день можно то там, то сям встретить память о Джелале. В бывшей квартире-музее Ленина его хранитель и экскурсовод – месье Лежандр, называя прославленные имена российской эмиграции, неожиданно для нас упоминает и месье Коркмасова. Как святые реликвии храню подаренный мне научный сборник с дарственной надписью Джелала, специальный выпуск которо-

**Фото 30-х гг. Москва.
В этой группе стоит второй слева Жан Триомф,
 крайняя справа сидит М. Скоковская.**

го в 1936 году в ВЦК НА СССР, руководимый Коркмасовым, был посвящен Богу языкоznания, академику Н.А. Марпу, и книгу, которую дал ему еще тогда Джелал в дорогу на про чтение. На внутренней стороне титульного листа этого фолианта в старинном переплете дарственная надпись: "Уважаемому Джелалу с глубочайшим почтением, Абд. Нахибашев, 15 мая 1923 г.". Это тот самый Абдула Нахибашев, член Президиума Даг. ЦИКа, о котором в своих воспоминаниях писал Алибек Тахо-Годи, внук прославленного наиба Шамиля Закары Нахибашева (который, как и дед Джелала, морид Мустафа Коркмас, до последнего стоял под знаменами имама).

В этой связи впору рассказать еще о некоторых обстоятельствах, раскрывающих натуре, характер Дж. Коркмасова, пристрастия, характеризующие его личность, человеческие качества.

Из всего видно, что для него и его товарищей, преимущественно членов "Соц. группы", куда важнее были действия, которые отвечали интересам его народа, его культуре, обычаям, традициям, вере, а не приверженность какой-либо одной пресловутой идеологии. В этом смысле Сталин, когда в 1937 году заявлял, что в Дагестане были слабы большевистские традиции, был абсолютно прав. Можно сказать даже больше: этих традиций не было вообще. Для ясности приведу лишь пару примеров, наглядно доказывающих, что люди, их талант, родина и ее народ были для Джелала понятиями, куда более предпочтительными некой теории, из-за которой многие в тех условиях просто теряли голову. За это явное предпочтение или за "недостаточно развитое чувство классовой ненависти" его сначала просто упрекали. А в 30-е годы зачислили во "враги народа".

Итак, осень 20-го года. Позади гражданская война. Без всякой надежды на успех догорали последние вспышки мятежей. В поиске форм новой государственности пе-

ред Чрезвычайным съездом народов в Дагестане нет единого мнения. При подготовке повестки дня решили, что вынесение женского вопроса было бы делом преждевременным.

Вот как об этом рассказывает Михаил Павлович, который был знаком с Коркмасовым еще по эмиграции.

"Еще в период деникинской оккупации, на подступах к Темир-Х.Шуре была задержана жена Хизроева (Разият, она же племянница Дж. Коркмасова. – Авт.). Начальник отряда понимал, кто к ним попал. Однако он, как ни бранился, все же против освященных традицией обычая не пошел. Женщину отпустил. Она, естественно, прийдя к своим, рассказала о численности отряда и то, что с ней произошло.

Далее активу накануне съезда предстояло рассмотреть, – продолжает М. Павлович, – такой случай: ЧК, перехватив переписку с мужем, арестовало жену генерала Халилова и настаивало на ее высылке за пределы Дагестана. Требование, казалось бы, – заключает Павлович, – не очень-то свирепое, скорее пресечение дальнейшей переписки. Но горцы, – говорит он, – придерживаются другого мнения и считают это абсолютно недопустимым. Следите, чтобы они не вели ненадлежащих действий, перехватывайте их письма, если это необходимо, но ради аллаха не прикасайтесь к самой горской женщине. И любопытно, что некоторые, испытанные горские коммунисты и такие боевые товарищи, как товарищ Коркмасов, категорически заявляют, что если ЧК будет учинять такие безобразия и высыпать жен горцев из Дагестана, заметьте, – говорит Павлович, что речь шла всего лишь об одной женщине, – он и его соратники сложат свои полномочия и удалятся из Дагестана в распоряжение ЦК. Не считая возможным при таком пренебрежении к обычаям и взглядам горцев плодотворно работать в Дагестане".

Описывая другую спорную ситуацию, М. Павлович сообщает: "ЦК пыгалось воспретить выдачу трупов погибших родственникам. Дагестанские же коммунисты выступают за то, чтобы трупы всех убитых независимо от их социальной принадлежности были выданы родственникам и погребены в соответствии с их обычаями... И в том и в другом случае Орджоникидзе поддерживает Коркмасова и дает команду о неприкословенности жены Халилова и о захоронении трупов согласно обычаям горцев".

Так в 1920 году дагестанские коммунисты отстаивали права своего народа, а сталинская клика контрреволюционеров "объявила их врагами народа". "Друзья народа" же погубили миллионы людей. И через десятилетия их родственники не могли найти то место, где им можно было преклонить колени. И по сей день многие не знают, где покоятся прах их родных и близких.

... и А.Д. Желтяков

Профессор Анатолий Дмитриевич Желтяков, за ведущий кафедрой востоковедения Санкт-Петербургского университета, по сути, первым

из ученых основательно подошел к исследованию турецкого периода жизни Джелала Коркмасова через призму его деятельности на посту главного редактора впервые издаваемого в Турции на русском языке иллюстрированного еженедельника "Стамбульские новости". Его перу также принадлежат работы о Коркмасове, помещенные в 5-м выпуске "Источниковедения и историографии стран Азии и Африки". "На страницах еженедельника, – отмечает А. Желтяков, – печатали в русском переводе рассказы, очерки и стихи наиболее выдающиеся деятели культуры. Последние буквально благоволили к Дж. Коркмасову, как большому знатоку и тонкому ценителю культуры. Думается, что в самом наборе этих разнообразных материалов отразился широкий культурный кругозор Дж. Коркмасова, который с малых лет увлекался литературой и еще на школьной скамье читал произведения и древних греков, и французских просветителей, и русских классиков".

Следом за ним более всесторонне эти исследования были проведены профессором М.А. Абдуллаевым, которые освещены в работе "Общественно-политическая мысль в Дагестане в начале XX века", написанной по тем временам (1987) весьма смело. Теперь, по прошествии лет, это бросается в глаза. В то время, когда за рубежом и в центре России давно уже шел открытый и честный разговор о нашей истории, в Дагестане все еще наблюдалась сдержанность, порожденная рецидивом генетического страха – зловещего духа сталинской эпохи. На практике все сводилось к фактическому умалчиванию истинных обстоятельств, связанных с последствиями трагедии 1937 года, что оказывало самое отрицательное влияние на общественную жизнь республики в целом.

В 1985 году, благодаря помощи работников Ленинградского филиала Института Востоковедения РАН был изготовлен микрофильм всех номеров газеты "Стамбульские новости". Его я привез в Дагестан. Сделав фотокопии, один из экземпляров я подарил писателю М.-С. Яхъяеву. А он, сдав его затем для научного использования в Институт истории Дагфилиала РАН, принял абсолютно правильное решение.

Память воскрешает один забавный эпизод.

В 1988 году при подготовке к празднованию 110-летнего юбилея Дж. Коркмасова правительством республики было принято решение о водружении на здании, в котором он жил и работал, мемориальной доски. Накануне, в один из дней июля, меня вдруг пригласили в идеологический отдел обкома КПСС. Отправился я туда вместе с писателем М.-С. Яхъяевым, также получившим приглашение. Как выяснилось, вызвано это было тем, что один из весьма ответственных товарищей этого отдела оказался перед неразрешимой для него проблемой и просил нас помочь. Заключалась она в том, что он никак не мог найти в Москве, Ленинграде и других городах России сведения о всемирно известном Сорбонском университете. Нас, я помню, этот дикий по своему невеже-

Натуся - жена Д. Коркмасова.
Бабушка автора статьи.

ству и наивной простоте вопрос тогда просто привел в изумление. Переглянувшись и пожав плечами, нам оставалось, чтобы помочь товарищу, только сообщить, что университет этот искать следует не в России, а во Франции, в Париже. Позже мы часто вспоминали этот комичный эпизод, который со временем превратился в своеобразный анекдот, столь наглядно демонстрировавший уровень "компетентности" некоторых работников прежнего обкома партии.

Писатель М.-С. Яхъяев вслед за написанной им книгой об У. Буйнакском "Три солнца", увлекшись еще 25 лет назад личностью Дж. Коркмасова, написал о нем книгу "В полдневный жар" или просто "Джелал Коркмас". Этот известнейший писатель претерпел колоссальное сопротивление, чинимое ему в свое время партийными чиновниками при написании романов сначала об У. Буйнакском, а потом и о Дж. Коркмасове. Впоследствии, по совету Расула Гамзатова, он совместил оба романа в одну книгу и дал ей новое название "Бессмертие". Она увидела свет в 2002 году. Выпущена она была на средства, которые автор просил переадресовать для этой цели вместо запланированного ему правительством Дагестана подарка к его 70-летнему юбилею.

... и Мохаммед Шахтахтинский

Фонды архивов Коминтерна открыли нам факты, свидетельствующие о том, что в 1920 году Мохаммед Шахтахтинский (эта фамилия уже упоминалась мной в предыдущих публикациях в дагестанской прессе) выражал особую благодарность за оказанную ему честь трудиться главным драгомандом (советником-переводчиком иностранной миссии в Европе или в консульствах на Востоке. – Авт.) Коминтерна в "Совете действия и пропаганды на Востоке". Он, выражая благодарность руководству Коминтерна, особо подчеркивал, что, длительное время оставаясь без работы, "крайне обязан теперь своим положением рекомендациям дагестанца Джелала Коркмасова". (Дж. Коркмасов в тот период был членом Президиума "Совета Действия на Востоке". – Авт.)

Рекомендации Коркмасова, данные Шахтахтинскому, были не случайны. Еще по жизни в Европе он знал его как прогрессивного публициста, интеллектуала, знатока древней письменности. Именно Шахтахтинским осуществлялись переводы особо важных документов для руководства Коминтерна и "Совета действия" сразу с нескольких европейских и восточных языков на русский и обратно. Окончив реальное училище в Баку, он продолжил свое образование в Европе, Германии и во Франции. Был удостоен звания доктора Лейпцигского университета. Владел русским, тюркским, древнеперсидским, арабским, немецким, английским, французским, греческим языками и латынью.

До революции, в основном в столичной прессе, опубликовал ряд переводов на русский язык научных трудов по истории Востока. С 1903 по 1905 годы редактировал в Тифлисе на тюркском языке литературно-политическую газету "Шерки - Рус" (Русский Вестник). В 1906 году был избран от Эриванской Губернии во II Государственную Думу Российской Империи. Имя этого человека не встретишь ни в энциклопедиях, ни в других изданиях. Ничего о

нем, как выяснилось, до сих пор не слышали и в дагестанской научной среде.

Интересно, сохранили ли азербайджанцы память об одном из своих знаменитых соотечественников?

... и Халил-Бек Мусаясул

Архивные дела из фонда Коминтерна хранят обращение (осень 1920 г.) члена Президиума "Совета действия", зав. Отделом Коминтерна и члена Коллегии Наркомнаца РСФСР М. Павловича, в котором он хлопочет за молодого человека, ставшего позже знаменитостью, – художника Мусаева, утверждая о той пользе, которую он мог бы оказать, работая в качестве оформителя и художника в "Совете Действия". Обращение содержит сведение о том, что Мусаева в Дагестане могут рекомендовать Дж. Коркмасов и Б. Шеболдаев.

Просьбу Мусаева, за которого хлопотал Павлович, Стасова не удовлетворит. Это, скорее всего, было связано с тем, что Мусаев, находясь в Дагестане в дни правления Горского правительства, делал зарисовки некоторых общественных и политических деятелей иной идеологической ориентации, например, Бамматова, Гоцинского, возможно, были и иные причины. Следует добавить, что он работал художником в типографии Магомед-Мирзы Мавраева в Темир-Хан-Шуре и преподавал в реальном училище. Слава о его способностях быстро облетела край. Его кисти принадлежали портреты не только Гоцинского или Бамматова, но и революционных вождей, оформление сцены театра в городе, где в ноябре 1920 года проходил Чрезвычайный Съезд народов Дагестана, где Сталин, сидевший в президиуме рядом с председательствующим на съезде Дж. Коркмасовым, поинтересуется, чьей кисти принадлежат эти работы, особенно портрет Л. Троцкого. Хранители фонда Мусаева в Махачкале имеют материалы, свидетельствующие о той заботе, которую оказывали талантливому художнику Дж. Коркмасов, С. Габиев и А. Тахо-Годи.

После отказа Е. Стасовой Мусаев, покинув Баку, выедет в Тифлис. А оттуда, получив известие о гибели в Турции своего старшего брата Магомеда – в Константинополь. После его похорон Халил-Бек в Дагестан уже не вернется. В 20-е годы дагестанское руководство, предпринимавшее максимальные усилия для привлечения в республику одаренных, да и просто образованных людей, не раз обращалось по этому поводу и к Х. Мусаеву, жившему тогда уже за границей, где он завершил образование в Мюнхенской академии художеств. Осенью 1924 года перед отъездом в Германию Дж. Коркмасов просил А. Тахо-Годи списаться с Мусаевым. Тахо-Годи выполнил эту просьбу. Он написал Халил-Беку письмо, подписанное ими, возможно для большей убедительности, и братом Халил-Бека – Багадуром Малахиановым. Еще до этого Халил-Беку в Германию писал его брат. Он сообщал: "Я пока работаю заведующим в Чохской школе. В 15 числах июня меня командируют в Баку на курсы турецкого языка. Ведь в Дагестане турецкий язык признан как родной язык, и знание такого необходимо всем служащим Дагестана. Преподаётся также русский язык, но как предмет. Халил, кажется, наконец-то настанет время, когда ты приедешь. В крайнем случае, надо показаться на родине,

или таковая будет твоя жизнь и в дальнейшем, оторванная от родных и близких людей..."

А вот текст трогательного письма А. Тахо-Годи: "Багадур получил Ваше письмо, которое мы прочитали с интересом. Мы чувствуем, что Вы совершенствуетесь в искусстве, не отрываясь от родной почвы Дагестана, мотивы которой, по-видимому, составляют основу Ваших художественных переживаний. Нас это радует, но радует – признаемся – лишь наполовину. В чрезвычайно трудных условиях знакомой Вам обстановки нашего народа, каждая культурная единица является большой ценностью. Что же сказать о Вас, который был бы сейчас на родине единственным лицом, способным стать в центре художественно-эстетического влияния на массы через живопись, книгу, школу, театр. Вы пишете, что не догадывались, какая у аварцев богатая литература. А между тем, мы на днях выпускаем в свет собрание песен "Махмуда из Кахаб-Росо", оставляющих по красоте далеко позади все то, что до сего времени было известно в аварской жизни. В этот момент, если бы Вы были с нами, конечно, наше издание выиграло бы значительно и, может быть, нисколько не уступало весьма нас интересующему сборнику Дирр, приуроченному к съезду ориенталистов. Вообще мы в повседневной жизни часто сталкиваемся с вопросами, составляющими содержание Вашей специальности, и потому всечасно ощущаем Ваше отсутствие.

Так же в отношении Вас настроен и наш тов. Джелал, который, перед отъездом на заграничное лечение, часто Вас вспоминал и выражал сожаление, как в Вашем продолжительном отсутствии, так и о том, что в прошлую поездку (осень 1923 г., когда Джелал находился в Европе со спец. миссией. – Авт.) ему не удалось видеть Вас. Словом, мы хотим Вам сказать, что Ваша любовь к родине должна бы в ближайшее время выплыть в конкретной форме возвращения в родные горы, которые тепло встретят Вас. Надеемся, что в самом скором времени Вы отзоветесь исполнением наших пожеланий, идущих навстречу, впрочем, и собственному Вашему настроению, как это можно понять из Вашего письма.

При сем высыпается Вам двести рублей в счет субсидии Вашим занятиям. Адрес Джелала: Berlin, Filmersdorf, Frauentau Strasse, 5, Klinik Boas, Dielal Korkmasov".

Искрывающего ответа на вопрос, состоялась ли тогда встреча Халил-Бека с Дж. Коркмасовым, пока нет. Этих сведений нет и у хранителей "фонда художника Халил-Бека", нет этого и в книге Х. Мусаясуль "Страна последних рыцарей". Не представилась пока возможность перечерпнуть эту информацию из бумаг или иных записей Дж. Коркмасова, утраченных в результате потерь 1937 года. Но, я уверен, время ответит и на эти вопросы.

Как известно в нашу страну художник Мусаев не вернулся. Время покажет, что это было к лучшему. Кто бы мог ручаться за него в 1937 году? Но он, в отличие от тех, кто за него хлопотал, остался жив и прославился. Тем прославил и Дагестан.

... и Али Каяев

Он получил традиционное мусульманское образование, которое было очень развито в те годы в Дагестане. В 1899 году им была сделана рукописная копия на арабском языке с работы Муххаме-

да аль-Карахи, секретаря имама Шамиля. 1905–1907 годы он пробыл в знаменитом мусульманском университете аль-Азхар в Каире. В 1908 году Али Каяев из Каира переехал в Константинополь (Стамбул). Там он впервые встретился с Дж. Коркмасовым, державшим на Диван-ойлу свой меблированный пансион, в котором в основном проживали представители российских мусульман, – где и поселился. Пансионом заведовала М. Скоковская. Следует заметить, что Дж. Коркмасов прибыл в Турцию из Парижа, куда он вернулся в 1907 году из России, где за год до того был арестован и сослан из Дагестана в Сибирь. Ссылка затем была заменена на эмиграцию, и в Константинополь он отправился в связи с разворачившимися там событиями младотурецкой революции. В этом же пансионе проживал будущий глава правительства Крымской Республики (1917–1919 гг.), однокашник Дж. Коркмасова по юридическому факультету Сорбонны Джраф Крымэр. Он вспоминал: "В 1910 году я имел счастье познакомиться с двумя замечательными личностями. Один из них был Джелал Коркмас(ов) из северокавказских тюрок. Прекрасно владевший французским, русским языком, Джелал принадлежал к левым социалистам. Он вместе со своей супругой, революционеркой Марией Скоковской, происходившей из семьи польских аристократов, держал на Диван-ойлу пансион... При первом же нашем знакомстве Джелал подверг критике младотурецкое движение за конституцию, объясняя, что оно вовсе не является социальной революцией и что иттихадисты (члены младотурецкой партии) не понимают принципов народовластия... И нет ничего удивительного в том, что именно он с товарищами в 1910 году стали основателями Османской социалистической партии (ОСП)".

А. Каяев

Вскоре над респектабельным пансионом, явившимся своеобразным центром общественно-политической активности, выходящей далеко за пределы Турции, станут сгущаться тучи. Был арестован и выслан в Россию Али Каяев. За революционную деятельность подвергнется гонениям, правда, проживавший вне пансиона, вступивший в Османскую социалистическую партию Мустафа Субхи – сын одного из самых богатых и влиятельных людей в Турции, также студент Сорбонны, приехавший вместе с Коркмасовым в канун младотурецкой революции, ставший в 1920 году первым председателем Турецкой компартии. За опубликованную в 1910 году в Константинополе книгу "Угнетенный татарский народ" российское (царское) правительство потребовало ареста Джрафа Крымэра.

Отношения Дж. Коркмасова с младотурками, политику которых он первоначально приветствовал еще до начала издания им газеты "Стамбульские новости", уже основательно были подпорчены. Это явилось следствием того, что их лидеры все пассивнее относились к осуществлению намеченных в стране реформ. Российский по-

сол в Турции Чариков, первоначально восторженно отзывавшийся о газете, сообщая царскому правительству о несомненном успехе этого первого издания на русском языке в Турции и ее главном редакторе российском подданном Джелале Коркмасове, теперь, обращаясь к турецким властям, все настоятельнее требовал ее закрытия и прекращения деятельности российских эмигрантских групп. Вскоре и Джелал в связи с гонениями на его газету и угрозой ареста тоже покинет Турцию, и вернется во Францию, где продолжит образование – теперь на юридическом факультете.

А в Темир-Хан-Шуре А. Каяев становится в 1913 году редактором арабоязычной газеты "Джариату Дагъистан", выходившей до 1918 года. Газета, созданная по инициативе губернатора, стала чрезвычайно популярной среди арабоязычной интеллигенции. А. Каяев приветствовал февральскую революцию. Активное участие принял в подготовке выборов в Учредительное собрание. Был избран депутатом Дагестанского Областного Совета, возглавляемого Дж. Коркмасовым, а с 14 января 1918 года стал и членом Исполкома Советов. В феврале 1918 года А. Каяев написал публичное воззвание к алиям Дагестана, в котором осудил провозглашение Н. Гоцинского имамом. Он писал, что "всем, кроме неисправимых упрямцев, ясно, что для нас, дагестанцев, должность имама совершенно недопустима". По его мнению, Шамиль и его предшественники стали имамами под действием обстоятельств, связанных с тем, что "неверные стали захватывать их страну".

Затем он оставил государственную службу и вернулся в Кумух. Открыл свое медресе, стал выполнять функции общественного кадия, заниматься сельским трудом, одновременно работает над "Историей Гражданской войны в Дагестане". Медресе его просуществовало до 1928 года. В 1928 году его приглашают в Махачкулу на работу в Дагестанский краеведческий музей, для сборов материалов по истории и этнографии. В 1926 году он раскрывает свои реформаторские взгляды в работах "Путь ислама", "Диалог материалиста и идеалиста".

Свообразие его как мыслителя состояло в том, что он был искренне привержен к мусульманским религиозным ценностям и в то же время был человеком левых политических взглядов, близких к коммунистическим. Поэтому он подвергался критике с двух сторон. Арестованный и высланный из Дагестана в конце 1934 года, он писал из ссылки:

"Уважаемый Джелал. Узнав Ваш адрес, решил написать письмо, не забыв Вами оказываемую мне помочь и то, что Вы давали мне возможность работать... Несмотря на неподходящие условия, я продолжаю работать и уже написал большую часть истории и, можно сказать, закончил то, что было мне здесь возможным. Имею переписку с тов. Шовкинским, куда и собираюсь послать для обозрения. По-моему, если бы я находился в Дагестане, история бы вышла хорошая и точная. Пробую добиться разрешения поехать в Дагестан и докончить начатую работу, для чего и решил, с большими надеждами на Вас, послать Вам мое заявление... прошу оказать последнюю мне Вашу услугу и ответить мне письмом с Вашими советами, чего буду ждать с нетерпением. С почтением Али Каяев".

Письмо это, употребляемое некоторыми авторами, комментируется как письмо А. Каяева председателю Совнаркома Дагестана Дж. Коркмасову. Однако в 1934 году Коркмасов вот уже 3 года проживал в Москве и не являлся пред. СНК ДССР. Он был членом правительства СССР и как зам. Секретаря Совета Национальностей СССР, как

ранее об этом говорилось, курировал издательскую деятельность, ученые и высшие учебные заведения, культурные вопросы. Кроме того, являлся председателем Всесоюзного Центрального Комитета НА СССР и членом Президиума Ученого Комитета ЦИК СССР.

В стране уже нагнеталась атмосфера борьбы с "врагами народа". Другой, занимая столь высокое положение, возможно и не стал бы связываться с обременительными и небезопасными для себя хлопотами, но не Коркмасов. Его ходатайство в высшие инстанции, а также ручательство хорошо знавшего А. Каяева и работавшего тогда зав. отделом Дагобкома Ю. Шовкинского, положительно повлияло на рассмотрение заявления А. Каяева. Результатом явилось разрешение А. Каяеву вернуться в Дагестан. Он был принят на работу в Научно-исследовательский институт, где продолжил свою исследовательскую деятельность. Однако в начале 1938 года он вновь был арестован. На сей раз уже и из-за близости к "врагу народа" Дж. Коркмасову, Ю. Шовкинскому, А. Тахо-Годи и другим.

Стоят Патимат и Махач Дахадаевы, сидят Нафисат и Биби Марьям Шамиль (Апакова) - теща Махача.

... и Нафисат

Младшая дочь Магомед-Шафи, сына имама Шамиля. Нафисат, как и ее старшая сестра Патимат, были определены в Смольный институт благородных девиц и, закончив его, состояли фрейлинами при дворе. В Санкт-Петербурге и состоялось знакомство Магомед-Али (Махача) Дахадаева с Патимат. Ухаживания за ней привели его в дом Магомед-Шафи. А младшая сестра Нафисат, наблюдая за сценами их свиданий, стала сама испытывать к Махачу чувства. Ей нравился симпатичный и очень энергичный

молодой человек, ассоциирующийся в ее сознании с ее героической родиной. Брак, который состоялся вскоре между Махачем и Патимат, был недолгим. Причиной тому явилось поведение Патимат, слишком увлеченной светской жизнью. Уже позже, после развода с Патимат, Махач женился на Нафисат. Этому браку препятствовали родители невесты, но он все же состоялся. Махачу на средства родителей Нафисат был преподнесен в собственность даже завод по производству кинжалов.

Прекрасно воспитанная и образованная, Нафисат была женщиной твердых правил и высоких требований к себе и окружающим. Она знала ряд иностранных языков. Детей у нее с Махачем не было. Оставшись после его трагической гибели в 1918 году одна в Темир-Хан-Шуре, она часто бывала в доме Адиль-Герея Даидбекова, двоюродного брата Дж. Коркмасова, с женой которого была очень дружна. В их доме она и познакомилась с ее родным братом Сулейманом Кутушевым и вскоре вышла за него замуж.

Противоречивое это было время, когда политические ориентации в условиях гражданской войны развели всех по разные стороны баррикад. Адиль-Герей состоял министром транспорта Горского правительства, которое не воспринималось Деникиным и имело протурецко-западную ориентацию. С. Кутушев же служил в Добровольческой армии Деникина. А Дж. Коркмасов стоял во главе всех революционных сил в Дагестане.

Сулейман, как его отец и 8 братьев, был человеком военным. Участвуя во многих боевых операциях на фронтах первой мировой войны, он благодаря своим качествам сделал блестящую карьеру. Полковник, неоднократно раненный в боях, он стал обладателем многих наград, стал не только Георгиевским кавалером, но и награжден Георгиевским оружием. Февральскую революцию он встретил с восторгом. Его геройскую натуру многое роднило с Махачем, за исключением лишь разве того, что впоследствии они стали людьми совершенно противоположных идеологических ориентаций. Поначалу же и Махач, весьма восторженно относившийся к Временному правительству, входя в состав временного Дагоблисполкома, приветствовал его политику. А в деникинских частях, дислоцировавшихся в Дагестане, полковник Сулейман Кутушев занимал весьма ответственный пост. После разгрома деникинцев в Дагестане он был арестован и вскоре расстрелян.

Вскоре у Нафисат от этого брака родился мальчик. Оставшись одна, она за содействием обратилась вначале к Сафару Дударову, заместителю председателя Дагревкома. Сафара, человека высокой чести, мужества и невероятной храбрости, возможно, задевало скорое замужество Нафисат, ее брак с человеком, воевавшим против них. Он ей в участии отказал. Через некоторое время она обратилась к Джелалу. Для него она была не только бывшей женой его покойного друга и внучкой прославленного Шамиля, но хоть и не кровной, но все же родственницей. Джелал предложил ей обдумать возможность обосноваться в знакомом ей Питере. И она такое решение приняла. Некоторое время там преподавала языки. Ее отношения с моей бабушкой были очень дружескими.

В более поздние годы у Нафисат начнется полоса неприятностей. С одной стороны, это были личные дела, с другой, они связаны с гонениями, которому станет подвергаться имя ее деда, имама Шамиля, а также то, что, как ни крути, – она была женой бывшего царского полковника. Возникли серьезные материальные проблемы. Решать их в какой-то степени помогала ее племянница по мужу Эльмира Даидбекова,

присылавшая из Баку определенные средства. Письма, получаемые ею от Нафисат, были полны грусти, иногда обиды, что ее мало кто теперь вспоминает и, видимо, ее дела уже никогда не поправятся. Однако в письме от 26 февраля 1937 года (до ареста Джелала Коркмасова оставалось ровно 4 месяца) Нафисат сообщала: "Наш дорогой Коркмасов устроил на сей раз мне временное пособие в 150 рублей в месяц сроком на один год. Получила это пособие лишь в ноябрь сразу за три месяца. Представляешь, как было трудно". И в этом же письме, чуть ниже: "Коркмасов обещает выхлопотать для меня через тов. Сталина персональную пенсию. В последний приезд обещал устроить место в доме отдыха на Гунибе". В этом же письме она сообщает, что ее "недавно навещал Меджидов Бахрутдин, который был при Магомед-Али (имеется в виду Махач. – Авт.), когда его убивали".

Следующие письма ее полны тревоги. Что-то чувствовало женское сердце. В письме от 11.02.38 года она вдруг вставляет неожиданную и весьма осторожную фразу: "Ничего не знаю о Дж. Жив ли?". Тревога эта не покидала ее и дальше. Нафисат умрет в 1942 году в блокадном Ленинграде. Ее сын Энвер, правнук имама Шамиля, так же, как и мой отец, будет сражаться на фронтах Великой Отечественной войны. При обороне Сталинграда его тяжело ранят: разрыв мины повредил ногу. Так, с укороченной на 12 сантиметров ногой, и прожил он до конца своих дней. За храбрость и отвагу, проявленные в боях, он награжден несколькими орденами и медалями, в том числе станет и кавалером двух орденов Славы. В годы "руководящей и направляющей роли партии" в Дагестане его старались не замечать, даже не вспоминали, тем более что имя его прадеда, имама Шамиля, было в опале, а сам он для них был всего лишь сыном царского офицера. После реабилитации 1956 года отец мой вскоре переехал в Махачкалу. Они регулярно встречались, чаще в Баку, но, бывало, что и Энвер приезжал в Махачкалу. По этим приездам его сохранила и моя память. Это был высокий, статный мужчина, он заметно хромал.

Кстати, его дочь Эльмира, являющаяся таким образом прправнучкой имама Шамиля, окончив геологический факультет Бакинского университета, вышла замуж за однокурсника, араба из Сирии, и уехала с ним из страны. Некоторое время жила в Дамаске, но потом следы ее затерялись. В 1995 году Энвер из Азербайджана уехал к дочери в Дамаск и позже там умер.

Что касается писем Нафисат, то они, как утверждает Э. Даидбекова, как и другие письма, переписка и дневники Джелала Коркмасова, изъятые в 1937 году, согласно описи к протоколу обыска в количестве 8 мешков, безвозвратно утрачены. Она же передала мне и томик индийского эпоса "Рамаяны", изданного в С.-Петербурге в 1902 году, в переводе Ю.А. Роменского. Автор, увлеченный историей Кавказа, в июне 1917 года находился в Темир-Хан-Шуре. Тогда он и преподнес Дж. Коркмасову свою книгу. Дарственная надпись гласит: "В знак глубокого уважения и искренней преданности Джелал-Эд-Дину Коркмасову, 9 июня 1917 г. Т.Х. Шура".

Всматриваясь в глубины прошлого, мы открываем для себя сложные и бесконечно интересные страницы истории, и с этим еще более полным и глубоким пониманием приходит ощущение времени, осознание действительной величины исторических личностей, которые и являются собой Дагестан. Дагестан – на все времена.

Москва, 15 декабря 2004 г.

ТРЕВОГА

Атмосфера страха

Джамал РАБАДАНОВ

Вчера я отправил письмо тете своей жены, переехавшей жить и работать в Голландию. Рассказал о том, как мы тут живем. "У нас все нормально, – написал я, – недавно на центральной улице убили генерала милиции. А сейчас вот узнал в новостях Интернет-портала, что в городе идет спецоперация по уничтожению бандформирований..."

Дальше я хотел было описать благополучный запуск новоприобретенной стиральной машины, но... вдруг задумался. Что же получается, и это – "все нормально", когда вокруг взрывы и выстрелы, а люди гибнут, как на войне?!

Не вопрос: на свете много непорядочных и, что хуже, жестоких людей, тех, кто становится "героями" рубрик криминальных сообщений. Не было бы правонарушений и преступлений – настал бы тот самый легендарный "золотой век". Наивно об этом думать, но на Земле началось бы царство того, за что страдал Христос, что завещал Мухаммед и проповедовал Будда. "И было бы скучно", – подумав, подытожил мой приятель.

Да, с терроризмом борются спецслужбы и в более благополучных странах. Несмотря на то, что борются со "слабыми" (понятие "терроризм" истолковывается как насилие со стороны слабого), борьбу эту, очевидно, спецслужбы проигрывают. И весь мир живет в атмосфере страха.

Но именно в нашей стране терроризм расцвел махровым цветом, и именно в нашем регионе жить как нигде сложно. Об относительной безопасности и защищенности человека от нечеловека не может быть и речи. Здесь, где теракты стали регулярными, человеческая жизнь обесценилась. А как будто обеспечивающая безопасность граждан и борющаяся с преступностью милиция сама как никто уязвима. Простите за циничное сравнение, но "стражей порядка" сегодня отстреливают как куропаток.

"Эту страну я люблю, когда в ней нет гражданских войн, голода, грязи, хамства и меня", – сказал кто-то о России. Я тоже хотел бы любить ее так, на почтительном расстоянии. И жить, скажем, где-нибудь в Новой Зеландии, где никогда не было войн и самое чрезвычайное происшествие, которому посвящается телевизионный выпуск новостей – это побег страуса из зоо-

парка. Кстати, вот что удивительно. Такие страны, как Австралия и та же Новая Зеландия, согласно истории, заселялись всего лишь лет двести назад ссыльными каторжниками. Там сегодня высокий коэффициент ВВП, а понятие "криминал" сведено на нет. А здесь, у нас, сегодня живет легион молодых людей, которые ухватятся за любую возможность сменить гражданство.

Если продолжить географический экскурс, то можно согласиться с доводом воображаемого собеседника-оптимиста: да, многие развитые демократические страны прошли через это. И в оплоте демократии – Соединенных Штатах – тоже наблюдалась когда-то Великая депрессия, и гангстеры – оттуда, и фильм "Однажды в Америке" это показывает. Но... увы, нам, молодым, здесь не очень верится в светлое будущее. Потому что терпим и молчим в тряпочку, потому что "моя хата с краю". И как всегда, ищем крайнего, того, кто виноват. Нередко и многими из нас вся ответственность за происходящее вокруг и за несложившуюся личную жизнь возлагается на государство. Дескать, оно во всем виновато, такое-сякое. Но ведь логично и справедливо то высказывание, что народ имеет ту власть, которую заслуживает. Признать это вслух мы не хотим. Может, это хроническое, может, у нас так никогда и не будет спокойной, благополучной жизни?

Какие есть основания считать иначе? Конечно, все меняется. Но для того чтобы все изменить к лучшему, нужно что-то для этого предпринять. И ясно представлять прежде, что именно предпринимать и к каким последствиям это должно привести. Неплохо было бы изменить отношение к привычным, казалось бы, явлениям. Например, понять, что человек, вышедший на площадь с плакатом протesta – не ума лишенный, а обладающий им. Им и правами: правом на свободу и неприкосновенность личности, на равенство всех перед законом, правом на труд и правом на отдых, правом на жизнь, в конце концов.

Еще – не уходить с места совершенного правонарушения или чрезвычайного происшествия, коль скоро стали очевидцем, а дать свидетельские показания. Жить так, как живут в Израиле, где бдительная подозрительность всячески культивируется, где самая тщательная проверка в аэропортах и других местах массовых скоплений, где каждый считает своим гражданским долгом сообщить о

подозрительном пакете на улице. Благодаря чему в этой стране создана самая эффективная система борьбы с терроризмом.

А еще ходить на выборы и голосовать по убеждениям. Способствовать развитию свободы слова. Быть силой, определяющей судьбу своей страны. Здоровым обществом, цельным народом. Все выше обозначенное воспринимать как руководство к действию, а не в качестве пустых лозунгов.

Если призадуматься, то свобода слова, независимые СМИ и прочее нам не очень-то и нужны. У нас все друг про друга все знают, и нет надобности в журналистских расследованиях. Но есть надобность в следующем: соблюдать закон самому, требовать соблюдения его другими и наказывать тех, кто его нарушает. А не жить по тем неписанным обычаям и понятиям, которые давно уже устарели или изначально были дикими.

Каждый из нас, наверно, думает о своей безопасности и безопасности своих близких. Мать тревожится, когда сын запаздывает к ужину, жена старается не выходить из дома без мужа с наступлением сумерек, старший брат приглядывает за младшими. И как только где-то что-то грохнет или раздастся очередь, мы быстро пересчитываемся и спешим к телефонам: узнать, все ли из родственников целы. Узнаем, облегченно вздыхаем и смотрим последние новости, чтобы почувствовать родным случайного прохожего, которого среди бела дня нашла шальная пуля.

Мы смакуем репортажи с мест терактов, и нам их показывают с безграничной подробностью окровавленных тел. И мы отвернемся, если журналисты начнут нам рассказывать только о побегах страусов из зоопарка. Не столько потому, что не поверим, что это самое чрезвычайное происшествие на сегодня. А потому, что мы, как к наркотику, привыкли к новостям о взрывах газопроводов, перестрелках с боевиками, покушениях на жизнь богатых и властных людей. Сами о том не задумываясь, мы привыкли жить в атмосфере страха, это для нас – норма.

Я с завистью смотрю на молодые семьи, насчитывающие больше двух индивидуумов. Мне тоже хочется маленькой семейной идиллии: беззаботно гулять по парку со своим ребенком на руках. Но руки мои пусты, отчасти оттого, что я понимаю: беззаботно гулять не получится.

Получится испытывать ежедневную, ежесекундную тревогу за своего ребенка. Выяснить, есть ли в его школе охрана, настоящая охрана, а не дутая, прежде чем отдавать его туда, учить его быть бдительным и осторожным, повторять о правилах дорожного движения, говорить о недоверии к посторонним людям. И неожиданно ловить себя на мысли: хорошо, что я не богат, у меня не станут похищать моего сына или мою дочь. Испытывать затем чувство вины перед своими детьми, как невольный, пассивный участник всего творящегося...

Задумаешься так – и мороз по коже. Не то чтобы страшно жить (мужчина все-таки). Жутко. Нельзя сказать, что больно жить (опять же не мужское это). Скверно.

Жутко и скверно. Очень.

ПРОБЛЕМА

Джонрид АХМЕДОВ,
профессор ДГПУ

Мы и государство

События в Беслане потрясли страну, нашли широкий отклик за рубежом. Кровавую расправу с детьми негодяев, забывшими, что у них тоже есть дети, сестры, жены, братья, невозможно по-человечески осмыслить. Но попробуем взглянуть на события в Беслане, в Москве, на недавние произшествия в Каспийске, Махачкале с другой точки зрения.

Оглянемся вокруг. Способствует ли нынешняя морально-психологическая и нравственная атмосфера в стране созданию нормального климата в обществе? У большинства населения на этот вопрос ответ отрицательный. Почему? Думаю, потому, что люди видят: власть, осуждая на словах криминализацию всех сфер жизнедеятельности общества, коррупцию огромных масштабов, на деле не принимает для борьбы с этим злом каких-либо действительно серьезных мер. Все мы свидетели безнаказанности преступников, разгула безнравственности, что позволяет проходимцам, находящимся "под разными крышами", творить свои дела.

В Махачкале, да и в других городах и селениях республики, за годы "реформ" появилось немало особняков с высокими каменными заборами и коваными железными воротами, похожими на феодальные замки. Наблюдая эти огромные стены, я пришел к мысли, что они, наверное, нужны, чтобы скрывать темные деяния, совершаемые за ними. Позволительно спросить у людей, кому по должности это положено знать: на какие деньги они построены? Ведь пахнет возникшими за стол короткий срок миллионами, которые невозможно нормальным людям в нынешних условиях заработать даже за всю жизнь. Владельцы же этих хором, как мне известно, игнорируют даже платежи налоговым, коммунальным и другим службам. Однако еще ни одного коррупционера не выставили на всеобщее обозрение, не припомню, чтобы какого-то взяточника, бездельника, непрофессионального чинушу выставили за дверь высоких кабинетов. Бессмысленно говорить о многочисленных примерах взяточничества в деятельности многих органов. Как говорил еще баснописец И.А. Крылов: "А Васька слушает да ест".

Спустя три года после сентябрьских событий в Нью-Йорке прогремели взрывы и выстрелы в Беслане. Сделали ли какой-нибудь вывод наши чиновники из американской трагедии? Думается, нет. Мне кажется, что устремления простых людей и разного рода властных структур находятся в разных плоскостях. Одни на свою зарплату еле сводят концы с концами, вторые же, имея такое же или чуть большее трудовое вознаграждение, строят тем не менее особняки, покупают импортные автомашины. Это ли не издевательство над большинством населения, которое все это видит и понимает?! Разве можно строить справедливое государство (еще громко говорят: гражданское общество) на нечестности? Как можно говорить о любви к Отечеству, когда львиная доля отечественной экономики, особенно нефтяной и газовой отраслей, вдруг оказалась в руках вчерашних проходимцев, которые сегодня свои миллиарды вкладывают в зарубежные проекты. Неужели в России нет сил, которые могли бы на законных основаниях лишить миллиардеров Березовского, Гусинского, Абрамовича и их "собратьев" в регионах незаконно захваченных государственных средств.

Что можно сделать в сложившейся ситуации? Президент В.В. Путин, выступая 13 сентября 2004 года на расширенном заседании Правительства РФ с участием глав всех регионов страны, определил главные задачи: "Необходимо действовать, повышать эффективность органов власти в решении всего комплекса стоящих перед страной проблем". Речь шла о кардинальной перестройке исполнительной власти, об укреплении единства страны – "главном условии победы над экстремизмом", о том, что "борьба с террором – это общегосударственная задача". "Задача, – сказал президент, – для выполнения которой требуется мобилизация всех ресурсов. И, очевидно, что единство действий всей исполнительной вертикали здесь должно быть обеспечено в первую очередь, и безусловно".

Я понимаю, что президент должен ориентировать общество на выполнение глобальных задач. Но мы знаем из истории, что, к сожалению, общие положения, лишенные конкретности, никогда никакая из властных структур не принимает всерьез как руководство к действию. На моей памяти столько было вынесено праведных резолюций, различных активов иplenумов Дагобкома КПСС, не получивших никакого реального исполнения. Не дай бог, если это указание президента останется без реагирования...

Для борьбы с экстремизмом позволю себе высказать, не увлекаясь общими положениями, несколько предложений.

Как сообщили СМИ, в бюджете страны 2005 года по статье "Борьба с терроризмом" выделены десятки миллиардов рублей. Мне кажется, военное ведомство и правоохранительные органы, поняв, как их щедро одаривают, вообще перестанут работать, а будут и дальше требовать все новых финансовых вливаний. Разве кто-нибудь отказывался от таких умопомрачительных денежных поддержек? Нет. Дайте им еще сотни миллиардов – все равно результат будет один: львиная их доля уйдет в карманы крупных и помельче чиновников, а терроризм останется на том уровне, который мы имеем сегодня. На мой взгляд, наконец-то, должна быть повышена (причем основательно) требовательность к кадрам, которые в условиях рыночного хозяйства в основном отошли от достойного выполнения своих профессиональных обязанностей и переключились на денежные отношения. А ведь эти ведомства – основа основ государственности.

Как недавно отмечала газета "Жизнь", любой террорист, отдав тысячу рублей работнику аэропорта, проникнет без всяких проверок в любой самолет, улетающий в любом направлении. Тысяча рублей, оказывается, выше безопасности страны...

Помнится, в Советском Союзе каждый грамм тротила

находился на учете государства. Сейчас каких только взрывчатых веществ, в том числе и пластида, нет у террористов. Откуда у них все это? Конечно, они достаются им от наших силовых структур, которым все равно, кому и что продать. Любому террористу легкодоступны оружие и взрывчатка, но почему-то не проводятся какие-либо широкомасштабные операции по закрытию каналов снабжения ими террористов. Кому нужны разговоры, если военнослужащие, силовые структуры обеспечивают террористов оружием? Много ли разоблачено предателей? Кто о них знает?

Как мы знаем из средств массовой информации, почти все громкие преступления совершаются на автомобилях с затемненными стеклами людьми, одетыми в камуфляжную форму милиции или воинов Российской армии. Что государство предприняло, чтобы изменить сложившееся положение? По существу, ничего. Как и прежде, форму носят все кому не лень, машины с затемненными стеклами, с номерами и без каких-либо номеров продолжают курсировать по дорогам Дагестана.

Вспоминаю очерк Льва Шейнина "Брегет Эдуарда Эрио", в котором рассказал случай, произошедший в начале 20-х годов в Ленинграде, куда пожаловал – впервые из иностранных высших руководителей – президент Франции. Во время посещения им Мариинского театра оперы и балета кто-то украл его бретет (часы). И что? Даже в те сложнейшие годы служба безопасности молодой Советской республики действовала четко. Долго искали уркагана (ведь речь шла о престиже страны!) – а все известные воры, оказывается, даже в то время были на учете у местных властных структур. И с помощью местных воровских шаек вышли на совершенно никому не известного вора, прибывшего из другого города, отобрали у него бретет и вернули его французу. Говоря об этом, хочу подчеркнуть, что после "великого побоища", которое устроил Ельцин силовым структурам, наша страна по его "милости" потеряла не только многих разведчиков за рубежом, но и элементарных агентов МВД и ФСБ, а без них этим органам тяжело, если вообще возможно, работать.

Думается, надо дать понять всем семьям, которые укрывают или предоставляют свое жилье бандитам, что они ответственны за действия укрываемых ими лиц. Если окажется, что судебно-следственные органы установят их причастность к укрывательству, эти люди должны быть строго наказаны. Как я понял, многие соседи, сослуживцы, родственники преступников, зная о злонамеренных действиях своих знакомых или близких, не только не осуждают их действия, но и не сообщают соответствующим органам об их коварных и жестоких намерениях. Разве эти люди не должны нести ответственность? Думаю, поддерживая и помогая бандитам, они являются пособниками предателей нашего народа.

Мне кажется, что и система работы МВД республики нуждается в основательном пересмотре. В противном случае мы и дальше будем находиться в зоне непредсказуемых событий. Это в определенной мере относится и к другим силовым структурам.

И, наконец, несколько слов вот еще о чем. Мы видим, что сегодня системы воспитания молодежи – правового и патриотического, нравственного и эстетического – не существует. Вот уже полтора десятка лет наше общество в этой области дрейфует без руля и без ветрил. Это касается прежде всего общеобразовательных школ, высших учебных заведений, детсадов, даже родительского воспитания. Наверное, нет необходимости доказывать это. Выйдите на улицу, повнимательнее присмотритесь к нашей молодежи – и вы убедитесь, какая сила – бездуховная, жестокая, похабная – идет на смену старших поколений.

С кем бы я ни встречался, мои собеседники говорят, что государство, к сожалению, пока не выполняет своих функций. Очень жаль!

Однако будем надеяться на лучшие времена.

В предыдущем номере нашего журнала (№ 1, 2005 г.) была опубликована дискуссия "Пессимист и оптимист: взгляд на телебудни". Поскольку спор шел по поводу нынешних реалий, а проблема эта бесконечна, материал заканчивался словами: "Послушаем, что скажет о нашем споре читатель. Если это его трогает, продолжим разговор и на другие темы..." Возможно, "это" тронуло, поскольку мы получили предложение продолжить разговор.

Два ответа на вопрос «Кто виноват?»

- **М**ожно ли внятно объяснить (в чем я сомневаюсь), в какой стране возможно такое, чтобы президент, пропивший и разваливший страну, стал бы пенсионером с почти императорскими привилегиями. Судя по сообщениям СМИ, семья бывшего президента отхватила, оказывается, почти 20% или пятую часть ВВП страны. Он не только сам ограбил страну, но и вдохновил на это ближайшее окружение. И на этого богатейшего в России пенсионера государство, судя по прессе, тратит еще по 40 миллионов долларов ежегодно. Уже одного этого достаточно, чтобы понять моральный облик и глубину алчности экс-президента, благодаря которому бедствуют миллионы россиян.

- **О**бъяснить нет ничего проще. Из приличных, скажем так, стран такое возможно, если это так, лишь в России. Но это не так. Дело в другом. Еще Ленин сказал, что социалистическая революция возможна только в такой полудикой стране, как наша. Не буквально его слова, но смысл их именно таков. В некоторой прозорливости ему не откажешь, поскольку в своих основных прогнозах он совершил чудовищную ошибку, равной которой в истории человечества не было, и уже не будет. А то, что сделал бывший президент, сама возможность появления такого президента – тоже одно из последствий ленинской ошибки. И отнюдь не самое страшное. Поэтому "богатейший в России пенсионер", на содержание которого уходит ежегодно не 40 миллионов долларов, а приблизительно и сомнительно один миллион (что тоже много и тоже спорно), – не причина, а следствие государственного переустройства, которым в силу суровой необходимости вынуждена заниматься страна. У нас происходят и еще будут происходить всякие несусрязи, которых, увы, не избежать в силу сложности стоящих перед страной задач, отягощенных нашим историческим путем и нашим менталитетом. От понимания этого не легче жить, но легче перебороть и перетерпеть закономерные трудности. Мины замедленного действия, заложенные в октябре 17-го, взрываются попеременно и вразброс до сих пор. Миллионы россиян не могут бедствовать из-за алчности какого-то одного человека или кучки олигархов. Это сказки из прежних школьных учебников. Они бедствуют из-за глупого экономического механизма, из-за плохого государственного устройства. Происходит сие потому... об этом я уже сказал выше.

- **Н**о ведь это истина, что обреченные на нищету и голод наши граждане в течение более 70 лет, получая от 8 до 12% от заработанного, создали мощный экономический потенциал, богатство страны, обладателями которого стараниями Ельцина стала кучка олигархов. Мировая история, очевидно, не знала подобного массового надувательства государством своих граждан, которое произошло в России под лозунгами демократии. А идеолог подобного обмана Чубайс довольно часто мелькает на телезреконах, вызывая у телезрителей аллергию. Ведь в цивилизованной стране он со своими подельниками сидел бы в тюрьме как главный грабитель страны. Но он прекрасно, видимо, понимает, что живет в стране, которую он и его собратья-демократы обрекли не только на нищету, но и на безмолвие, поскольку граждане лишились права защищать свои интересы.

- **П**о эмоциональному заряду сказано замечательно. Но истинно только то, что граждане получали мизерный процент от заработанного. Какой именно – не знаю. Может, и такой – 8-12 %, может, чуть больший, а скорее, – даже меньший. Все остальное – миф. Мощный экономический потенциал? Полноте! Какой же он мощный, если 99 % населения считали копейки от получки до получки. По сравнению со средним европейцем, американцем или японцем, люди имели постыдное жилье, питались, одевались, отдыхали в разы хуже. Экономический потенциал измеряется уровнем жизни населения, а не количеством выплавленной стали, добьтой нефти, выпущенных танков или запущенных в космос ракет. Ельцин и кучка олигархов – это зигзаг на пути России от капитализма к коммунизму и обратно к капитализму. Нынешний день приходится на этот отрезок "обратно", и тут ничего не поделаешь. Раньше надо было думать – нашим дедам и отцам. Что до мировой истории и массового надувательства граждан, то любой пример меркнет перед надувательством не только населения России, но и многих стран Восточной Европы, Азии, Африки и даже Центральной Америки, в которых коммунистические партии стремились убедить людей в необходимости отмены рыночной экономики и введения плановой. Здравый смысл противоречил этому, но "умники" на одной шестой части суши упорствовали, пока не довели свой народ до ручки. Что мы сейчас полной мерой и

расхлебываем. Идеологом подобного обмана является не Чубайс, чиновник, которому была поручена коренная перестройка экономики, а российские коммунисты, услугливо подсунувшие Чубайса вместо себя обманутому коммунистическим строительством народу. Бедный народ, который столько лет принимал вранье за правду и настолько к нему привык, что по инерции поверил и в этот раз. Поэтому аллергия на Чубайса понятна. Примечательно, что обыватель уже забыл, что Чубайс претворял в жизнь волю именно коммунистического большинства российского парламента, избравшего именно тот вариант приватизации, который сейчас подвергается столь уничтожающей критике. Но обыватель этого не помнит. Ему указали, как это происходило не раз все 70 лет, на "виновника" его бед, и он с готовностью обратил свой гнев в нужную для истинных виновников сторону. Вначале это были империалисты, затем оппортунисты, затем враги народа, потом шпионы, евреи, лица кавказской национальности... и, конечно, Чубайс. Один чиновник развалил великую державу?.. Это держава такая великая? Или чиновник великий? По-моему, вранье великое! Говорится же: за деревьями не видать леса. Легенда о Чубайсе – как раз этот случай.

- Да? А наглость и интеллектуальная ущербность демократов типа Чубайса, которые подняли вселенский крик по поводу своего провала на последних выборах в Думу. Ведь самому далекому от политики смертному было ясно, что демократы находились на содержании олигархов и защищали их интересы, а не интересы простого народа. Поэтому естественно, что народ дружно проголосовал против них. Следует учесть и то, что демократы очень долго болтали о реформах, обещая райскую жизнь гражданам. Однако прошло вот уже почти 15 лет, но ни одной реформы в стране они так и не претворили в жизнь. Единственная реформа, которую демократы очень быстро осуществили, получила у народа об разное название – "прихватизация".

- Кого вы называете демократами типа Чубайса? Немцова и Хакамаду? Я тоже так раньше считал, но последние выборы показали: это не так. Не случайно Чубайс и Гайдар открытились от "демократов" типа Немцова и Хакамады, которые стали выступать против президента, который стал проводить реформы, за которые они прежде ратовали сами. Поэтому народ их и не избрал! Что произошло – сказать не берусь. Думаю, все оттого, что Хакамада сама боролась за президентское кресло, а Немцов обижен на Путина за его критику в свой адрес. Не исключаю, что ими в ходе избирательной кампании отрабатывались и деньги тех, кому Путин досаждает своими реформами. Их, реформ, в стране, кроме пресловутой "прихватизации", от которой выиграли прежде всего коммуно-комсомольско-административные начальники, проведено уже немало. И "райскую" жизнь – кроме компартии в свое время – у нас тоже никто не обещал.

- Но в последнее время демократы затеяли новую шумную кампанию якобы против диктатуры в стране. Они яростно выступают против президента, предпринимающего меры по укреплению государственной власти, которую они фактически развалили. Мы вновь сталкиваемся с удивительной логикой демократов, элементарно не понимающих, что без нормального государства с четко разработанными, социально справедли-

выми законами и законопослушными гражданами демократия становится нонсенсом. Еще древние греки говорили: "Пусть рушится мир, но торжествует закон". Подобным недомыслием демократов можно объяснить их неслепые попытки затолкать Россию в рамки западноевропейской или американской демократии. Они даже не удосуживаются заметить, что демократия в этих странах строилась шаг за шагом столетиями. Трагедия страны в том, что перестройку затеяли не профессионалы, а полуграмотные и наглые высокочки, оказавшиеся в свое время вокруг Ельцина. Свидетельством низких познаний их в вопросах теории и практики демократии являются развал и хаос, воцарившиеся в стране. Благодаря бурной деятельности этих интеллектуальных евнухов слово "демократия" дискредитировано и воспринимается в стране как ругательство.

- Против президента, укрепляющего государственную власть, без чего демократия становится блефом, выступают не демократы, а псевдодемократы, люди, которые себя только называют ими и которых поэтому демократами считают другие. По-моему, Немцов и Хакамада, например, демократами сегодня не являются, поскольку их нынешняя политика объективно направлена против установления в стране демократии. Всегда ли они были такими или переродились лишь в последнее время, судить не берусь. Но факт таков. Поэтому не надо путать мух с котлетами. Терминология – коварная штука. Демократия при Ельцине и вокруг Ельцина даже не пахло. Коррупция, взяточничество, терроризм и т.п. – это ведь продукты феодализма с империализмом, царского режима вкупе с советским, и дикого капитализма вместе с псевдодемократией. Давайте называть вещи своими именами. Что касается перестройки, то ее не затеяли, она не результат чьего-либо желания или нежелания. Она – неизбежность, историческая, если хотите. Советская экономика не могла дальше функционировать в силу своей ущербности, в силу ее противоречия самой сути существования человеческого общества. Печально, что именно Россия оказалась в роли подопытного кролика при этом социальном эксперименте, обретенном на неудачу. Ленина об этом предупреждали более умные люди, но их он не послушал. Зато его послушали менее умные люди, и Россия пошла в разнос, что мы сейчас пожинаем, возвращаясь постепенно в лоно цивилизации. У нас снова идет революция, исправляющая плоды большевистской революции, но, слава богу, не такая кровавая, как она. Однако при всяком переустройстве наверх всегда первыми всплывают наиболее инициативные люди. Жуликов и проходимцев среди них – пруд пруди. Нынешние "художества" псевдодемократии – их заслуга. Есть, конечно, и ошибки, но ведь их не бывает только у тех, кто не работает.

- Сегодня не так важно, кто демократ, а кто – псевдо демократ, важно, что они создали социальную напряженность в стране, не нашли ничего лучшего, как отвести озлобленность народа от себя и направить ее на "лица кавказской национальности". По телевидению ведется целенаправленная работа по внушению гражданам России мысли о том, что виновниками всех бед в стране являются "лица кавказской национальности". Свидетельством целенаправленного и продуманного характера подобной кампании является наличие того факта, что в северокавказских республиках уровень жизни народа в

несколько раз ниже, а безработица выше, чем в среднем по России. А московские чиновники, создавшие государство в государстве, носятся с идеей о выселении кавказцев из Москвы. Создается ощущение, что это делается для раз渲ла страны. Не могут же московские деятели не понимать, что бежавшие от безработицы на Кавказе в Москву люди – такие же граждане России, как и москвичи. Кавказцы в свое время ведь тоже вносили и вносят свою лепту в создание экономического потенциала и инфраструктуры Москвы. Выселившие из Москвы кавказцы естественно зададутся вопросом: если они чужие в Москве, то почему выходцы из других регионов страны живут на Кавказе? Весь ужас в том, что подобный сценарий развития взаимоотношений Москвы и Северного Кавказа кому-то очень нужен...

– Ну, упрекать власть или отдельных политиков в кавказофобии с коварной целью держать северокавказский регион в нищете – это уж слишком. Где и когда вы видели, что нищий сосед для человека, для региона или целой страны был предпочтительней богатого. Не всякие политики и не всякая власть умны, но быть глупыми или великодержавными шовинистами до такой степени – вряд ли. Это себе дороже. Не понимать этого московские чиновники не могут. На мой взгляд, причина кавказофобии кроется в советской привычке искать виноватых на стороне, а не в своем доме. Плюс присущие России антисемитизм, негативное отношение к иноверцам, идущие из глубины веков. К сожалению, власть умнеет, освобождается от коррупции медленней, чем хотелось бы. Конечно, нарушение закона приезжим, чей внешний облик отличается от местных, психологически больше бросается в глаза. Но внешность криминогенна или сознание? Понимание этого зависит от общего уровня культуры в стране. У нас он низок: что в центре, что на местах. Отсюда – добавочные беды.

– Однако меня не покидает ощущение, что вся деятельность по суверенизации регионов, демонстрирующая наиболее значимых для безопасности страны госорганов – это не просто недомыслие. Судя по всему, реализуется тщательно продуманный план по раз渲лу России. А если это так, то возникает вопрос: способны ли мы разобраться с этим страшным злом? У трезвомыслящих граждан в этом плане остается все меньше иллюзий, поскольку они убеждаются, что для раз渲ла страны не обязательно, оказывается, военное поражение, а достаточно

элементарно снести несколько столбов, на которые опирается государство. Подобными опрокинутыми столбами выступают органы госбезопасности, обороны, образования, здравоохранения, науки... Если все это сотворено сознательно и с далеко идущими целями, то остается лишь назвать авторов и исполнителей этого сценария. При желании задача, видимо, нетрудная. Но беда в том, что стремление изменить что-то постоянно нейтрализуется.

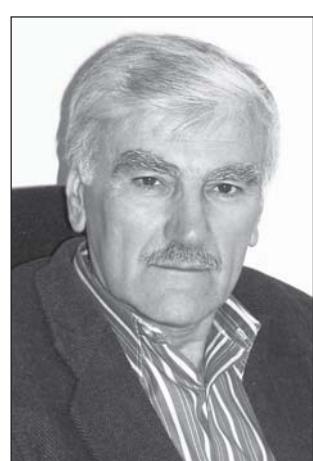

Мурад МАГОМЕДОВ
(за пессимиста)

– Трудно предположить – даже смешно, когда было так грустно, – что в государстве находятся силы, которые стремятся к раз渲лу своего государства. И не только внутренние, но и внешние: мол, Запад только и мечтает, чтобы демонтировать Россию, захватить ее богатства. Разговоры об этом очень культивировались в советское время, что было понятно: нужно было как-то оправдывать подготовку к войне, лишения народа ради вооружения, агрессивную риторику и т.п. Но теперь-то зачем верить этим бредням! Почему проклятый Запад не захватывает небольшие и беззащитные, но богатые ресурсами азиатские и африканские страны, а вместо этого освобождается от колоний, предоставляя им самостоятельность и выплачивая за их ресурсы огромные средства своих налогоплательщиков? Почему вместо этого он точит зубы на Россию, обладающую ядерным оружием? Неужели для того, чтобы иметь для себя добавочные проблемы с ее нищим и озлобленным на всех и все народом? Наивная приверженность привычным советским лозунговым утверждениям играет с нами злую шутку. Вместо того чтобы исправлять свои ошибки, мы сваливаем по привычке свои грехи на других. Нет, пора нам, давно уже пора образумиться.

– Беда России в том, что страной не правили умные люди. В новой истории – особенно. Интеллигенция у нас всегда прозябает на задворках. Вот если у руля встанет действенная элита, а не мнимая, тогда я тоже стану оптимистом. Для этого нужна воля всего народа. Иначе грядущие поколения с ностальгией будут изучать историю развалившегося СССР, загубленной России. А чтобы вдохновить разочаровавшийся во всем народ на возрождение страны, необходимо вернуть его доверие к власти. Для чего вполне достаточно призвать к ответственности всех без исключения лиц, причастных к грабежу и раз渲лу страны. Воры и преступники, как говорится, должны сидеть в тюрьме.

– Вот с этим не поспоришь! Конечно же, должны. Но кто в нашей истории воры и преступники? Те, кто отнимал у народа личную собственность в начале прошлого века? Или те, кто в конце этого века растащили по своим карманам собственность государства? Не сплошная ли это цепь преступлений и воровства? Кого осуждать и сажать? Остается осудить бывших и посадить нынешних. И помнить: продуктивней смотреть не назад, а вперед. Для чего народ должен доверять власти. Президент, судя по всему, уже заслуживает доверия. Хорошо бы теперь уверовать нам в законодателей, в исполнителей, в правоохранительную систему. Да и в четвертую власть – власть прессы – тоже! И тогда в России, в частности, и у нас, в Дагестане, мы перестанем задаваться этим вечным и проклятым вопросом: кто виноват...

Далгат АХМЕДХАНОВ
(за оптимиста)

Мурад Кажлаев: 50 лет спустя

Пятьдесят лет назад (в апреле 1955 года) в культурной жизни нашей республики произошло знаменательное событие. Впервые на Северном Кавказе именно в Дагестане был создан Союз композиторов. Включал он в себя поначалу всего четырех музыкантов. Но каких! Готфрид Гасанов, Сергей Агабабов, Наби Дагиров и Мурад Кажлаев. Самый молодой из них, Кажлаев, тогда студент консерватории, а сегодня народный артист СССР, автор многих известных произведений, среди которых замечательный балет "Горянка", музыки к десяткам фильмов, ныне художественный руководитель и главный дирижер Академического Большого концертного оркестра имени Юрия Силантьева, профессор, обладатель многих международных и отечественных почетных званий и наград. Мурад Кажлаев отвечает на вопросы корреспондента журнала.

– Сегодня, через пятьдесят лет, с каким ощущением того, что происходит вокруг нас и в нас самих, вы живете?

– Осмысливая все происходящее, я, как и все, понимаю, что у нас, в Дагестане, происходит как переоценка, так и недооценка того, что мы пережили за прошедшие годы. Так ведь, и это естественно. Что касается моих инициатив, которые проявлялись в последнее время, в числе которых попытка открытия возле театров "Аллеи звезд", чтобы увековечить на ней имена ушедших наших знаменитостей в искусстве, попытка поставить свою оперетту "Валида" в нашем театре, но прежде всего предлагал создать школу для особо одаренных детей по образцу развитых стран, то, к сожалению, я уперся в непробиваемую, как выяснилось, стену. Могу показать толстую пачку писем, переписку с разными высокими инстанциями. Все впустую. Самое примечательное, что никто прямо не отказывает, все приветствуют, но дело только этим и ограничивается. Уму непостижимо, сколько усилий затрачено, сколько надежд погублено, хотя идея такой школы всем нравится. Ведь речь идет о развитии дарований наших талантливых детей, самом важном достоянии республики, я сам окончил в Азербайджане такую школу. Они ведь будут представлять ее искусство, нести это знамя дальше. Но нет! Все "за", а на деле оказывается, что "против". Не мне ведь это нужно, а Дагестану. Я же хочу для этой цели лишь использовать свой потенциал. Пусть в этой школе будет не 50 и не 30 учеников, а всего 10. Пусть ее окончат лишь два или три музыканта, художника. Но это будет, грубо говоря, "штучный товар". Они станут в будущем лицом культуры Дагестана. Должны же мы думать о своем лице?! Но у меня для доказательства уже нет сил. И нет средств, чтобы самому строить школу. Я копил для этой цели деньги, получая гонорары за свои произведения в

советское время, получил и участок для строительства, но деньги эти превратились после реформ в пыль, а республике и городу, выяснилось, школа не нужна. И спонсоров для нее тоже нет. Хотя знаете, что я недавно узнал? Есть у нас такой человек, живущий для общественного блага, каким был в свое время дорогой мне человек Шахрудин Магомедович Шамхалов, тогдашний зампредседателя Совмина. Я поразился, когда увидел лицей, который создал для детей член Госсовета, гендиректор "Дагэнерго" Гамзат Магомедович Гамзатов. В нем классы живописи, общеобразовательный, прикладного искусства и танца. Не хватает музыки. То, что я увидел, произвело на меня огромное впечатление. Вот же школа, о которой мечтал, подумал я.

– Вы сказали Гамзатову об этом?

– Он сам мне предложил взяться за недостающее звено. Это первый и единственный человек, который отреагировал незамедлительно на идею. К сожалению, таких людей у нас – раз-два, и обчелся. Я, конечно, не мог сразу ему ответить. Поначалу я решил подыскать для этого лицея педагога по музыке. Но сейчас я о другом. Я устал донкихотствовать, бороться с "ветряными мельницами". Вы, наверно, удивитесь, но вот любопытный показатель: ни одно мое произведение – ни одно, за всю мою творческую жизнь, не было приобретено в Дагестане, все в Москве. Но ведь, моя работа – это вклад в дагестанское искусство, в культуру республики. Парадокс?

– В самом деле, удивительно – ведь мы воспринимаем Кажлаева как дагестанского композитора...

– Ну каким же еще! И всем своим творчеством я это доказываю всю жизнь, но заказывают мне музыку, приобретают мои произведения, чтобы вынести их на суд публики, везде, только не в родной республике. В других краях и областях – да, даже в других странах, но

не в родном доме. Я все понимаю, конечно: сложности, менталитет, культурные и иные запросы, но за всю жизнь – ни одной подвижки в этом смысле. Согласитесь – это довольно странно. Ведь мои произведения – все для родного Дагестана...

– Чем вы это объясняете?

– Тем, что Кажлаев для себя никогда ни о чем не просил. Вот работаю сейчас над балетом "Имам Шамиль" – давняя моя мечта. Половина работы позади. Но кто ее купит? Хорошо, я сейчас на службе получаю какие-то деньги, совершенно смехотворные для такого оркестра, не буду их называть, стыдно. Но коллектив все-таки живет, и я вместе с ним. Но в этом году собираюсь уйти, очень устал тянуть эту огромную ношу, да и годы подпирают. Но работать не брошу: есть рояль, есть ученики, есть нотная бумага, есть идеи, в ушах звучит музыка, балет надеюсь закончить. Однако все мы трудимся не только ради идеи, но и чтобы заработать на жизнь. Если балет получится, то вряд ли его купят дома, хотя Дагестану "Имам Шамиль" нужен более всего. Балет "Горянка" приобрел, кстати, не Минкультуры Дагестана, а Минкультуры СССР, которого уже нет.

– Что же выходит?

– То, что, видимо, государству – в лице республики или страны – ничего сейчас, наверное, от культуры не нужно. От фонда Глинки, где хранились бесценные рукописи замечательных произведений, остались рожки да ножки. Когда продавалось здание Союза композиторов на улице Готвальда в Москве, его библиотека была буквально выброшена на улицу. Оригиналы рукописей великого Прокофьева валялись на тротуаре. Я приехал туда и собирал портреты композиторов из мусорных ящиков. У меня теперь коллекция, я переснимаю ее и дарю детским школам...

– Что же теперь?

– Не знаю. Вот иностранцы знают. Они покупают наши отечественные фонды, предлагают деньги за оригиналы произведений. Небольшие – пятьсот долларов, тысячу, но платят. Все-таки деньги, а самое главное – уверенность, что произведение не канет в неизвест-

ность, будет сохранено и в любой миг, сейчас или через сто лет, может быть востребовано. Но и продавать вроде нельзя – теряются все права. И если нам захочется, ну скажем, поставить "Горянку", а оригинал балета будет продан, то нам придется платить за разрешение на постановку. Уже не мы хозяева, а они. Вот и выбирайте: или надежная сохранность на века плюс какие-то деньги с непременным отчислением тебе или твоим наследникам процентов при каждом исполнении, или сохранение партитур дома, безденежье и полная неуверенность в будущем. А я мечтал создать фонд в Махачкале, хотя бы в той же школе для одаренных детей, где хранились бы произведения дагестанских композиторов. У них до сих пор нет хозяина. Зато есть рукоплескания и высокие слова о расцвете культуры, искусства, хотя рукописи нашего корифея Готфрида Гасанова – дагестанского классика, произведения которого исполняются по всей стране и за ее рубежами, – неизвестно где, как и других авторов. Наблюдаю за этим с болью. И у меня лежат дома кипы рукописей. Но личный шкаф не может заменить государственный фонд. Что будет с ними после меня, после нас?

– А музыкальные записи?

– О... это удар под дых. Страшно говорить об этом. На республиканском радио хранилось немало записей, но все они на магнитной пленке, которая недолговечна. Она стареет, вытягивается, приходит в негодность, и ее выбрасывают. Срочно надо – мы уже страшно опоздали – весь хранящийся фонд перезаписать на лазерные диски. Это компактней и сохранит качество. Надо безотлагательно спасать то, что пока еще осталось. Например, запись "Горянки" после премьеры в Ленинграде пропала при наводнении в каком-то подвале, мне пришлось в течение 17 лет эпизодически, по кусочкам, восстанавливать ее со своим московским оркестром. И эта запись использовалась при недавней постановке балета в Махачкале. Мне не довелось быть на спектакле, но мне рассказывали, что в конце на сцену высекивал отец Асият и убивал Османа. Как можно?! Что за домыслы?! Кто это придумал? Ведь у нас с Расулом этого не было в сценарии!

– А не рождаются сейчас, по прошествии стольких лет, в связи с "Горянкой" новые идеи?

– Да. Есть одна. Я, как увидел сооруженный недавно возле Сограталя мемориальный комплекс "Ватан", загорелся мыслью поставить "Имама Шамиля" здесь. Горы, окружающие сооружение со всех сторон, разноуровневые площадки со ступенями – какой простор для режиссера-постановщика, для балетмейстера, для показа массовых сцен с большим количеством статистов. Сняв такой спектакль на видео с помощью большого количества камер и умело смонтировав, можно получить вклад в сокровищницу дагестанского искусства.

– Вы поделились этим с кем-нибудь?

– Да, когда я сказал об идее Гамзату Гамзатову, инициатору сооружения "Ватана", он сразу этим загорелся. Но вначале надо закончить балет, а уж потом браться за столь масштабный проект. Идея очень заманчива. Кстати, и с моей опереттой "Валида" тоже интересная история. Я ее написал давно, в 1989 году. В Москве комиссия послушала музыку, она понравилась, я сказал, что оперетта написана для дагестанского театра, и ее купили. Я до сих пор не могу получить ответа, будут ли ее ставить в Дагестане. Если нет, то тогда – я уже устал ждать – отдаю для постановки в другой театр, мне уже это предлагали, но я все надеюсь, что спектаклем заинтересуются дома – ведь все действующие лица – дагестанцы... Мне обещают, но то пропадает клавир, то теряется сценарий... А годы бегут...

– Как вы вообще оказались в Москве?

– Это отдельная история. В 88-м году было поветрие назначать министрами культуры людей творческих. Помните: в Латвии – Раймонд Паулс. В Азербайджане – Полад Бюль-Бюль оглы... Я сразу сказал: это не мое амплуа. А тут из Москвы пришло два письма – в обком партии и в Совмин: мои друзья из оркестра Слантьева, которого не стало, просили отпустить меня к ним в качестве руководителя. И в обкоме – Магомед Юсупов, и в Совмине – Магомедали Магомедов сказали мне: поезжай, прославляй Дагестан в Москве. Вот с тех пор уже 17 лет я этим и занимаюсь. Вот такая судьба. Мне уже 74 года, но ни школы, ни архива, ни фонда профессиональных записей дагестанской музыки на современных звуконосителях, ни музеиного хранилища. Одним словом, ничего того, о чем я мечтал и на что предлагал свои услуги все эти годы. Вот сейчас завершил работу над альбомом "Жизнь и музыка". Это собранные в хронологическом порядке документы, фотографии, сопровождаемые короткими текстами, освещающие весь жизненный и творческий путь, встречи с великими людьми, на которых стремился быть в поступках похожим... Книга издана в Москве издательствами "Эхо Кавказа" и "Эпоха". Работа проделана за 8 лет громадная. К весне, думаю, издание выйдет в свет. Но если отвечать на самый первый ваш вопрос, то, подытоживая сказанное, скажу: я разочарован тем, что произошло в области музыкальной культуры, в которой работаю. И отношением к настоящим музыкантам,

там, и оценкой творческого труда, и ситуацией с сохранением и использованием уже сделанного нашими предшественниками и моим поколением, и тем, что просвета в этом сумраке пока не видно...

– Однако дагестанскому Союзу композиторов уже 50 лет. Что можно сказать по этому поводу?

– Печально, но, говоря об этом, я вспоминаю те светлые дни апреля 1955 года, представляю только эту дату и только нашу четверку: Сережу Агабабова, Наби Дагирова и себя, которых собрал наш незабвенный Готфрид Алиевич Гасанов. Мы писали музыку, ее исполняли, ее знали слушатели, мы не сидели сложа руки. Композитор – это тот, кто сочиняет. Я, увы, к сожалению, мало знаю сочинений нынешних членов Союза композиторов Дагестана, а их сегодня 15 человек. Я руководитель большого и очень хорошего столичного оркестра. И все эти годы твержу: пригласите меня с оркестром в Махачкалу, мы дадим вечера музыки наших композиторов, их узнают в России, наконец, услышат в Дагестане. Сделайте это, пока я руковожу этим оркестром, я это сделаю на самых льготных условиях... Но, увы! В Махачкалу, как всегда приезжают балаганные "попсовики", и, кстати, им платят в десятки раз больше, чем стоил бы приезд оркестра...

– Если говорить об уровне... Каков он в том, что мы слышим по радио, телевидению, на эстраде?..

– Это не просто больно, а это просто уже страшновато. Куда я стучусь со своей школой!.. В Махачкале строят сейчас много, и сам факт этот положительный, город обновляется. Но, к сожалению, это не школы, преобладают рестораны, центры развлечений, строят то, что может сразу принести деньги. Поменялись вкусы, нравы? Скорее, не поменялись, а наружу вылезло все то, что неизбежно присутствовало всегда в любом обществе, правда, в разной степени. Тут же, как только исчезли нравственные и государственные препоны, оно полезло наружу и почти затопило все, что нарабатывалось культурой долгие годы. Шоу-бизнес, как таран, сметает на своем пути все истинно ценное, насижая псевдокультуру, псевдоискусство. Деньги – это ложная свобода, которая, будучи подкормлена бескультурьем, легко трансформируется в рабство. Телевидение заполонили бесконечные глупые сериалы с безобразно подаваемыми сценами интимной жизни, сценами насилия, убийствами, многочисленные программы с хохочущей от плоских шуток ниже пояса публикой, которая будет гоготать, достаточно ей даже показать палец. Растет новое поколение хохотунов, поскольку оно воспитывается на этих сценах, принимает их за эталон и деградирует постепенно. На сцену выходят "артисты" и копируют больных болезнью Дауна, предполагая вызвать этим смех в зале и, что страшно, его вызывают. Что это?! А убожество "фабрик звезд" приводит к тому, что уже и на местном телевидении слышишь фразу: в концерте участвуют лучшие звезды дагестанской эстрады. Оказывается, звезды бывают и лучшие, и худшие, но обязательно – звезды! Похоже, на государственном уровне об этом пока не думают. Ког-

да мы говорим о величии государства, мы вспоминаем не его мечи и бомбы. Мы вспоминаем его культуру и искусство. Величие Италии не в именах Гарибальди или Муссолини, а в ее архитектуре, живописи, музыке; величие Франции в ее художниках и литераторах, а не в Наполеоне, как бы знаменит он не был. Это очень большая тема. Доходит до того, что дети у памятника Чайковскому спрашивают: это Березовский? Вот до чего можно докатиться.

— А тогда, 50 лет назад, при создании дагестанского Союза композиторов...

— Тогда наш Союз задавал тон всему Северному Кавказу. Мы доказали, что в Дагестане есть профессиональная музыка. Все дивились и радовались этому. Концерт для фортепьяно с оркестром Гасанова исполнялся в Европе, смотр дагестанского искусства проходил в Москве, мое сочинение получило награду в Вене. И это произошло после того, как мне, приехавшему после окончания Бакинской консерватории в Махачкалу, один мой родственник откровенно сказал: куда ты приехал, у нас музыкантов за людей не считают. Но созданный тогда Союз композиторов, вся его последующая деятельность доказали обратное, и состоятельность дагестанских музыкантов. Я ездил по Дагестану, собирая и изучая фольклор, но я сказал себе: никогда не буду цитировать народную музыку. Она слишком велика, ее нужно изучать! Хотя в газетах тех лет нас критиковали, что мы пишем музыку, не похожую на народную. Использовать отдельные народные мотивы там, где они органичны с творческим замыслом, — да, но музыка должна быть самостоятельно-профессиональной. Сейчас же, увы, мы, профессионалы, в самом хвосте. Это общая беда России. Запись концерта Гасанова, который облетел весь мир, сделали сейчас в Азербайджане, я могу играть в Америке сюиту из будущего балета "Имам Шамиль", но в Махачкале ее никто не слышал. Но наши газеты пишут о "звездах", которые и искрами не являются, они полны "ахов" и "охов" по поводу див типа Ксении Собчак, которая ничего не сделала и не может сделать, только носить фамилию известного отца. А в Дагестане на национальном языке подражают пению Витаса. Насколько хорош Витас — отдельный разговор, но подражание всегда хуже оригинала, тем более — такого...

— Не является ли все сказанное свидетельством того, что джинн, долгие годы будучи заточенным в бутылке и вдруг выпущенным, начинает крушить все и вся?

— Может быть, и так. Но от этого не легче. За границей глянцевые журналы с голыми женщинами на потребу заинтересованным лицам продаются только в определенных местах, а не выставляются на всеобщее обозрение, как у нас. Высоцкий тоже пел песни блатной тематики, но они имели общественное звучание и с восторгом воспринимались народом, а нынешний "блатняк" ничего, кроме тюремного псевдогероизма и псевдооппозиции нормальному обществу, в себе не несет. Я являюсь членом комиссии по отбору имен для увековечивания их в Аллее звезд России. Пошел туда после того, как мне

сказали: теперь будем менять отношение к этому серьезному делу. Думаете что-то изменилось? И решения принимаются голосованием? Ничего подобного. Кто-то там где-то и почему-то решает, и членам комиссии в лучшем случае звонят в последний момент и сообщают, какая очередная "звезда" сегодня удостаивается такой чести. И при этом спрашивают: "Вы наверное согласны с этой кандидатурой?"

— Если процесс зашел так далеко, то...

— То дальше сохранять спокойствие уже преступление. Жизнь каждого поколения уходит на то, чтобы на своем примере внушить следующему, своим детям, что интеллигентно, что порядочно, а что — нет... Чему же сейчас учатся дети? Они слушают безвкусцу "фабрик звезд", продукцию гос-компаний, руководимой Региной Дубовицкой, и искренне принимают все это за эталон — как же: передает это государственное телевидение! А по дагестанскому телевидению звучит бесконечная туркизация песен на национальных языках. К чему это может приучить? А где наша родная дагестанская — аварская, даргинская, лакская... эстрада? Я в ужасе за будущее. В свое время далеко от Москвы незнакомым с высоким искусством детям, быть может, и скучно было смотреть "Лебединое озеро" или слушать трансляцию оперы. Но они имели такую возможность и постепенно приобщались к высокой культуре, как это происходит в цивилизованных странах. Но, увы, не сейчас. Вслушайтесь в тексты стилизованных турецких песен, которые сочиняют местные авторы. И в России, в ее столице — не лучше: "Ты помнишь маленький отель, ты помнишь теплую постель..." или "я беременна, это временно". Какова поэзия? Причем заимствуется из-за рубежа не лучшее, а самое худшее...

— Громко сказано: деградация публики, да еще за деньги...

— А иначе не скажешь! Выступление Верки Сердючки для кого предназначено? Между тем, приглашение этого шустрого парня, скажем, на свадьбу, как сообщает пресса, стоит 50 тысяч долларов, Аллегрова стоит дешевле, но ей заложили "звезду" на Аллее звезд... А артист моего оркестра, который проработал в нем 57 лет, за выступление получает 500 рублей — 17 долларов. Вот и сравнивайте. Смотрел недавно трансляцию из ресторана выступлений дагестанских "звезд"... Им, конечно же, наверное, платят больше... Союз композиторов был раньше государственным учреждением, получал финансирование из бюджета. Написать настоящие оперу и балет нельзя, бегая на службу. Не получится. Надо брать отпуск за свой счет или ехать в Дом творчества, как прежде, чтобы от всего отключиться. Я писал, например, многие работы дома, вон за тем роялем, который подарила мне мама, и в Армении, в Доме творчества, который принадлежал Союзу композиторов СССР. Сейчас Союз композиторов Дагестана получает еще государственную дотацию. А в Москве и ее нет. Сегодня еще есть много людей высокой культуры, но публика их не видит и не слышит, они вроде бы ушли в подполье — вот в чем трагедия. Преемственность в передаче культурных ценностей

тей от поколения к поколению обрывается, если уже не оборвась.

– Как же композиторы живут? На какие деньги, если их музыку никто не приобретает?

– Раньше существовал так называемый госзаказ. Министерство культуры СССР по просьбе того или иного театра оперы и балета заказывали музыку аprobированному композитору. Сейчас этого нет. Время от времени мне и сейчас заказывают песни, например, написанные мной песни "Москва – моя судьба", "Здравствуй, Ростов", их поют, но никто их не оплачивал. Если бы я не руководил государственным оркестром, за что получаю небольшое жалованье, то остается только пенсия. Недавно мой друг, руководитель большой производственной всероссийской структуры заказал мне к ее юбилею написать гимн этого ведомства. Я написал, его поют, и он без напоминания заплатил. Но это друг. Так и живем. Сегодня, чтобы заниматься творчеством, надо иметь в загашнике успешно действующее коммерческое предприятие - ресторан, сеть магазинов, продавать сникерсы или бутылки, или еще что-нибудь. Сегодня композиторы вынуждены, чтобы выжить, работать минимум в 4-х местах. Один талантливый мой ученик, чтобы прокормить семью, работает... в дискотеке. Чтобы стать профессором, мне понадобилось 50 печатных работ и 20 с лишним лет преподавания. Нынешним же формальным, практически самозванным профессорам и академикам – что от науки, что от искусства – ничего для этого не нужно. Они зачастую сами приписывают себе эти звания, ведь обществу это стало безразлично...

– Значит, сегодня трудовые соглашения на сочинение музыкальных произведений не заключаются?

– Да. Практически их нет. Я написал музыку к 42 фильмам, все это был государственный заказ от киностудий. И мне было это творчески интересно. А сейчас что, писать музыку к "Ментам"? К "Улицам разбитых фонарей"? Увольте. Пишу, как говорил, балет об эпохе Шамиля. Либретто берется написать Шапи Казиев, он в эту тему проник глубоко. Но кто будет оплачивать гонорар авторам, артистам, постановщикам – это пока огромный вопрос. Таких патриотов, как в свое время Шахрудин Шамхалов, как нынешний Гамзат Гамзатов, к сожалению, мало. На Западе театры заказывают работу сами, будучи уверены, что заработают затем на постановке спектакля. А у нас сейчас в лучшем случае театры говорят: спектакль мы поставим сами, а для авторского гонорара авторы пусть ищут спонсоров. Кстати, есть еще один серьезный момент. Я очень часто слышу в телевизионных передачах, очерках свою музыку. Она, как говорится, надергана из моих разных фильмов. И конечно, в титрах никогда не стоит фамилия того, чья музыка. А почему? Потому что по закону придется платить за использование чужой музыки, легче не указать автора. А где же авторские права? Когда же мы научимся порядку?

– Теперь ведь и у нас, в Махачкале, тоже есть театр оперы и балета. Что вы о нем скажете?

– Сам факт наличия, бесспорно, очень хорош. Теперь надо двигаться дальше, растить профессиональные

кадры, посыпать их на учебу, стажировку в другие театры, приглашать на работу признанные авторитеты, давать им квартиры. Опять все упирается в деньги, в спонсоров, в благосклонность государственных организаций. Не то, что театр, даже такая не столь масштабная организация, как Даггосфилармония, работает практически на энтузиазме. И функционирует, скорее, как музыкальный лекторий, хотя и этим совершает большую работу. Ей надо помогать куда больше, чем это делается сейчас.

– При всеобщем плаче об отсутствии финансирования возможна ли такая помощь?

– В качестве совета приведу один пример. В этом сезоне я играл концертную программу по произведениям знаменитого итальянского композитора, моего друга Нино Ротта. У меня есть лицензия на эту программу, потому что я в 92-м году с этой программой гастролировал в Италии. Так вот, меня пригласили с этой программой выступить в Екатеринбурге с симфоническим концертом. Пригласили еще год назад и весь этот год – подчеркиваю: весь год – крутили по местному телевидению и радио рекламные ролики, печатали рекламу предстоящего концерта. Когда через год я приехал, то это был для города праздник. Меня ждали с распростертыми объятиями. Публика ломилась в зал. Так надо относиться к хорошей музыке. Вы спросите: откуда деньги? А вот откуда: каждый раз на производственных совещаниях губернатор Россель спрашивал у каждого из руководителей предприятий, чем они за прошедшую неделю или месяц помогли местной филармонии. "Что, – говорил он, – вы не патриот?". В программке нашего концерта был опубликован длинный список предприятий-спонсоров филармонии. В зависимости от своих возможностей они регулярно перечисляли на ее счет разные суммы. Были и 200 долларов, но были и 50 тысяч. Культурная жизнь в этом городе бьет ключом. И не только в филармонии. Да, в Екатеринбурге много богатых предприятий, но и в Махачкале, и в Дагестане в целом, они тоже есть, хотя и не столько. Просто нельзя оставаться к проблемам культуры равнодушным. Как государству, так и всем нам, отдельным его гражданам.

– Государство на это способно?

– На это я хочу ответить одной фразой: мерилом величия государства, в том числе и благополучия отдельной республики, должно быть отношение к культуре и искусству своего народа.

– В этом году вы будете отмечать один за другим три юбилея: 50-летие Союза композиторов Дагестана, 60-летие вверенного вам Академического Большого концертного оркестра им. Ю.В. Силантьева и, наконец, ваше 75-летие со дня рождения и 55-летие творческой деятельности. Что вы скажете об этом?

– Буду здоров, буду продолжать творчеством славить Родину, ценить друзей. Лелеять свою супругу Валиду, своих детей и очаровательных внучек. И, конечно, буду продолжать мечтать о времени, когда к нам вернется уважение к настоящей культуре, а вся эта "попса" уползет в свои норки и займется более полезным для своего отечества делом.

Беседовал Даигат АХМЕДХАНОВ

Художника покажет время

Согласно истории в XIII веке в Европе начался Ренессанс – эпоха Возрождения. Три столетия прошли, оставив после себя столько шедевров живописи, музыки, архитектуры, открыв миру столько имен.

То, что мы называем «сегодня», завтра будет уже «человека», и так же войдет в историю. Только, боюсь, что потомки будут говорить о нас иначе, чем мы о Ренессансе. Наверняка, что-то в духе: «Это была эпоха безликих и бездарных. Время, когда торжествовали пошлость и посредственность, а по-настоящему талантливые люди существовали где-то на обочине жизни...»

Не мне судить. Суровое, но справедливое время возьмется каждому по заслугам, и все станут на свои места. Пройдут годы, десятилетия, века и многих из тех, кто на виду и на слуху сейчас, благополучно забудут, а откуда-то из бывшности бережно достанут других, и назовут их гениями. Апелляция к времени, как судье и вершиителю всегда беспроигрышна: оно рассудит. Но... каждому из нас, наверно, хотелось побыть провидцем и знать наперед, что будет завтра и много лет спустя.

К чему здесь все клонятся? К тому, что я «ставил» на будущее художника Мурада Халилова, что-то мне подсказывает: из всего многообразия дагестанской живописи именно его творчество оставит глубокий след в искусстве. Хотя, возможно, я и ошибаюсь: его вспомнят не как художника, а как режиссера. Или писателя. «Но кто это, Мурад Халилов?» – поинтересуется редкий благодарный читатель, и будет совершенно прав. Потому что имя это в тени.

Мурад Халилов родился 16.04.76. Окончил художник ДГПУ в 1998 году и Высшие курсы сценаристов и режиссеров Тодоровского и Рязанцевой при ВГИКе в 2002 году. В пору существования «Махачкалинских бродяг» был в творческом составе этой команды КВН. Сценарист и режиссер фильма «Курица», с участием Чулпан Хаматовой. Автор персонального проекта «Ангелы с грязными лицами» (Первая галерея, 1999) и перформанса "Die Scheitanen", где впервые в Махачкале был установлен памятник Гогену и тут же сожжен (Первая галерея, 2000). Участвовал в групповых проектах: «Паралельно» (Выставочный зал Союза художников РД, 1997), «Пограничная зона» (Первая галерея, 1998), «Новая сцена» (Первая галерея, 2003), «Золотой штрих» (ВЗ СХ 97, 98, 2000), «Аламат» (ВЗ СХ, 1998). В 2000 году выставлялся вместе с Аланди Магомедовым на международной ярмарке современного искусства "Арт-Москва-2000". В последнее время был занят съемками комедийно-музыкального фильма "Разные песни по-любому – 3". С этого и началась наша беседа...

– Я один из режиссеров этого фильма, второй режиссер. Работал вместе с Ибрагимом Магомедовым. Что-то снимал он, что-то – я, вместе тоже снимали. Творческое объединение "Брош" и люди, которых оно объединяет – мои старые знакомые по КВНу. Обстоятельства сложились так, что я вовремя вернулся из Москвы, и они меня привлекли к работе над фильмом. Мне это прибавило опыта.

– Опыту, может, и прибавило. А насколько прибавил фильм в качестве по сравнению с его предыдущими частями? Или так: "Разные песни по-любому – 3" – это профессионально?

– Мне кажется, по сравнению с первой и второй частями фильма третья гораздо лучше. Не потому, что съемки этой части проходили с моим участием, просто творческий и технический составы не останавливаются на достигнутом, они уже лучше знают, что и как надо снять. Это не продолжение фильма в стремлении "дожать" бюджет. Это не тот случай. Я еще не очень профессионал, но за то, что я снял, мне не стыдно. Думаю, и Ибрагим может ответить за снятые им кадры. Некоторыми своими я даже горжусь, они эстетичны.

– Эстетичны? При том, что фильм, в общем-то – китч со скетчами, и еще не вымершие окончательно интеллигенты воротят от него нос? Согласись, что создан он как зрелище для невзыскательного зала, а такой прием, как наш доморощенный юмор с акцентом не очень продвинутого кавказца, уже приелся.

– Фильмы Гайдая и Шукшина, например, тоже признаны народными фильмами, но от этого они не перестали быть искусством. Дело в том, что зрители в своей массе не настроены смотреть что-то "тяжелое", они не любят копать глубоко. Снимать качественный, но про-

стой, легкий для восприятия фильм можно и нужно. А что касается пришедшего юмора с акцентом... не знаю, в этой ситуации – не я за сценариста. Это нам здесь, может быть, надоело, а для дагестанцев, которые живут за пределами республики, такой фильм – настоящий подарок, кусочек чего-то родного.

– Складывается впечатление о патриоте...

– Да, я – патриот. Хочу сделать что-то для своего народа.

– Разве это обязательно?

– Я здесь родился, воспитывался, жил, это моя родина. И я очень привык к ней. Несколько лет, что я прожил в Москве, дали мне понять следующее – там люди... не хочется употреблять грубых выражений, они... измельчали, даже опохабились, и приезжие и коренные. Москва – это какая-то "человекорубка". Хотя... и у нас здесь, кажется, идет к тому, что скоро человеческого станет меньше. Я попал в какую-то вневременность, наверно, тут произошел перелом в сознании людей. Мои старые друзья куда-то подевались, а новых – нет...

– Поговорим о недалеком прошлом – о тех самых "Махачкалинских бродягах", о том самом КВНе, частичкой которого был Мурад Халилов.

– Пожалуй, это были мои лучшие годы – пик популярности "бродяг". Был энтузиазм, был сплоченный коллектив, цели были. Я, будучи сценаристом, впервые выехал в Москву, Сочи, другие города. Это все запомнилось, запомнилась лихорадочная работа над сценками, перекраивание сценариев за сутки до игры... Хорошее было время.

– А как ты оказался в "бродягах"?

– Начинал я участвовать в КВНе в команде нашего педуниверситета "Черные русские". Но когда, это было еще на заре дагестанского КВНа, состоялось слияние команды с "бродягами", я высказался против и ушел. Стал работать с известным тогда музыкальным коллективом "Фатимасбэнд". Был там кем-то вроде художественного руководителя, мы выпустили альбом. Потом как-то так получилось, что я вернулся в КВН и стал придумывать сценки для "бродяг".

– Навскидку какую-нибудь из своих шуток того времени вспомнишь?

– Попробую... Нет, не могу. Все уже забыли тот КВН, даже те, кто в нем участвовал. Но у меня есть свежие наработки. В Москве я зарабатывал тем, что писал для гильдии авторов, которую возглавляет бывший капитан "Махачкалинских бродяг" Шабан Муслимов. Вот недавно на ТЭФИ взяли мою шутку про сериал "Бригада". "Сериал "Бригада" принят колумбийскими гангстерами и сицилийскими мафиози в качестве обучающего материала...". Не смешно?

– А ты как думаешь?

– Мне сложно понять, что будет для зрителя смешно, а что – не очень. Тут все относительно. Что вызовет смех или, на худой конец, улыбку – трудно знать наверняка.

– Что можно знать наверняка?

– Правила дорожного движения, например.

– В Махачкале их мало кто соблюдает...

– Да, я заметил. Я стараюсь соблюдать, как пешеход. Машину не вожу, у меня не было тяги к технике в детстве, нет ее и сейчас. В детстве, признаюсь, я больше любил играть в солдатики. У меня был целый театр солдатиков, я создавал большие постановки с ними. Мне жаль нынеш-

них детей: компьютерные игры не заменят им настоящих игр. Компьютеры не развиваются ребенка, они "программируют" его, подгоняют его под стандарт. Нет, солдатики, куклы, живые игры – это замечательно! Я продолжал играть в солдатики даже тогда, когда перерос этот возраст. Вообще, с детства я много сочиняю, но тогда стеснялся это показывать...

– У тебя есть комплексы?

– Не знаю. Я не умею плохо говорить о женщинах, и мне очень не нравится, когда плохо говорят о женщинах, выставляют напоказ свои "достижения". Мне стыдно за таких мужчин. Если это можно назвать комплексом, то – да. Вообще, мне трудно в себе разобраться, меня очень много.

– Все-таки кого в тебе больше – режиссера, сценариста или художника. Для полного комплекта не хватает занятия музыкой...

– Нет, музыка – это не для меня. А кто я больше... Сочинитель – так можно сказать. Делаю то, что из меня прет в настоящий момент. Вот фотографией недавно увлекся. Правильней всего, наверно, претендовать на художника, потому что все стараюсь делать художественно. Сейчас я хотел бы, конечно, снимать кино, но все упирается в деньги, которых нет. Есть сценарий, по которому я очень хочу снять полнометражный фильм, это для меня задача номер один на этом жизненном этапе. Потом можно хоть умереть. Я показывал его многим, в ту же гильдию приносил. Они сказали, хорошо, но не актуально. Напиши, говорят, лучше о браконьерах сценарий, это пройдет. Я это понимаю, но для меня важен именно этот сценарий. Сценарий об ангеле, появившемся в глухом ауле, где его принимают за шайтана. Картины статичны, а мне хочется, чтобы то, что я рисую, пришло в движение, ожило. Текст тоже не дает полного раскрытия, кино – другое дело.

– Расскажи о снятом тобой фильме, в котором участвовала Чулпан Хаматова...

– А что тут рассказывать. "Курица" – моя дипломная работа на Высших режиссерских курсах. Короткометражка.

– Да, очень подробно... В твоей живописи много депрессии. Например, "Восстание беременных мужчин", слышал много толкований, о чем картина. Эта депрессия так не вяжется с твоей юмористической "деятельностью"...

– Депрессии в картинах достаточно. Наверно, это кризис среднего возраста. Мне часто бывает грустно, но я бы хотел веселья. Вот сейчас, пока мы разговариваем, я рисую корову. Она тощая, но сейчас я пририсую ей улыбку, и она заулыбается! А "Восстание беременных мужчин" – это моя первая большая работа. Каждый видит в той или иной картине что-то свое, что близко только ему. Когда ее писал, не думал, о чем она, мне просто доставлял удовольствие процесс.

– Щекотливый вопрос: используешь ли какие-либо стимуляторы? Ну, для фантазии, ты понимаешь...

– Понимаю. Не использую. В этом мне нет нужды. С воображением и так все в порядке.

– Что тебе в жизни мешает?

– Лень. И заниженная самооценка. Я не умею "проталкивать" себя, доказывать свое обществу, добиваться чего-то. Вот сейчас мне нужны деньги, чтобы снять фильм, а где их достать – ума не приложу. Может, это

интервью прочтет какой-нибудь богатый и добрый человек и поможет мне.

— Хотелось бы верить, что наш журнал читают богатые и добрые люди. А что тебя связывает с Первой галереей?

— Она помогла мне раскрыть себя.

— Ты зарабатываешь на жизнь живописью?

— Только на карманные расходы.

— На кого тебе бы хотелось равняться?

— На Джимми Хендрикса, он потрясающе играл на гитаре. Достоевский — любимый писатель, Чарли Чаплин — лучший актер. Из современного кино я хотел бы всем порекомендовать "Время цыган" Кустурицы и "Догвилль" фон Триера. Еще я под впечатлением от личности Шамиля. По-моему, он настоящий герой Дагестана, борец за его свободу.

— Существует и другая точка зрения: деспот, заботящийся больше о собственном благополучии, нежели о народе... Ты увлекаешься политикой?

— В меру. Новости смотрю.

— И что там в последних?

— Да Америке теперь еще и Иран не нравится. Мы вас, говорят, сделаем страной демократии. А иранцы в ответ: мы вас сами сделаем. Вашингтону давно пора понять, что не может весь мир жить по их стандартам. Недолюблю я Америку, точнее, мне не нравятся их "Макдональды" и те, кто там у власти. А культура американская интересна. Джаз нравится.

— Мне всегда было интересно, что такого гениального в "Черном квадрате" Малевича? У тебя есть объяснение на этот счет?

— Понимаешь, сначала рисовали так, как есть. Потом стали рисовать так, как видят, а не так, как есть. Дальше в моду вошли внутренние впечатления художника. Импрессионизм, кубизм, Пикассо, футуризм, экспрессионизм, абстракция Кандинского — все это прошло калейдоскопом за сравнительно короткий промежуток времени. Все труднее было изобрести что-то новое, удивить. И тут Малевич подвел черту развитию "Черным квадратом". Все, ничего нового быть уже не может, а то, что возникнет — старое в новой подаче... Я думаю, в людях с детства надо прививать и развивать тягу к искусству.

— Вернемся к тебе, насколько ты адекватен обществу?

— Я стараюсь не замечать зло. В мире много зла, но мне нужен круг общения. Здесь и сейчас мне нелегко. Мне надо было родиться на стыке прошлого столетия. В Париже, например, где жили Модильяни, Пикассо, Гоген. Тогда мне было бы хорошо. В то время только-только появились машины, телефоны, кино. Время, полное романтики.

— Многих художников начинают ценить только после смерти. Твое к ней отношение?

— Каждому — свое. После смерти, так после смерти. Главное, чтобы оценили, а когда — это не важно.

— Последнее: ты считаешь себя талантливым?

— Талантливым — пожалуй, хотя, может, это и нескромно, а выдающимся, гениальным — конечно, нет. Я самокритичен, и мне это мешает: постоянно анализирую себя, свои поступки. Вот сейчас мы поговорим, я уйду и буду долго думать над тем, что и как я здесь сказал. И какое впечатление в результате сложится у тех, кто прочтет мои слова.

ЛИЧНОСТЬ

Хайбулла АБДУЛГАПУРОВ

Театр действий Магаева

Умно, красиво и чарующе сказал однажды Антон Павлович Чехов: "Если каждый человек на земле сделал бы все, что он может, как прекрасна стала бы земля наша".

Не каждому человеку удается вовремя найти свое призвание. Другие — находят его, но, к сожалению, бывают ленивы и не служат делу своей жизни так, как это делают третья, немногие. Эти немногие любят свою профессию и хранят в себе верность ей до конца жизни. Мне хочется рассказать об одном из них — о простом и скромном человеке, который любил театр. Это Абдурахман Алиевич Магаев.

У меня сохранилась автобиография, написанная его рукой: "Я, Магаев Абдурахман, родился в 1909 году в городе Ардаган Карской области, на территории нынешней Турции. Отец мой служил там стражником. В 1916 году моя семья вернулась на родину, в селение Хунзах. В 1919 году отец мой умер, и мы, трое детей, остались на иждивении матери. В следующем году меня с братом отдали в детдом, который открылся в Хунзахе. А в 1921 году, как самого старшего, отправили в детдом города Буйнакска. В 1925 году в Буйнакске образовалась театральная студия, куда я поступил и учился два года..." Это были его первые шаги по трудному бездорожью становления театрального искусства Дагестана...

Все началось с того, что однажды Абдурахман попал на спектакль "Надир-Шах" Темир-Булата Бейбулатова. И этот день определил его судьбу. Удивительный и волшебный мир театра прямо-таки зачаровал его. Абдурахман был под влиянием какой-то необыкновенной силы. Шестнадцатилетний мальчик был охвачен тревожными, непонятными до конца мыслями.

Около общежития интерната стояла скалистая гора Кавалер-Батарея — излюбленное место Абдурахмана. От-

сюда был виден весь город, а по вечерам было особенно красиво: горело море мерцающих огней города. В эту ночь в окнах города уже погасли все огни, а ему все еще не хотелось идти спать в общежитие. Лежа на скале, он глядел на огромное звездное небо, где-то гасли, то вновь загорались звезды.

И так же в голове Абдурахмана мелькали, загорались и гасли мысли. Эти мысли были о театре. Абдурахман мечтал. Мечты загорались, расцветали, вспыхивали и уступали место следующим. Короче говоря, в эту ночь он влюбился в театр, влюбился по-настоящему, на всю жизнь.

Тогда, в двадцатых годах, само слово "театр" не всем было известно в Дагестане. В республике еще не было ни одного национального профессионального театра. Но уже возникла студия, на открытие которой приехали из Ленинграда Николай Тимофеевич Шатров и Борис Павлович Байков. Желающих учиться, как потом вспоминал Абдурахман Алиевич, было очень много. Из восьмидесяти юношей и девушек в студию было принято сорок. И среди них - Абдурахман.

Начинаются первые уроки сценического искусства, которые сразу же развеяли у многих романтические представления о театре, об актерах, которым все дается без труда и знаний. Работа актера представлялась ребятам веселым, увлекательным путешествием в мир театра, куда впускают просто так, по желанию. Кстати, к сожалению, и сегодня у многих такое же мнение... Однако театр - жестокое место! Отбор на студии в Буйнакске разочаровывает многих "романтически настроенных". Многих, но не Абдурахмана: он проходит.

Педагоги Шатров и Бейбулатов тогда сумели убедить студентов в необходимости работать над собой. И не только убедить, но и заинтересовать так, что ученики полюбили занятия по мастерству актера, сценической речи, по движению и разным гуманистическим наукам. Абдурахману было нелегко. Но он был юношей трудолюбивым и твердо знал, для чего преодолевает трудности.

Вскоре в Хунзахе узнали, что Абдурахман бросил педагогический техникум, куда вначале поступил. От него отвернулась почти вся родня, и даже друзья. В горах понятие "честь мужчины" заключалось тогда в состязании, в умении чеканить по металлу или делать кинжалы, строить дома, разбивать сады, лечить больных, давать уроки или, что лучше всего, сидеть в канцелярии какой-нибудь конторы. Профессия актера считалась несерьезным занятием, почти позором. Но это не остановило нашего героя.

1927 год. Студия в полном составе переводится в Махачкалу и реорганизуется в Музикально-театральный техникум, который поставил перед ребятами более серьезные, профессиональные задачи. С учащимися занимаются преподаватели музыки Д. Даугат, А. Клейзмер, значит, они получат и музыкальное образование. В столице появилась возможность не только видеть работу лучших актеров Русского театра, но и самим, в качестве статистов принимать участие в спектаклях.

Три года спустя состоялся долгожданный выпуск Музикально-театрального техникума. Итог же, на базе выпускников открывается первый профессиональный Национальный театр Дагестана. Абдурахман Магаев начинает здесь свой творческий путь. Он шагает рядом с ослами, на которых погружены театральный реквизит и декорации в самые отдаленные уголки своего горного края.

После первых же гастролей по республике наркомпрос А. Тахо-Годи командирует коллектив театра в Москву, Ленинград, Баку и Тбилиси, для знакомства с театральным искусством братских республик и самосовершенствования. Неизгладимое впечатление осталось у Абдурахмана от встречи с коллективом театра им. Руставели, с художественным руководителем театра Сандро Ахметели, с ведущими актерами Хорава и Васадзе. Познакомились они тогда и с популярной актрисой кино Натой Вачнадзе. Встречи у себя с Алибеком Тахо-Годи, Джалаулдином Коркмасовым, Готфридом Гасановым, Эффенди Капиевым, Муэтдином Джамалом, Хасбулатом Аскар-Сарыджой, Раджабом Динмагомаевым, Рабаданом Нуровым, Муэтдином Чариновым, Багадуром Малахиановым, Гамзатом Цадасой и другими известными личностями формировали художественный вкус и профессиональный уровень молодых актеров.

Позднее, в 31-м году театр был переименован в Центральный театр народов Дагестана, где были организованы аварская и даргинская студии. Магаев здесь играл ведущие роли в спектаклях "Севиль" Джабарлы, "Красный сев" Давыдова, "Квадратура круга" Катаева и др. Особым явлением для нового театра стала постановка Николая Шатрова "Квадратуры круга", на которой актеры впервые познакомились с советской драматургией. Они с увлечением работали над образами советской молодежи, выведенной в талантливо написанной пьесе.

По решению правительства ДАССР в конце 1932 года театр снова переводится в Буйнакск. Здесь Абдурахман задействован в спектаклях "Святой из-под палки" Мольера, "Сигнал" Прозоровского и Поливанова, "Отелло" Шекспира, "Намус" Ширванадзе, "Красные партизаны" Салаватова.

Существовавший в то время единственный профессиональный национальный Кумыкский театр, конечно же, не мог удовлетворить возросших культурных запросов народов Дагестана. Учитывая это, обком ВКП(б) и правительство Дагестана выносят в начале 1935 года решение о создании в республике Национального ансамбля песни и пляски, Аварского, Лезгинского и Лакского театров. Организация и художественное руководство Аварским театром были поручены актеру Абдурахману Магаеву. Базой театра стал Хунзах.

В поисках кадров Абдурахман ездит в самые отдаленные горные аулы. Приходилось буквально бороться за каждого певца и танцора, за каждого одаренного горца или горянку. Джамаат сел на актеров смотрел, как на людей легкой жизни. Так, за юной Зайнаб Набиевой, впоследствии народной артисткой Российской Федерации, в Хунзах с кинжалом приезжал ее дядя, угрожая расправой, если она не бросит театр.

В конце концов, коллектив театра был сколочен. В него вошли Д. Халилбеков, С. Алибеков, Г. Гитинов, З. Набиева, П. Сулейманов, Г. Набиева, Г. Гимбатов, А. Алибекова. Несколько позднее появились И. Омаров, Н. Гитинова, И. Максудов, А. Гитинов, А. Курбанова и О. Османов. Все они были талантливыми участниками художественной самодеятельности, лучшими представителями военного, музыкального и хореографического искусства аварского народа.

Нужно было нести культуру в свой народ. Но как? Танцами и песнями? Они и так везде и всюду! А как быть со спектаклем?! Казалось, легче в горах постро-

ить школу, больницу, избу-читальню, чем изменить вековые традиции и психологию людей. "Какой горец согласится, чтобы его жена обнимала при всех чужого мужчину? Какой мужчина возьмет на себя смелость обезьянничать при людях?" - твердили Абдурахману. Аксакалы уговаривали его оставить эту, как они говорили, дурную затею. Абдурахман тогда был похож на лектора, который на godekanе объяснял людям, что театр - это тоже школа, но школа для взрослых.

Перед Абдурахманом стояла трудная задача. Она заключалась в том, что надо было доказать горцам и самому коллективу на деле серьезность занятия, важность художественного воспитания горца. "Необходимо было найти такую пьесу, где зритель увидел бы самого себя, свою и окружающую жизнь. Мы долго искали такую пьесу, и вот, наконец, такая нашлась, - рассказывал Магаев, - это была "Мастер" Малачиханова. И мы, словно голуби на кусок хлеба, набросились на эту пьесу..." Абдурахман работал над постановкой довольно тщательно. Изучал жизнь религиозных лжепроповедников, расспрашивал и собирал факты их проделок. Спектакль получил название по имени человека, образ которого и был воссоздан на сцене - "Иса Андийский".

Легко можно представить себе труд маленького коллектива, где еще нет художника, композитора, советителя, декоратора и костюмера. Все делалось силами молодых энтузиастов.

Артисты принесли из дома кто коврик, кто - табуретку или стол, и сцена для действия готова!

Труд молодых людей увенчался успехом. Интерес к спектаклю был так велик, что на следующий день его показали на майдане: здание, где шел спектакль, не вмещало всех желающих. Наизнанку выворачивая проделки лжедоктора, его шарлатанство и ханжество, невежество, спектакль был пронизан ясной идеейностью и конкретной целиенаправленностью. Первый творческий экзамен коллектив Аварского театра выдержал блестяще.

За исключением Магаева, никто из актеров тогда не получал зарплату, спектакли давались бесплатно, театр не имел своего транспорта. Артисты добирались до сел пешком, неся на себе декорации, пока в 37-м году не купили четырех лошадей и два фургона. А чуть позже получили грузовую машину.

Но самым отрадным для театра стало то, что появились свои драматурги. Так, учитель Хунзахской средней школы Кайтмазов пишет пьесу "Жизнь Магомеда", впоследствии народный поэт Дагестана Загид Гаджиев пишет "Шамиль и Хаскиль", в общем, в работу театра включаются

ется творческая интеллигенция. Большой победой для театра стало то, что известный поэт Гамзат Цадаса стал его другом и духовным наставником. Его пьесы "Дети Хирача", "Танусинцы", "Айдемир и Умайганат" ставились с большим успехом. Ныне театр с гордостью носит имя народного поэта Дагестана Гамзата Цадасы.

В первые годы существования театра, конечно, было много наивного, развлекательного и примитивного. Но от спектакля к спектаклю творческий коллектив приобретает необходимые элементы профессионализма, спектакли достигают довольно высокого идеально-художественного уровня.

Театр уже оформлен, творчески окреп и признан зрителями. Магаев понимает, что его техникумское образование и уровень режиссерского профессионализма не достаточно удовлетворяют коллектив. Ему понятно, что его умения недостаточно для полного раскрытия духовных богатств народа, выражения мыслей в законченных сценических образах. Театр сейчас должен взять в свои руки более опытный, более профессиональный человек. И вот в 1938 году художественное руководство театра переходит воспитаннику ГИТИСа П. Шиановскому. Магаев целиком отдается любимой работе - актерскому творчеству.

Первая же работа Шиановского "Любовь Яровая" Тренева в театре прошла удачно. Режиссеру-постановщику и исполнителю роли Кошкина А. Магаеву в

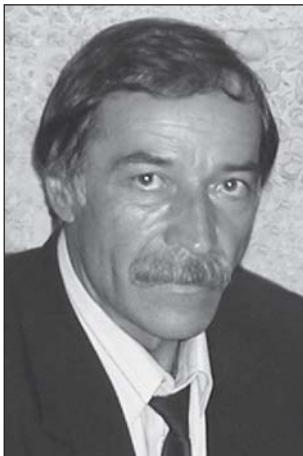
1939 году были присвоены почетное звание Заслуженного артиста Дагестана.

"Я долго искал образ, костюм, грим своего Кошкина, - говорил мне Магаев, - вообще, гриму своего героя я уделял и уделяю большое значение. Чем раньше нахожу его, тем быстрее у меня получается войти в образ. Я сделал грим по портретному сходству легендарного героя гражданской войны Щорса. Это мне помогло выразительно действовать на сцене и полнее раскрыть внутренний мир треневского Кошкина..."

Магаев работал в театре почти тридцать лет. Благородное дело организации, постоянный поиск в творчестве, идеальная целенаправленность - все это составляющие личности Магаева. Это был влюбленный в свое дело мастер сцены. Его разнообразный творческий опыт: общественно-организаторский, режиссерский, актерский, и вообще, вся его деятельность помогает нам, театральным деятелям, глубже понять и лучше разобраться в происходящих сегодня процессах, его многолетний опыт входит в нашу сегодняшнюю практику.

Сегодня ему было бы девяносто пять...

ИСКУССТВО

Заповедник народных промыслов

Гаджи АБДУРАХМАНОВ,
зав. отделом культуры Дахадаевского района

Дагестан считается заповедником художественных промыслов. Отечественные историки и искусствоведы чаще всего упоминают следующие традиционные центры: керамики – Балхар, Сулеукент, Испик; художественной обработки металлов и оружейного дела – Кубачи, Харбук, Гоцатль, Амузги, В.Казанище, Кумух, Н.Мулебки, Аксай; ковроделия и ткачества – Джали, Хив, Хучни, Ерси, Касумкент, Урма, Рутул, Хунзах, Ахты, Курах, Кища; резьбы по дереву и камню – Унцукуль, Тама, Санчи, Сутбук, Кубачи. В народном обиходе дагестанцев прочно укоренились словосочетания: "лакские лудильщики", "балхарские гончары", "кубачинские златокузнецы", "лезгинские ковровщицы", "харбукские оружейники", "кайтагские вышивальщицы" и т.д. Даже самый простой перечень центров художественных промыслов говорит об их широком распространении и взаимосвязи культур горских народов. Многогранность искусства горцев во многом определялась историческими условиями, в которых жили наши далекие предки. Наиболее высокого развития оно достигло в центральном Нагорном Дагестане, что объясняется близостью к основному "международному" торговому пути, проходящему через Дербент – древний торговый центр Дагестана. В этой географической зоне и оказались жители нынешнего Дахадаевского района.

Вот как шло здесь становление природных промыслов.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МЕТАЛЛООБРАБОТКА

Кубачи

Первенство в этом виде народных промыслов искусствоведы отдают кубачинским мастерам. Это и справедливо, ибо нет в Дагестане такого села как Кубачи, где в течение почти двух тысячелетий сохранялось уникальное искусство художественной обработки металла. Даже само название "Кубачи", данное аулу в XIV веке турками, означает - "бронники", так же как и более раннее (VI в.н.э.) - "Зирихгеран", что по-персидски означало - "кольчугоделатели". Более тысячи лет назад по Северному Кавказу путешествовал арабский историк Аль-Масуди. Вернувшись в Аравию, он написал книгу "Луга золота и рудники драгоценных камней". В ней он рассказывает: "За Гумиком, по направлению к Сериру, находится государство под названием Зирихгеран - в переводе означающее «кольчужные мастера», так как многие из жителей этого государства - мастера кольчуг, стремян, удил, мечей и других железных вещей..." Слава о кубачинских мастерах прошла по многим странам. "Все, даже самые дикие народы Кавказа относят-

ся к этому племени с особым уважением... так как ни Персия, ни Анатolia не имеют таких умелых мастеров, их изделия везде находят спрос и дорогую оценку", - писал в XVIII веке о кубачинцах путешественник Яacob Рейнеггс. Их изделия были выставлены в лучших музеях России, Лондона, Парижа, Вашингтона, получали высшие награды на международных выставках.

Русские и европейские учёные и путешественники считают, что истоки кубачинского искусства уходят в глубокую древность. Еще в VI-VII веках здесь производились кольчуги, шлемы, кинжалы, мечи, разнообразная медная и бронзовая посуда, серебряные украшения. В XII-XIV веках высокого уровня достигло производство литых бронзовых котлов, они даже использовались в качестве денежного эквивалента.

Кубачинский ("албанский") котел имеет полусферическую форму с тремя короткими ножками, двумя четырьмя боковыми ручками, за которые он подвеши-

вается очаговыми цепями над костром. Сверху котел герметично закрывается медно-чеканной конусообразной крышкой. Скульптурные детали котлов подтверждают преемственность бронзовой культовой пластики Нагорного и Северного Дагестана. Котлы более позднего типа утратили изобразительные сюжеты, когда стали массовым товаром более практичного назначения. Эти котлы сегодня можно увидеть во всех традиционных "домашних музеях" кубачинцев. Они чаще используются для хранения сыпучих пищевых продуктов и как традиционная утварь, передаваемая наследникам. Методом литья изготавливались в начале XIX века светильники необычной формы. В народе их называют "шайтан чираг" - по фамилии одного кубачинского рода Шайтановых, который первым начал отливать такие светильники. Небольшой сосуд внешне похож на узконосую женскую туфельку с ручкой, на четырех низеньких ножках. На носике классической лампы обязательно сидит "птичка" - символ света и мирного очага у горцев. Такой светильник использовался как фонарик при передвижении ночью, освещения камина и совершения особых ритуалов. Нередко поверхность лампы покрывалась орнаментом.

Только в Кубачах и поныне можно увидеть традиционное шествие женщины к роднику в полном наряде: поверху белоснежный вышитый платок (кыаз), за спиной большой водоносный сосуд ("мучал"), в левой руке - сосуд малого размера - своеобразный противовес, на ногах шерстяные носки ("джурабы"). "Мучалы" чеканятся из красной листовой меди, латуни и только для внутреннего рынка; они имеют совершенно необычную форму: напоминают фигуру человека в общих пропорциях. В своих домашних музеях кубачинцы хранят и другие бытовые, ритуальные медно-чеканые и медно-литые изделия: "иранские" сосуды, "нукнусы" ("ведерки"), кувшины разных форм, подносы, самовары и раритетные керамические тарелки, приобретенные кубачинскими антикварами в разных странах мира. Несмотря на все потрясения XX века, кубачинские златокузнецы сохранили свои искусство и культуру до наших дней.

Государственная поддержка художественных промыслов в 70-х годах обеспечивала гарантированный заработок для более 800 рабочих кубачинского комбината. Разнообразной продукции из серебра и золота в месяц выпускалось до одной тонны. Из драгоценных металлов производились вазы, кофейные, чайные, кофейные, винные сервизы, бактерицидные кувшинчики для воды, наборы стаканчиков, ложек, фужеры, пиалы, сахарницы, подсвечники, кинжалы, сабли, браслеты, перстни, кольца, серьги, колье, цепочки и другие сувенирные изделия. Лучшие кубачинские мастера владеют обычно несколькими художественными и техническими приемами: гравировкой, насечкой по ме-

таллу, филигранью, монтировкой, чернением, эмалированием. Но наиболее ценится искусство мастера-гравера.

Признанные граверы братья Бахмуд и Абдулла Тубчиевы, Саид Магомедов, Абдулжалил Ибрагимов, Алихан Ахмедов; мастера золотой насечки Шапи Хартумов, Шабан Алиев; орнаменталист Гаджи Кишев; 21 мастеру присвоено звание заслуженного деятеля прикладного искусства Дагестана, 3 - заслуженного художника России. В 1971 году Р.Алиханову, Г-Б. Магомедову, А.Абдурахманову, Г.Кишеву и Г.Чабкаеву присуждена Государственная премия РСФСР имени И.Е.Репина. Народным художником Дагестана и заслуженным художником Грузии стала женщина Манаба Магомедова. Достойно продолжают славу старших поколений и современные мастера Г.Какагасанов, С.Акаев, И.Машанбаев, Р.Маммагаджиев, А.Куртаев, М.Каммагаджиев и многие другие.

Художественная обработка металла, многообразие технических приемов при создании изящных изделий, законы построения орнаментальной композиции в ауле Кубачи усваиваются с детства в каждом доме и по специальной программе в школе. В кубачинском орнаменте представлено более 25 основных элементов ("бутонов"), есть среди них и заимствованные из орнаментального искусства Ирана, Турции, России, народов Кавказа.

Но в основе - элементы местного творчества. Из них, как из букв, составляется простая композиция ("слово"), далее из "слов" складывается сложная симметричная композиция, образ ("предложение") и, наконец, "предложения" свиваются в единый "венок", который в зависимости от мастерства автора становится очень часто настоящим произведением искусства. Мастера владеют различными видами технической обработки металла: плавка, литье, прокатка (вальцовка), волочение, штамповка, пайка, опиливание, монтировка, отбеливание серебра, оксидирование, гальваностегия. К приемам художественной обработки металла относятся и выпиливание, гравирование, нанесение черни, шабрение, филигрань, наложение эмали, насечка (инкрустация), полировка и многое другое. Учитывая сложность всех последовательных операций, нередко применяется разделение труда, мастера поручают выполнение промежуточных стадий членам семьи.

Перед гравировкой по металлу эскиз наносится на бумагу, после чего его переносят на натуру. В зависимости от формы и назначения изделия выбирается орнамент. Ювелирное произведение рождается под резцом гравера. Ручной труд требует виртуозного владения штихелем (резцом), выдержки и сосредоточенности. Опытный мастер не обращается к эскизам, композиция в его голове рождается сама. Он берет резец и первым же движением наносит штрих, который не подлежит переправке. Выдающимися мастерами-гравера-

ми стали Расул Алиханов (1922-2002 гг.) и Гаджи-Бахмуд Магомедов (1923 г.). Их работы уникальны. Расулу было только 10 лет, когда он, работая под руководством отца, Алихана, выгравировал украшения для кавказского поясного ремня, а серебряный кувшин и рюмка его работы получили высокую оценку на выставке детского творчества в Нью-Йорке. Он, как губка, впитывал все лучшее, что было создано в прошлом народными мастерами. Чтобы овладеть секретами орнаментов, он копировал их с древних надгробных стел, старинных каменных вставок и металлических изделий. Так он собрал коллекцию творчества многих поколений кубачинцев и издал альбом. Впоследствии этот альбом приобретен научно-исследовательским институтом Москвы. Лучшие образцы, вошедшие в альбом, и теперь широко используются кубачинцами.

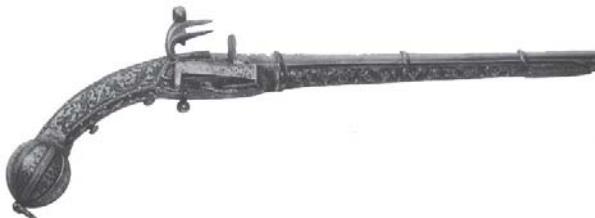
Гаджи-Бахмуд Магомедов - молчаливый и скромный художник. Его работы считаются образцами искусства златокузнецов. Он сам готовит эскизы, в совершенстве владеет монтировкой, гравировкой, чеканкой, резьбой по кости. Автор создает изящные арабески, его композиции поразительно продуманы. Специалист глубокой и ажурной гравировки тонко улавливает гармонию формы, фактуры и рисунка изделия.

Творческий характер труда дает возможность мастеру импровизировать, иметь "свой почерк", поэтому произведения народного искусства всегда самобытны и неповторимы. Художественная обработка серебра, других цветных металлов - в крови у каждого кубачинца; это искусство прививается с детства, изучается в общеобразовательной школе, в учреждении дополнительного образования - школе искусств им Р. Алиханова, практически реализуется в работе художественного комбината. В республиканской целевой программе развития художественных народных промыслов на период до 2010 года ГУП "Кубачинский художественный комбинат" включен в государственный свод особо ценных объектов культурного национального достояния нашей республики. Появилась дополнительная надежда, что традиционное искусство златокузнецов будет и дальше развиваться, радуя людей.

Харбук

Широко известный аул оружейников - изготавителей кинжалов, сабель, ножей, пистолетов, ружей - расположен к западу от райцентра. В IX-XIII веках Харбук был главным поселением средневекового государственного образования Шандан ("шантан" по-даргински - сталь). В XIV-XV веках харбукцы научились плавить железо, позже - получать из него сталь. Руду они добывали в 6 км от аула, где живут дейбукцы. До сих пор здесь сохранился "мегъла Гями" ("железный рудничок"). Смесь сидерита, известняка и древесного угля слоями загружалась в вырытый горн, туда двумя кузнечными мехами через глиняные трубы подавался воздух, и после соответствующей термической обработки получали железо.

На базе местной металлургии стала развиваться металлообработка. Особенно много производилось кинжалов, так как именно это оружие пользовалось большим спросом на внутреннем рынке. По обычаю каждый горец являлся обладателем двух кинжалов: один

для повседневной носки, без украшения, другой с украшением - праздничный. Рядом с кинжалом находился и нож. Возможно, часть оружия, в основном готовые клинки кинжалов, вывозилась для украшения к кубачинским мастерам, между ними установились тесные торговые отношения. И сейчас сохранилась старинная дорога-тропа, связывающая Харбук и Кубачи, проходящая через аул Шулерчи.

Таким образом, харбукцы-шанданцы, как и кубачинцы-зирихгеранцы, еще в средневековье стали мастерами металлообработки высочайшего класса, превратив свои поселения в известные центры ремесленного производства. Харбукские кузнецы хорошо владели ковкой, знали секреты кузнецкой сварки. Наряду с холодным оружием на внутренний рынок мастера поставляли домашнюю железную утварь и сельхозинвентарь; среди жителей Харбuka были и ювелиры, которые, не выдержав конкуренцию с кубачинцами, стали специализироваться на производстве изделий из железа. Так, например, в последнем списке жителей с. Харбук Уркарахского наимства Кайтаго-Табасаранского округа от 30 июня 1886 года указано, что из 404 хозяйств, в 112 - главы семей занимаются кузнецким ремеслом, 17 - ювелиры, 23 - оружейники, 29 - слесари. Харбукцы так же, как и кубачинцы, с детства приобщались к ремеслу кустаря, овладевая несколькими специальностями по металлообработке.

В XIX веке Харбук становится центром производства огнестрельного оружия в Дагестане. Наиболее известными оружейниками здесь считают род Алимаховых, Шахбановых, почитаются мастера Базалай Ибрагим, Рабаданов Хужайдар-Магомед, Какба-Рабаданов Муртазали. Кремневые ружья Алимаха (1836-1926 гг.) считались образцовым оружием. По форме, отделке кремневые пистолеты XIX - начала XX веков ставятся в один ряд с произведениями искусства. Харбукские ювелиры делились на три группы: отделочники ружья, изготовители женских украшений и бытовых изделий. Мастера-ювелиры наносили орнаментальный узор, отличающийся от кубачинского, были и специалисты золотой насечки по железу, они первыми начали покрывать алюминий чернью. В Харбуке в 1924 году создается первая промартель, а в 1967 году - комбинат художественных изделий. Легальное производство оружия запрещалось советской властью, поэтому харбукцы специализировались на выпуске мотыг, кос, серпов, хозяйственных печей, других железно-жестяных изделий.

К концу 90-х годов Харбукский комбинат художественных изделий закрылся из-за отсутствия финансирования в результате экономических реформ. Начался отток молодежи в город. Однако мастеровые люди в селении остались и их творческий потенциал, возможно, будет затребован в будущем.

АМУЗГИ

Труднодоступный аул мастеров по металлу, известный на Востоке с XIX века, сейчас привлекает горных туристов, фотохудожников, археологов и любителей экзотики. Некогда легендарная кузница булатных клинков сейчас пребывает в развалинах, и лишь оставшиеся последние "могикане" (два хозяйства) иногда нарушают величественный покой "орлиного гнезда" с крепостью.

На Кавказе амузгинскую сталь приравнивали к дамасской и удивлялись прочности лезвий их кинжалов и сабель.

В свое время Амузги входил в состав средневекового государства "Зирихгеран", который был известен мастерами разных специальностей. Выходцы из этих поселений до сих пор говорят на схожем диалекте даргинского языка. Но именно амузгинцы отливали и ковали знаменитый булат, из которого изготавливали клинки для кинжалов, шашек и сабель. А кубачинские мастера делали для них рукоятки и ножны, украшали гравировкой, чернью и насечкой.

Непревзойденные по твердости и форме амузгинские клинки, украшенные лучшими в горах кубачинскими златокузнецами, превращались в произведения искусства высочайшего класса. Отдельные образцы их кинжалов и сабель можно увидеть в оружейной палате Московского Кремля, в других музеях мира. Посетителям их, как правило, преподносят как "кубачинские изделия", подчеркивая наружную красоту; но для знатоков и специалистов холодного оружия важна прочность стальных клинков, выкованных не менее искусными амузгинцами.

Считается, что обладателями амузгинских клинков были такие исторические личности, как Чингисхан, Тamerлан, Надир-шах, Наполеон, Александр I и имам Шамиль со своими мюридами.

Сейчас утеряны секреты мастерства изготавителей "дамасской" стали: как проводить плавку, каким должен быть состав сплава, при каких температурном, воздушном, временном режимах получается лучшая закалка металла и самое главное - как выковывать монолитный клинок из множества тонких стальных листов?

Если верить легенде, сталь калилась на ветру, постоянно дующем над "треугольным селом" ("Амузги" - "треугольник" в переводе), тайна ковки заключается в искусстве удара молотобойца, в чувствительности кончиков пальцев, приученных ощущать наличие в стали трещин и непровара.

Сорт амузгинской стали исследователи называют "дамаск". Известно, что дамасский булат получали кузнечной сваркой сплетенных в жгут стальных полос или проволоки с различным содержанием углерода. "Дамаск" амузгинцами ковался также, как в Сирии и на Западе. Мастера могли изготавливать и так называемый букетный дамаск и звездчатый турецкий. Амузгинский булат обладает всеми качествами лучших стальных клинков Востока и Запада, некоторые из них превосходит по вязкости.

История не сохранила имена первых мастеров, открывших тайну "поющего" металла, но, к счастью, остались отдельные потомки амузгинских кузнецов, достойно продолжающие славные традиции своих отцов и дедов. Славным мастером начала XX века считается Рабадан Магомедов, изготавливший двенадцать сабель с двойным лезвием, имеющими "зульфикар".

Рядом со своим родным аулом в ширинском ущелье поселились братья Рабадановы Али и Нурай. Изготовленные ими добродушные кинжалы пользуются хорошим спросом, и по мастерству отделки их изделия соперничают с кубачинскими.

Лучше всех секретами амузгинской стали овладел известный мастер из Каспийска Гаджи Курбанкадиев. Сын амузгинского кузнеца Курбанкади и внук известного деда - Куцци-Хаджи, он пять лет учился их мастерству. Министерство экономики РД с помощью Института физики ДНЦ РАН и АО "Завод им. М.Гаджиева" провели исследование выкованных Г. Курбанкадиевым изделий из стали и пришли к заключению, что технология ковки характерна для амузгинского булатного. Клинок его работы легко перерубает металлические гвозди, не оставляя зазубрин на лезвии. Его лицензированные кинжалы и сабли с клеймом деда Куцци-Хаджи пользуются большим спросом и на внешнем рынке. Древнее искусство амузгинцев пробует себе дорогу именно благодаря таким трудолюбивым потомкам славного горного аула.

У горцев есть поговорка: "Чтобы создать совершенное изделие, надо положить на наковальню кусочек металла, душу творца и терпение кузнеца".

Тагират ГАСАНОВА

Туман и тучи над Цада.

Туман и тучи.

И будто в молоке вода

Под самой кручей.

Взметнулся над горами крик,
И эхом длился.

Туман рассеялся и сник –

Поэт родился.

На небе вышивка крестом –
Клин журавлиный.

И от скалы к скале – мостом

Размах орлиный.

Под этим небом мальчик рос,
Встречал рассветы.

С ним – всё – впервые и всерьёз:
Он рос поэтом.

Так он увидел – навсегда –
Родное небо.

И сердце оставлял в Цада,
Где б после не был.

Печаль вселенская лилась
Расулу в сердце.

Вражда и злоба, кровь и грязь –
Открыта дверца.

Его огонь их оплавлял
На тигле духа.

И жадно каждый им внимал
Имевший ухо.

В его стихах дышала грудь,
Добрели люди.

Цада! Он – сын твой. Не забудь –
Таких – не будет.

Другие по его стезе

Пойдут, конечно.

Но он, как лабиринт – Тезей,
Пронижет вечность.

Он чудищ с головой быка

Разил нещадно.

Строка – стрела. Стрела – строка –
Нить Ариадны.

От Зла, из грозной темноты,

От лжи и фальши

Вела поэта Муза – ты

Расул Гамзатов

Всё дальше, дальше.
Его манили в дивный сад
Цирцеи дружно.
Он возвращался к Патимат –
Иных – не нужно.

Однажды сбросила ему
Из башни косы...
О, роза чудная в дому
В алмазных росах!
Как родниковая вода –
Пьешь – не напиться.
Как горный воздух, что в Цада
Весной струится!

Его от сумрака теней
Всё ограждала.
Зло замирало перед ней
С бессильным жалом.
Читала первою всегда
Произведенья.
Дарила, будто свет звезды,
Жар вдохновенья.

А он – земной. А он – шутник,
Любил смеяться.
Лишь на бумаге он привык
Ей признаваться.
Он о любви писал стихи –
И таял камень.
Он не скрывал свои грехи –
Открыт пред нами.

Любовь ему мостила путь
К вершине звёздной.
Поймёт ли мир когда-нибудь,
Пока не поздно,
Ведь только ею и жива
Ещё планета.
Поэт в ответе за слова –
Он знал и это.

Объездил он немало стран
И всюду, всюду:
«Довольно крови, войн и ран».
Твердил он людь.
И била мудрость как родник
Из уст поэта.
То мудрость жизни, а не книг,
То сгусток света.

Великий горец из Цада
С душой пророка
Предупреждал: «Идёт беда
Враг – у порога».
Объединиться звал он всех,
Беречь Отчизну.
...Всё горше становился смех
К финалу жизни.

Когда внезапный ураган
Смешал всё разом,
В тебя он верил, Дагестан,
В твой светлый разум.
Сам наций он не различал
Религий – тоже.
Со всех трибун он нам кричал:
«Мы все похожи».

И, как иные, свой намаз
И пост, и рвенье
Не выставлял он напоказ
Как достиженья.
Он верил тихо, про себя
Зато – до донца.
И помолясь, за всех скорбя,
Встречал он солнце.

И всё короче с каждым днём
Путь вверх – до неба.
Но совесть жгла его огнём
За то, что не был
Там, где лилась ручьями кровь,
Где гибли дети.
Что не везде успел любовь
Раздать планете.

Такую совесть – всем бы нам
Тогда, быть может,
Поменьше было б страшных драм -
Мороз по коже.
Кричал Расул, просил всех нас:
«Все наши дети».
Ушел. Настал Беслана час.
Слова, как плети.

Нам никогда их не забыть,
Рыданьям вторя.
Как нам сегодня спать, есть, пить
В пучине горя?
Но не затем ли нам дарил
Расул творенья,
Чтоб зачерпнуть оттуда сил
Для исцеленья?

Где нам ещё искать совет?
Поэт – народный...
Он избавление и свет
Несёт – свободный.
От пут земных и суеты
Он – в кущах рая.
А может – веришь в это ты –
Летит со стаей?

Поэту Космос – звёздный дом.
И чаще, чаще
Я думаю, что мы найдём
Тот «чёрный ящик».

Мариян АЛИЕВА

Дети Беслана

«Не плачьте обо Мне, плачьте о себе и о детях ваших»

Иисус Христос

* * *

«Но книга жизни подошла к странице,
Которая дороже всех святынь», –
Хранить ее – что к Истине стремиться,
Наставь на этот путь, Господь. Аминь.
Вновь преданы заветы и посланья,
Все крепче фарисейства торжество,
И бесконечны жесты умыванья
Рук от крови, где предано Добро,
Не стоит слез Марии искупленье
Ценой распятия первенца ее,
Венец терновый, чудо воскресенья
Не изменили в мире ничего.
Страница та, что всех святынь дороже,
От книги Бытия Детей – в крови
И снятые с креста, они на смертном ложе
Как будто отвернулись от Земли.

АНЕТА

«С ребенком – на выход!» – Анета, тебе?
Расстрел избавленья на школьном дворе?
Надежды смертельной последняя нить?
Но если их двое – кого выводить?..
Годовалую дочь, что припала на грудь,
Нет сил отлучить, ни сказать, ни вздохнуть,
Только криком кричит каждой клетки душа,
Бьет в висках к тебе, Боже, вопросов мольба.
Где ваш дар откровений, мудрецы и волхвы?
Для незрячих ли свет Вифлеемской звезды?
Третью сутки весь мир над Бесланом распят –
На Голгофе безумья младенцы горят.
Дар любви твоей, Господи, – старшая дщерь.
Мне разжать ее руку? Мне закрыть за ней дверь?
Десять лет ее жизни – искупленье чего?
Я носила бы в чреве поныне ее,
Если б знала Исход и бессилье Твое,

Если б знала, что смерти от смерти мне нет,
И что шаг разрывать буду тысячи лет,
И сплетению рук – я посмертный палач,
И что взгляд твой, Алана, – не крик и не плач...
А прощения боль, свет за гранью миров,
Благовест из руин и над ними покров,
И что вечность с тех пор мне дана для того,
Чтобы помнить тот взгляд, в повороте плечо...

* * *

Не тобой ли, Господь, было мне суждено
Богородицы лик и Адама ребро
Воплотить в себе, таинство жизни даря?
Почему ты мне вынес такой приговор:
Отлучать от спасенья свое же дитя?..
Я кричала в аду: Что творишь ты, Господь,
Тебя – нет! На заклании – детская плоть...
...Сквозь страницы тетрадей, как сквозь письмена,
Проступают распятые руки Христа...

ЭММА

За день до беды столько солнца и света
Дарило по-прежнему щедрое лето,
За день до беды я счастливее всех,
Я – радость, я – песня, я – птица, я – смех.
Как кружится обруч, слегка лишь колышет,
Считайте, учитесь, мои малыши:
Марина и Яна, Алина, Батрас, –
Мой лучший, любимый, бесценный мой класс!

Следите – не гнусь, не ломаюсь – кручу,
Руки, как крылья, парят на весу.
И что мне с того, что взрослеев вас всех?
Вечное детство – сладкий мой грех.

Обруч на талии, на пальце – кольцо,
Обещание счастья и жизни звено,
Обручил меня круг, в кольцо обруч взял –
И ждет мой несбыившийся свадебный бал.

Еще день до беды, еще ветер в лицо,
Еще не свернулась безысходность в кольцо,
И Каринка-кровинка, дочь и счастье мое,
Просит сказку ей на ночь, чтобы плыть в забытье.

И не ведает Бог, задремав над детьми,
Сквозь века возвращаясь в родной Назарет,
Причаститься к теплу материнской любви
И искать ее в скорби на лобной горе,

Что не сном забыть его мечется дух,
Не томлением возврата к подножью Голгофы –
Трижды пел на заре, как и прежде, петух,
Отреченье от веры, как песнь катастрофы.
И три дня и две ночи Тьма объяла миры,
Не осталось для скорби ни слов, ни слезы,
С сотворенья миров и до нынешних дней
Не чернел над позором убиенья детей
Чести страж, дом старейшин, хранитель побед,
Подло взорванный в спину Кавказский хребет.
Почему вы молчите, Батрас и Сослан?
Чем могу оправдать я невольный обман?
«Поклонение детям и величию седин

От роженья в крови у кавказских мужчин.
Мир спасется любовью» – твердила вам я,
Почему же любовь никого не спасла?!
Почему не успела рассказать вам о том,
Что нет смерти душе под расстрельным огнем?
Но для вас мой сегодня открытый урок,
И пока прозвенит мне последний звонок,
Я должна подготовить, я должна научить,
Я должна всем и каждому это внушить:

Будет миг – не теряйтесь, сквозь свинец и ожог,
И падение стен, и разрывы у ног
Я прошу: соберите все силы любви,
Ожидания, ужаса, страха, тоски,
Соберите усталость, неверие, боль,
Слез просохших и рвущихся горькую соль,
Все презренье убийцам, изгоям земли,
и тогда, повторю, – сильны и легки,
улетайте на волю на крыльях любви –
потому что вы – ангел спасенья для тех,
кто обугленным сердцем хочет слышать ваш смех.

... Я не помню, что дальше: я давно не живу,
Но столетья секунд все равно пережду,
Я над дочкой склонюсь и прикрою ее,
Я хочу быть мишенью во имя твое!
(Ах, спина, ты не выдашь Карине меня!
Позвоночник взрывается градом свинца)
На немой твой вопрос, на недетский твой страх
Я отвечу улыбкой на смертных губах.

На пороге полета, вознесения ввысь
Ты прости меня, милый, что мечты не сбылись,
Я целую кольцо в знак бессмертья любви, –
И откуда-то сверху окликают меня
Обещанием встречи их голоса,
И напрасно несется плач с земли нам вослед –
Мы – в обители неба, мы – ваш крест и ваш свет.

ЖОРИК

Заброшен мой велиk, и мячик в углу –
Сегодня я снова в школу иду.
Второй класс – не шутка, – крутой поворот,
А игр моих летних затишье – на год.
Не смеяся, брат Саша, ты тоже смешон –
Букет твой, как толстый пузырь-капюшон,
Склонились над Викой – сестрой-ползунком,
Фотограф наш, мама, – снимай нас втроем!
Нарядной гурьбой мы стоим во дворе,
Цветов хоровод, а точнее – каре,
Аслан и Наташа, Шамиль, Тимерлан,
Асик, Мадина, Заур и Сослан.
Так тесно, и шумно, и празднично всем,
Вот выберу, где мне стоять да и с кем
А Игорь, подумаешь, ну и самбист –
Подсечкой грозит мне, я сам – каратист.
Ты что, отодвинься, эй, что это там?
Кто давит, толкает, идет по ногам?
Салют посмотреть и я тоже хочу!
Вот вымахал Русик почти с каланчу!
Но почему все кричат и кому?
Сейчас я, конечно, и сам все пойму:
Солдаты берут всех зачем-то в кольцо,
Какое у этого злое лицо!
Я здесь, мама Зифа, не жми мне ладонь!

Здесь что-то не так: стрельба и огонь...
Почему загоняют всех в этот спортзал?
Что с Асики папой? Отчего он упал?
Почему в нас стреляют? Почему «не смотри»?
Зачем тех мужчин за дверь увели?
Это как в фильме, как будто игра,
Все – на пол, за голову руки – и я,
Я тоже за всеми, прижмемся к стене,
К полу – нет, к маме... а Саша, он где?
Ищи его, мама! Нет, я не кричу,
Я ближе к тебе, подожди, подползу.
Я лучше посплю, я закрою глаза,
Плач чей-то, крик, а кричать нам нельзя,
Снимается фильм, почему про меня?
Почему так по-честному эта игра?
Что течет и что льется не каплей – струей,
Липкой и красной, тошнотно-парной,
И гирлянды из бомб, и гранаты у ног –
Мне не нравится фильм, и я здесь не игрок.
Я, конечно, обман тебе, мама, прощу –
Вкус малины в крови я напрасно ищу,
Не варенье, не лги – алых рек рукава,
Вот растут они, пенясь, и, словно волна,
Поднимаются выше – закрой мне глаза...
Раздвигается вкось потолок надо мной,
По наклонной полов чьи-то стонут тела,
Сколько здесь мы уже? Не часы, а года...
Миражами над пеклом – хлеб и вода...
(Не целуй, мама, в губы – они болью горят),
Это капает дождь, только жаль – невопад,
Почему же дождинка так солона?
Я не знал, что слеза – это тоже вода...

* * *

... Маме не стыдно: в ней есть молоко...
Они же большие – почему так легко
Все к маме ползут, чтоб кормила она?
Прикрой, мама, грудь, чтоб была не видна!
Нет, нет, я не буду, я же большой,
Семь лет мне, и я давно не грудной.
Как Саша блаженно закрывает глаза...
Он прилип к тебе, мама, скажи, что нельзя!
Наверное, вкус молока так хороши...
А я не могу, почему – не поймешь...
Он увидел, на маму навел автомат,
Она смотрит в упор, не отводит свой взгляд.
Сердце громко стучит, как предатель в груди,
Не гляди, мама, нет, на него не гляди!..
Помнишь, ты говорила про ангелов нам?
Они могут забрать нас к своим облакам?
Там, наверное, дождик тоже живет,
Кажется, меня тихо кто-то зовет?
По воде и по лужам я хочу побежать,
Забери меня, ангел, чтоб дождик поймать!
Догоняй меня, ветер, поднимай высоко,
Я от страшного сна убегу далеко...
Чья звезда закатилась и летит в темноту?
Чьей молитвы биение гасит ночь на лету?
Россыпь звезд над вершинами гор пролилась,
Черным заревом ветра тоска занялась.

* * *

Над Бесланом разорвано небо дождем,
В исступленье он хлещет и бьется из раны,
А под ним рвы зияют и ползет чернозем,
Убегая от страшной непрошенней дани...

Жанна АБУЕВА

Перегородка

Марина слегка нервничала, подходя к двухэтажному строению, именуемому техникумом, где ей отныне предстояло работать.

Здание выглядело приветливо, нежно-розовой окраской и весёлым орнаментом своего фасада напоминавшая декорацию из фильма. Зато внутри оно имело вид такой жалкий, что девушка, и без того удручённая, совсем пала духом.

Мысль о работе в техникуме не привлекала. Институт, к которому она успела привязаться, где остались подруги, и студенты, и кафедра, продолжал манить к себе, но... выбора не было, а работа попалась лишь здесь, да и то на полставки.

«Где вы работаете?» – мысленно спросила у себя Марина и ответила себе же: «Я работаю пол-лаборантом в техникуме».

Да, звучит не ахти... Ну, ничего, подбодрила себя девушка, бывает и похуже. Главное, быть при деле, а то, если дома сидеть, знания все растеряешь. Зря что ли пять лет училась...

Директор техникума, немолодой и грузный мужчина лет пятидесяти, торопился в главкий, подписав на ходу заявление, бросил, спускаясь по лестнице:

– Оформляйтесь в отделе кадров и можете сразу приступать.

Отдел кадров располагался здесь же, на этаже, и помещение явно не страдало от избытка простора и света. Здесь всё отдавало казёнщиной, и Марина невольно вспомнила тот, другой отдел кадров, первый в её жизни, пронизанный светом и каким-то особым уютом, полным степенного достоинства, которое придавала ему начальница, Валентина Степановна.

Здесь не было ни уюта, ни цветов, а одна лишь деревянная перегородка, разделявшая комнату пополам, от

вида которой Марина вновь приуныла. Но тут же обрадовалась, увидев по другую сторону перегородки Рученкову Олю, бывшую свою однокурсницу из параллельной группы.

Отличница Олька совсем не изменилась за те три года, что прошли со дня окончания ими университета, и Марина, вмиг повеселевшая при виде знакомого лица, радостно подалась за перегородку.

– Привет, Марина, – сказала Оля спокойно, словно они виделись только вчера. – Ты как к нам попала?

– Буду работать здесь!

– Да? Ну что же, хорошо, будем работать вместе. А кем тебя берут?

– Лаборантом... на полставки.

– Понятно. А я тут начальствую, в отделе кадров. Документы принесла?

– Да, вот они... Ну, как ты живёшь?

– Нормально. А здесь почему не расписалась?

– Забыла, дай распишусь. Ну, расскажи о себе, как жизнь, видишь кого из наших?

– Да так, вижу иногда. Сама понимаешь, работа, ребёнок, времени особо и нет для встреч.

– Ребёнок? Ты вышла замуж! Поздравляю от души!

– Спасибо. Ну, можешь приступать. А ты вообще надолго к нам?

– Н-не знаю, там видно будет... А как здесь коллектив вообще?

– Да всякие есть, как и везде. Ну, ладно, давай!

Марина, несколько обескураженная столь прохладным приёмом, прошла в учительскую и предстала перед завучем, к которой была "прикомандирована".

Завуч, Анна Михайловна, коротко остриженная, миловидная женщина средних лет, с умными серо-голубыми глазами, в глубине которых мерцали добродуш-

но-смешливые искорки, встретила Марину с приветливой доброжелательностью и, усадив напротив, проинформировала девушки о её обязанностях.

— Покажешь себя хорошо, дам и часы, — сказала она, сразу обращаясь к Марине на «ты», что получилось у неё вполне по-домашнему.

Завуч представила Марину преподавателям, и с этого дня началась её новая жизнь в техникуме.

Работы было немного, в основном, с бумагами, и Марина, чутко прислушиваясь к замечаниям и поправкам Анны Михайловны, старалась всё делать аккуратно и в срок.

Не прошло и двух недель, как Анна Михайловна отправила её в группу.

Идя на урок, Марина волновалась, хотя и имела за спиной небольшой, но всё же опыт преподавания.

На неё смотрели сейчас выжидательно двадцать пар тинейджерских глаз, принадлежавших, как предупредила завуч, главным образом, разгильдяям и хулиганистым подросткам, которых школа после восьмого класса предпочла вытолкнуть из своих стен в училища и техникумы.

— Good morning, boys and girls! Let's begin our lesson! — бодро произнесла Марина, обращаясь к этим двадцати парам глаз, и тут же почувствовала, что она уже их полюбила. И в этот момент на неё снизошла благодать в виде спокойной уверенности в том, что всё будет хорошо.

* * *

— Вы что это, девушка, не являетесь к нам?

Марина снова стояла у перегородки, разделявшей казённую комнату на две половинки.

Она пришла сюда по вызову бывшей своей сокурсницы, которая смотрела сейчас куда-то вбок с выражением неприязненной отстранённости, портившей её довольно-таки красивое лицо.

— Что-то не в порядке с документами? — спросила Марина дружелюбно.

— При чём тут документы? — с раздражением сказала Рученкова. — Ты обязана каждое утро являться сюда и отмечаться в моём журнале!

— В каком ещё журнале?

— Вот в этом! — Она ткнула рукой в разлинованную карандашом страницу. — Ты лаборант и должна расписываться ежедневно о своём приходе и уходе.

— А я и не знала об этом. И вообще, я не целый лаборант, а только половинка! — попробовала отшутиваться Марина.

— Ну, не скажи... тебе, по-моему, ещё и часы дали... на которые, между прочим, я рассчитывала... Но, к сожалению, в отличие от некоторых, у меня нет блата! Впрочем, это тебя не освобождает от твоих прямых обязанностей!

— Слушай, Олька, ты чего себя так ведёшь? — не выдержала Марина. — Мы же с тобой учились вместе!

— Об этом забудь! — отрезала Рученкова. — Здесь мы не однокурсницы! Здесь я твой начальник, и будь доб-

ра, выполняя всё, что положено. Приходи и расписывайся каждый день!

— Хорошо, — медленно произнесла Марина, которой показалось в этот момент, что разделяет их не простая деревянная перегородка, а целая пропасть.

С этого дня она ежедневно расписывалась в журнале, но на Рученкову глаз не поднимала и уходила так же молча, как и входила. Та радость встречи, которую она испытала в первый день, растворилась в глубоком разочаровании, приведшем Марину к мысли, что за пять лет она, оказывается, не сумела близко узнать большинства, как ей теперь казалось, своих сокурсниц.

* * *

Незаметно пролетел год. Для Марины он был наполнен работой и общением с коллегами, для неё интересными и не очень, а также и со студентами, всегда для неё интересными. Но сама атмосфера техникума, пенсионерски-безразличная, навевала на девушку тоску и стремление упорхнуть куда-нибудь подальше.

Она не испытывала того удовлетворения, какое получала, работая в вузе, и всей душой ощущала, что место её не здесь, не в этом техникуме, где люди скрупулезно считают оплату по часам и с радостью замечают заболевшего коллегу, зная, что его деньги достанутся им.

Девушка не хотела сводить свою жизнь только к этим подсчётом, а площадкой для взлёта техникум никак служить не мог. Ещё больше она расстроилась, когда в техникум пришёл с лекцией вузовский профессор-историк, и лекция эта, поданная с блеском, казалась ей живительном глотком свежего воздуха, ворвавшегося в затхлое, оторванное от внешнего мира помещение. Она слушала профессора и всеми фибрами своей души рвалась в этот открытый мир.

Ни разговоры о скором ремонте в техникуме, ни перспектива возможного карьерного роста её не прельщали, и в один прекрасный день решение было принято.

Марина ещё не знала, куда пойдёт, но точно знала, что здесь не останется.

Тёплым июньским днём она в последний раз переступила порог техникума, чтобы попрощаться с коллективом и оставить заявление об уходе.

Прощание получилось тёплым, и они с Анной Михайловной даже всплакнули, обещав друг другу дальнейшие встречи.

Марина вошла в отдел кадров за трудовой книжкой. Рученкова сидела на своём обычном месте за перегородкой, и на этот раз встретила Марину неожиданно сердечным возгласом:

— Ты что это, решила уйти от нас?

— Да, — коротко ответила Марина и добавила: — Я пришла за трудовой книжкой.

— Минутку, я только печать поставлю. И где же ты будешь теперь работать?

— Пока не знаю, скорее всего, вернусь в институт...

— Ну-у, там, конечно, лучше, чем здесь...

Марина пошла к двери, но услышав, что Рученкова

окликнула её по имени, медленно повернулась.

- Слушай, мать, ты слышала новость?
- Какую новость? – сдержанно спросила Марина.
- Мне сказали, что у Риммы Сергеевны цэр.
- Что?!
- Ну... рак, другими словами. И, говорят, положение её очень серьёзно и она чуть ли не при смерти.
- С минуту Марина стояла, оцепенев от этой ужас-

ной вести, пытаясь осознать её до конца, поверить в её реальность, слишком страшную, чтобы оказаться правдой. Потом она медленно произнесла:

- Какая Римма Сергеевна?
- Ну, наша преподавательница по английскому. Помнишь, когда мы учились в университете, она...
- А ... разве мы с тобой учились вместе? Я что-то не помню!

Сватовство

Требовалась приходящая няня для нашей двухлетней дочурки. С нянями было трудновато и мы были готовы ухватиться за любую.

Она пришла к нам по рекомендации знакомых. Деловито оглядевшись вокруг и схватив быстрым взглядом нашу двухкомнатную квартирку, она коротко бросила: «Меня звать баба Зина!»

– Очень приятно! – ответила я, почему-то сразу подумав, что она останется.

– А где дитя? – спросила баба Зина и, не дожидаясь ответа, пошла на Зойкин голосок.

Обычно дичившаяся посторонних, Зойка вскинула на нее свои пытливые зеленые глазищи, обрамленные черными мохнатыми ресничками, и тут же протянула к ней ручки. Вопрос был решен, и с этого дня наша семья пополнилась бабой Зиной.

Жить стало веселее. Каждое утро еще с порога баба Зина осведомлялась деловито:

- А камукачай есть?

Калмыцкий чай был ее слабостью, наряду с конфетами и пластинками. За «камукачаем» неизменно шел «кохвэ», а потом и «конхветы», молниеносно исчезавшие со стола, едва успев на нем появиться.

Хорошенько подзаправившись сама, она принималась кормить Зойку, которая отчаянно сопротивлялась всякой кормежке до тех пор, пока в ход не шел проигрыватель. Здесь интересы ребенка и няни совпадали так же, как и их музыкальные пристрастия.

Часами по всей нашей небольшой квартирке соловьем заливались «Веселые ребята», чей репертуар обе знали наизусть, и едва пластинка кончалась, как баба Зина тут же ловко ее переворачивала и все начиналось снова.

Всякое сопротивление было бесполезно и стоило лишь робко напомнить о необходимости прогулок, как в ответ звучало категорическое:

- На улице холодно, дитя может простыть!

Сей неопровергимый аргумент лишал меня последних родительских прав на время работы бабы Зины, и я покорно отправлялась на свою службу под громогласный аккомпанемент «Веселых ребят».

– Иди, иди! – напутствовала баба Зина. – А мы чуток поиграемся, музичку послушаем, да и спать уляжемся!

Возвращаясь домой, я еще в подъезде могла слышать звонкий голос подпевающей «Ребятам» няни: «Хочешь, я в глаза, взгляну в твои глаза, и слова припомню все, и

тихо повторю...», а следом тоненькое и картавое Зойкино: «Кто тебе сказал, ну кто тебе сказал, кто придумал, что тебя я не люблю?».

– А, пришла! – говорила баба Зина, впуская меня в мою квартиру. – А мы тут уже поспали, поели и вот музичку теперь слушаем!

Надо сказать, что при всей своей относительной общительности, няня не любила распространяться о личной жизни. Я лишь знала, что живет она в общем дворе в старой части города, что когда-то у нее был муж и никогда не было детей – вот, пожалуй, и вся информация, которую она мне поведала.

Любимой ее темой было позлословить о прежних хозяевах, однако, не встречая во мне ответного желания, она замолкала обиженно и отворачивалась, впрочем, и быстро отходя. С Зойкой, однако, возилась добросовестно, плату принимала с благодарностью и претензий особых не выдвигала, чем меня вполне устраивала.

Неопределенного возраста, низенькая и круглая, как пончик, няня, тем не менее, была шустра и подвижна. Вообразите же себе мое изумление, когда, войдя однажды в комнату, я увидела бабу Зину, ловко и безо всяких усилий делающую «шпагат» перед сидевшей на ковре Зойкой.

– А чего ты удивляешься? – сказала она с легким оттенком самодовольства. – Я, между прочим, в молодости в цирке работала!

- Что-что? В цирке?! Да не может быть!

– Почему это не может быть? – обиделась няня. – Так оно и есть! Я, если хочешь знать, бывшая артистка Мосцирка!

При этих словах она горделиво вскинула голову с коротко остриженными реденькими волосами и повторила:

– Да, так меня и объявили повсюду – акробатка Мосцирка Зинаида Пирожкова!

– М-м-м... честно говоря, трудно в это поверить... Но фамилия вам подходит, – пробормотала я, больше повериив, впрочем, в ее «шпагат», нежели в информацию. – А когда это вы успели поработать в цирке?

- Когда, когда? Когда надо было, тогда и работала!

– А потом ушли, что ли? – не унималась я.

– Ну, ясное дело, ушла. Не всю же жизнь там работать!

Больше я от нее ничего не добилась, однако «шпагат»

она повторяла с удовольствием, не заставляя просить себя дважды, и зрелище было более чем уморительным, учтивая ее короткие толстенькие ножки и проглядывавшие из-под юбки голубые рейтюзы.

Так мы жили с бабой Зиной и "Веселыми ребятами", и неизвестно, сколько бы еще прожили вместе, если бы однажды у Петра Денисовича, нашего соседа, не умерла жена.

Новость эту принесла баба Зина. Рано утром, войдя в дом, вместо своего обычного: «А камукчай есть?» она выпалила прямо с порога:

— А у вашего соседа жинка померла!

— У какого соседа? — перепугалась я.

— Ну, того, что справа. Похороны, кажись, в двенадцать.

Признаться честно, соседа этого я почти не знала, да и супругу его тоже. Столкнувшись с ним как-то в подъезде, я поздоровалась, и услышав в ответ недовольное бурканье, тут же определила про себя: «Видно, куркуль какой-то!»

Все же, поразмыслив, я решила, что надо нанести ему сочувствующий соседский визит.

— Я пойду с тобой! — заявила баба Зина.

— А вам-то зачем идти?

— Как это зачем? — возмутилась она. — Я тут у тебя бываю цельный день, так надо же человеку соболезновать, раз он твой сосед!

— Ну, если вы считаете нужным...

И мы отправились с ней к соседу, где узнали его имя, как и имя его уже покойной супруги.

В однокомнатной квартирке расположились с десяток немолодых женщин в платочках, которые с готовностью ахали и охали, слушая, как новоявленный вдовец простиенно повествует о болезни и кончине жены.

Я обратила внимание на покрасневшее лицо и веки бабы Зины и, тихонько потянув ее за локоть, шепнула, что пора уходить.

— Неудобно! — сердитым шепотом отрезала она и снова отдалась охотному рассказу соседа.

— Ну, вы как хотите, а я пойду, а то Зойка, наверное, уже проснулась и плачет...

— Иди-иди! — быстро ответила баба Зина и тут же забыла обо мне.

С этого дня и началась новая наша жизнь. Я, поглощенная собственными заботами, не сразу заметила перемену. Вначале я почувствовала, что чего-то не хватает. Оказалось, музыки. «Веселые ребята» грустно пылились на полке, забытые и уже не нужные, во всяком случае, бабе Зине. Зато появились прогулки, частые и долгие. Зойкины щечки заметно порозовели, а сама баба Зина стала еще более оживленной и какой-то по-новому суетливой.

Она то напевала вполголоса, то надолго уходила в себя, явно чем-то озабоченная, и то и дело прислушивалась к чему-то извне, мне непонятному.

Она вдруг сняла свой пластмассовый гребешок, которым собирала выцветшие волосы, и вообще, стала больше следить за своей внешностью. Сменила извечную вя-

заную фуфайку на более новый шерстяной свитер, а как-то даже пришла с подкрашенными ярко-розовой помадой губами, немного странно смотревшимися на ее немолодом, обветренном жизнью лице.

Я не сразу поняла, что в жизни бабы Зины появился герой.

Имя его можно даже не называть. Да и сама баба Зина звала его просто «соседом».

— Видела утром соседа, за хлебом пошел... Вчерась не поздоровался, а сегодня ответил... С дитем гуляла, соседа встретила... Сосед-то сороковины уже спроворил... Может, чем помочь ему надо, один все-таки...

Мало-помалу, тема «соседа» стала главной в ее монологах.

Как-то пришла с прогулки взволнованная:

— Сосед-то наш жинку себе, видать, присматривает!

— С чего это вы взяли?

— Да ходит тут, глазами всех щупает. Недаром говорят, что мужик на жениных поминках невест себе высматривает!

— Ну и пусть, это его проблемы!

— Оно и конечно, да бабы сами, как мухи на мед, слетаются на холостого!

— А вас это волнует? Или для вас он тоже мед? — наконец-то догадалась я.

— А что? Плохо тебе было, если бы я рядышком жила?

— Идея неплохая!

— Вот и помоги!

— Да как же я помогу? — растерялась я, начиная, наконец, догадываться о серьезности намерений бабы Зины.

— Сваха из меня никакая, лучше и не вмешиваться. Так что вы уж сами старайтесь!

— Да что там помогать, много ли трудов? Возьми да и пригласи его как-нибудь на чаек!

— Ну вот еще! — воскликнула я. — Очень мне нужен посторонний мужик в доме...

— Да какой же он посторонний, сосед-то! Ты же не для себя стараешься, для меня!

— Нет уж, увольте! — отрезала я, но, заметив, как пригорюнилась моя няня, тут же подсластила пилюлю шуткой: — Ищите другие способы, вы же женщина... Как говорил Мичурин, мы не можем ждать милостей от природы, взять их самим — вот наша задача!

— Да как же их возьмешь-то! — уныло ответствовала баба Зина. — Тебе хорошо говорить, у тебя муж, родни куча, а я одна-одинешенька на всем белом свете!

— Не обижайтесь, баб Зин, этот вариант отпадает! — твердо сказала я, давая понять, что разговор окончен.

Но это я так думала. Баба Зина же, не прошло и двух дней, снова завела беседу:

— Слушай, мать, сходила бы ты к нему!

— К кому? — не поняла я.

— Ну к кому, к кому, к соседу своему!

— Это еще зачем?

— Ну пошла бы, поговорила с ним о том о сем, а там, глядишь, и обо мне замолвила бы словечко!

— Это как, посватать его, что ли?

— Ну, посватать не посватать, а навести на разговор

обо мне, похвалить при случае...

— Обязательно похвалю, баб Зин, но не у него дома, а если встречу где-нибудь и если зайдет разговор!

— Да как же ты его встретишь, ты ж цельный день на работе! Это надо специально...

— Специально не буду! – вновь отрезала я, делая вид, что не замечаю ее обиженнного лица.

— Выходит, ты не желаешь, чтобы мне было хорошо...

— Баб Зин, видит Бог, я от души этого вам желаю, но... вы же не знаете, что он за человек, какой у него характер, привычки... может, он... куркуль какой-нибудь!

— Так-то оно так, да уж на старости лет потерпела бы! Чай, не барышня какая...

— Ну, не знаю... смотрите сами...

После этого баба Зина уже не заводила со мной этой темы, но губы подкрашивать не перестала, а волосы ее, редкие и белесые, стали подозрительно пышнеть и кучерявиться.

Прошло два месяца, в течение которых слово «сосед» в моем доме не произносилось, будто и не было всех этих о нем разговоров. Няня продолжала, как ни в чем не было, возиться с Зойкой, я продолжала ходить на работу, муж продолжал учиться в Москве, и жизнь тоже продолжалась, наполненная унылым однообразием одних и тех же забот рутинного существования.

Как-то, возвращаясь домой, я столкнулась в подъезде с Петром Денисовичем, которого практически не видела со дня смерти его жены. Я поздоровалась первой и хотела пройти, но он вдруг задержал меня словами:

— Погодите-ка, соседка, есть разговор!

— Да, слушаю вас! – Я остановилась на лестничной клетке, ожидая, что сосед мой скажет сейчас нечто значительное, касающееся его брачных перспектив с моей бабой Зиной. Но первые же его слова повергли меня в состояние изумления:

— У вас что, дома соли никогда не бывает?

— В к-к-каком смысле? – растерялась я.

— Ну, в каком? В самом прямом. Вы, видно, неважная хозяйка: то соли у вас нет, то перца!

— Простите, что-то я вас не очень хорошо поняла, – обрела я, наконец, дар речи. – Повторите, пожалуйста, еще раз и помедленнее!

— Ваша нянька, или кто она там, постоянно бегает ко мне то за солью, то за спичками. Вон, напротив, через дорогу, магазин, идите и покупайте!

— Знаете что! – возмутилась я. – У меня в доме есть все, что мне нужно! А что касается няни, я выясню, почему она это делает!

— А здесь и выяснить нечего, и так все ясно. Не дурак же я, в конце концов, понимаю, чего она все бегает. Да и не только она, на меня много желающих есть! Как я одоввел, так тут же все и засуетились... То ли меня хотят, то ли квартиру мою... от знакомых баб отбоя нету, а тут еще нянька ваша!

— А между прочим, если хотите знать, она очень прличный человек! – Я вспомнила про обещание, данное бабе Зине, и хотя была в этот момент очень на нее зла, все же сочла своим долгом сказать: – Не знаю, какие у вас там

знакомые, но о бабе... то есть, о тете Зине ничего, кроме хорошего, сказать не могу! «Во всяком случае, куркуль ты этакий, она намного лучше тебя!» – подумала я про себя, чего вслух, разумеется, не сказала.

– Не знаю, не знаю, может быть, – произнес он слегка недоверчиво и добавил, помедлив: – Конечно, жениться надо, не жить же век одному... но как узнать, какая из них больше подойдет?

– Тут уже я вам ничем помочь не могу! – холодно сказала я и пошла к своей двери.

– А соль все-таки прикупите! – крикнул он мне вдогонку. Дома я дала волю гневу и устроила бабе Зине хорошую взбучку за унижение, которому она меня подвергла.

– Чтобы больше вы к нему не ходили! Что, у нас дома соли нет или перца?! Повадились к нему захаживать, нашли повод! Почему вы не думаете, что унижаете меня этим?

Несчастная баба Зина сидела передо мной, понурив голову, точно провинившаяся девчонка, а Зойка, с любопытством уставившись на нас обеих, притихла, словно понимала, о чем идет речь.

Когда я, наконец, успокоилась, баба Зина подняла на меня свои выцветшие голубые глаза и тихонько спросила:

– Ну, а еще что-нибудь он обо мне говорил?

– Сказал, что рассмотрит вашу кандидатуру наряду с десятком других, имеющихся в его списке! – безжалостно заявила я, вновь вспыхнув от мысли о недавнем разговоре с соседом. Баба Зина ничего не сказала и спустя некоторое время засобиралась домой.

Наутро, едва появившись на пороге, она весело спросила: «А камуячай есть?» и, как ни в чем не бывало, занялась Зойкой, по обыкновению предварительно поев сама.

И вновь тема «соседа» была снята с повестки дня. Я же для себя решила с ним не здороваться... во всяком случае, первой.

Вскоре, однако, Петр Денисович снова объявился. У меня возникло подозрение, что на этот раз он специально дождался меня у подъезда.

– День добрый, соседка!

– Здрасьте! – процедила я, всем своим видом давая понять, что не намерена поддерживать с ним беседу.

– Ну что, соль-перец больше не нужны? Что-то вашу няньку уже не видать!

– Послушайте, я сегодня принесу вам пачку соли и пачку перца, чтобы вы, наконец, успокоились! Сколько можно говорить об этом!

– А я и спокоен! – с сожалением ответил он. – Хотел только вам сообщить, что навел справки о вашей няньке, и что о ней люди нехорошо отзываются.

– Интересно, где это вы их навели? – язвительно спросила я.

– А в том дворе, где она живет! Пошел, спрашивал у соседей, так они многое мне о ней порассказали и, между прочим, особо ее не хвалили...

– Извините, я очень спешу! – сказала я, злорадно отметив про себя, как изменился в лице этот куркуль, при-

готовившийся обсуждать со мною бабу Зину.

Ей я не сказала ничего, но, видно, сказал он сам или ее же соседи, во всяком случае, через несколько дней она пришла ко мне сама не своя и расстроенно сказала:

— Ты представляешь, эти гады наговорили ему обо мне!

— Кому — ему? — притворилась я непонимающей.

— Ну, соседу этому твоему... Оказывается, он интересовался, спрашивал, а они... Скорей всего, это Райка наговорила, а может, Валька... Позавидовали, небось, что вдруг я замуж выйду, вот и наговорили, гадюки!

— Да ладно, баб Зин, не переживайте! Не стоит он вас!

— Не знаю, стоит или не стоит, но уж больно хотелось мне замуж за него пойти, человеком себя почувствовать...

— Здрасьте! А без него, значит, вы не человек?

Не успела я закончить фразу, как бабу Зину словно прорвало:

— Да что ты знаешь о моей жизни? Думаешь, легко мне было перебиваться сиротой, ни кола, ни двора! Всю жизнь спину гнула, работала, как ишак, а на жилье так и не заработала. Думаешь, приятно жить в коммуналке, где все только собачатся, лают весь день! Почему, думаешь, я у тебя задерживаюсь всегда? Да чтоб туда не возвращаться, к этим змеекам поганым! Не были бы погаными, не наговорили бы человеку... — Она уже рыдала.

— Баб Зин, успокойтесь, ну пожалуйста! Дался вам этот... куркуль!

— А я-то, дура старая, размечталась... Думала, буду за ним ухаживать... думала, будем жить с тобой по соседству, детей твоих расти... А вон, вишь, как получилось! Сволочи! — зарыдала она еще громче. — Плохо людям, когда другому хорошо!

— Конечно, они не должны были так делать, но он тоже хорош! Зачем нужно было идти и разузнавать о вас? Мог бы и здесь присмотреться!

— Думаешь? — остановила она свой плач. — И то верно! Поперся, понимаешь, старый хрен, сплетни собирать!

Больше она ничего не добавила, остаток вечера была задумчивой, а затем, сославшись на головную боль, рас прощалась и ушла.

Назавтра она не пришла и через день тоже.

Потом появилась, по-прежнему задумчивая, и впервые за все время работы отказалась от калмыцкого чая.

В ней появилась какая-то отстраненность, и меня вдруг стали томить неясные предчувствия, которые не замедлили оправдаться.

— Ты... это... ты найди себе другую-то няню, — произнесла она неожиданно.

— Вы что, баб Зин, бросить нас хотите? Я чем-нибудь вас обидела?

— Что ты, дочка, нет! Просто стара я стала за дитем смотреть, да и здоровье уже плохое, то сердце, то давление беспокоит...

— Ну какая же вы старая, вы еще очень даже ничего! — попробовала пошутить я, и тут же осеклась, словно впервые увидев ее ненакрашенные тонкие губы и хлипко свишающие тусклые пряди волос.

— Да уж не скажи! — невесело усмехнулась баба Зина.

— Ну, в общем, ухожу я... не могу работать...

Мне показалось, что она чуть было не добавила слово «здесь», но это и так было понятно.

Она ушла и больше я ее никогда не видела.

Буквально через месяц Петр Денисович женился на какой-то пожилой вдове, а еще через год скончался, оставив ее с квартирой.

Новую няню я искала, а определила Зойку в детсад, куда она с удовольствием ходила.

Жизнь продолжалась со своими буднями и суетой. Как-то прибираясь, я решила перебрать старые пластинки и одна из них выскользнула у меня из рук и, упав на пол, треснула пополам. Это были «Веселые ребята». Я тут же вспомнила бабу Зину с ее звонким пением, ее «шпагатами» и ее страстью к «камукаю», «кохве» и «конхветам». Интересно было бы узнать, как она там поживает, но это было невозможно, ведь адреса своего она мне так и не дала...

Я и теперь вспоминаю ее иногда, особенно при слове «цирк», вспоминаю ее горделиво вскинутый подбородок, неудачное для нее и, как теперь понимаю, для соседа, сватовство, и с достоинством произнесенные слова: «Так меня и объявляли повсюду: акробатка Мосцирка Зинаида Пирожкова!».

Круговорот...

В городе было много стариков. Практически в каждой семье еще оставалось по одному старику, а кое-где можно было насчитать и пару.

Старики тихо доживали свой век рядом с детьми и внуками, и большую часть своей старицкой жизни проводили в воспоминаниях о прожитых годах. Они грелись этими воспоминаниями, погружаясь в них, как в теплый и приятный водоем, неохотно выныривая затем на поверхность.

Позади была целая жизнь, в которой, как и положено, было все, а впереди маячила пугающая неизвестность, имеющая тем светом. Что все-таки было там, так никто и не знал, и думать об этом не хотелось. И потому они цеплялись

за день сегодняшний, пусть болея, пусть с трудом, но проживая его, и, ложась вечером спать, не позволяли своим мыслям заходить дальше еще одного прожитого дня и еще одной предстоящей ночи.

Даже если и мелькала в голове какая-то идея относительно следующего дня, она тут же вытеснялась другой типа: «Там видно будет!» или «Если будет угодно Богу!».

Так они жили, грезя о прошлом и подпитываясь энергией молодых, сетя на старость и мечтая, чтобы она никогда не кончалась.

Считалось, что они находятся на заслуженном отдыхе. Это означало лишь то, что государство, которому они ежед-

невно из года в год служили, больше не нуждалось в их помощи, а предпочитало расплачиваться с ними ежемесячными пособиями, гордо именуемыми пенсий. Размеры этого пособия, периодически повышавшегося на ничтожные доли процентов, были непропорциональны вкладу людей в борьбу за лучшее будущее своей страны, но и эта мизерная сумма была для старииков крайне желанной, позволяя им тешить себя иллюзией независимости.

«Наконец-то!» – говорили они, с радостью встречая девушек, разносивших по домам пенсии, и аккуратно пересчитывали рубли, оставляя своим благодетельницам заветную десяточку, полагая по старой памяти, что это целое состояние.

Отправленные государством на пенсию, они долго не могли привыкнуть к мысли, что больше уже не надо идти рано утром на службу, а можно открыть свой день и продолжить свою жизнь, никуда не торопясь. Но, привыкшие к постоянному труду, старики упрямо не желали отдыхать и, отвергая с негодованием праздное времяпровождение, то и дело изыскивали себе какое-нибудь занятие.

Даже предоставленная им свобода чтения журналов и просмотра телепередач не привлекала надолго их жаждущие активной деятельности души. Сынши, что где-то в далекой Америке или Европе жизнь после выхода на пенсию только начинается, предоставляя людям возможность активной общественной деятельности и путешествий, старики лишь пожимали плечами и улыбались иронически, с трудом представляя себя одетыми в шорты,uvwешанными фотораппаратами и ахающими при созерцании греческих храмов и египетских пирамид. «Их пенсия позволяет им путешествовать», – говорили они и, не желая тратить свое время на бессмысленные рассуждения, находили себя в хозяйстве. Женщины окончательно погружались в домоводство, а мужчины вдруг обнаруживали необычайную привлекательность вхождении по хозяйственным точкам, коих в городе было превеликое множество, а потом, вставшие традиционными сумеречные часы, отправлялись на городской бульвар, где подолгу озабоченно обсуждали государственно-политические проблемы, либо обменивались местными новостями.

Мало-помалу они привыкали к такой жизни, разумеренной и несуетливой, но постепенно переставали тянуться и к общественным посиделкам, без которых раньше не мыслили своих жизней, все более склоняясь к «камерному» общению.

Старики обожали вспоминать о былых временах и готовы были сотни и тысячи раз пересказывать потомкам страницы своей жизни.

Потомки эти, принадлежа совсем к другому поколению, проживали, в сущности, те же жизни, что и их родители. Ведь жизнь повторяется и каждое поколение, сменяя предыдущее, живет по раз и навсегда установленному порядку, ошибочно, впрочем, полагая, что живет иначе.

На самом деле жизнь потомков состояла из тех же событий, куда входили война и мир, рождение и смерть, отдых и работа, работа, работа...

Единственной вещью, вносящей различие в смены поколений, был прогресс, с космической скоростью распространявшийся по планете. И если предыдущие старики не зна-

ли телевизоров и магнитофонов, то нынешние опасливо обходили стороной микроволновые плиты и компьютеры, привычно предпочитая газ, или ручную стирку, или обычный веник.

Больше всего на свете старики хотели быть полезными. Потому и сутились они днями напролет, изыскивая себе работу и обманывая себя тем, что кроме них эту работу никто не сделает.

Так они жили, не замечая, что превращаются постепенно в маленьких детей, становясь такими же ранимыми, беззащитными и беспомощными. И столь же неблагодарными. Старикам постоянно казалось, что молодые не желают понимать их, выслушивать и считаться с их мнением. И тогда они все больше уходили в себя, забыв, что когда-то и сами вели себя так же по отношению к своим родителям.

А между тем молодые жили своей сложной и напряженной жизнью, где надо было постоянно работать, и зарабатывать на хлеб, и выживать, и где все меньше оставалось места для беспечного веселья и непринужденного общения друг с другом.

Померято, как пролетала их непростая и нелегкая жизнь, они начинали вдруг осознавать, что не успели и почувствовать вкуса этой самой жизни, которую они так стремительно проживали, не увидели тех городов, которые когда-то мечтали посетить, не испытывали тех чувств, которые предвкушали испытать, не перечитали тех книг, которые оставляли на потом...

Уже не очень-то и молодые, они вдруг обнаруживали себя где-то посередине между своими родителями и своими детьми, и это двусмысленное положение приводило их в замешательство и некоторое смятение, ибо они никак не могли определиться со своим статусом: то ли чьи-то родители, то ли чьи-то дети. Это вносило раздражение в их и без того неспокойную жизнь, и они изливали свое раздражение на старииков.

«Не надо меня учить, папа, я сам знаю, что мне делать!» – говорил в сердцах великовозрастный сын, позабыв в этот момент, каким подспорьем для его семьи является и сам папа и его небольшая пенсия.

«Слушай, мать, мне уже надоели твои вечные нравоучения! Оставь меня в покое! – отдавалось эхом в другой семье. – Вечно ты лезешь не в свои дела!»

«Когда ты, наконец, поймешь, что я уже не маленький!» – звучало негодующее из третьей квартиры.

Старики становились для молодых в некотором смысле обузой, скорее даже в моральном плане, поскольку стремились быть в курсе всего и, какказалось их детям, повсюду совали свой нос. Систематически жалуясь на недомогание, они, тем не менее, все видели, все слышали и все хотели знать.

И это раздражало. В особенности молодых хозяек, счиавших, возможно, и справедливо, что дом не терпит нескольких хозяев, а кухня тем более. И тогда она, эта кухня, превращалась в территорию безмолвной и тайной борьбы за единоличную власть над кастролями и раковиной, сушилкой и плитой, борьбы, в которой ни одна из хозяек не желала уступать своих позиций.

Обыкновенно побеждали старые хозяйки, с отчаянным упорством отвоевывавшие каждый сантиметр территории. И молодые отступали, все более отдаляясь от хозяйства и

постепенно отвыкая от него, при этом испытывая не прекрасный ни на минуту внутренний протест.

— Почему-то все анекдоты бывают про тещу, — говорила одна молодая хозяйка другой. — А ведь со свекровями жить гораздо сложней!

— Вот именно! — с готовностью отвечала другая. — У них есть какая-то удивительная способность одновременно быть везде. Только что была в ванной, глядишь, уже переместилась в зал, или на кухню, или даже в твою спальню... Вечно кружит по квартире, точно бабочка!

— Или, вернее, муха назойливая! — подхватила беседу третья. — Сколько ни стараешься им угодить, все равно лучше их дочерей никого нет. А дочери и не беспокоятся, как там их мать, поела или нет, чистое ли у нее белье, не пуст ли холодильник. Они живут себе, ходят, куда хотят, и делают, что хотят, а мы, невестки, должны отчитываться за каждый свой шаг...

— И вообще, я считаю, что каждая из нас должна смотреть за своей матерью, — вмешалась четвертая. — Я за своей, а моя золовка — за своей!

Пока невестки обсуждали своих вторых матерей, дочери также изливали друг другу души:

— Моя мама думает, что у меня не должно быть своей жизни! Если я разведена и живу с ней, это не значит, что я должна отчитываться, как девчонка, за каждый свой шаг и за каждое свое опоздание. Она хочет, чтобы я только ей посвящала свой досуг, обсуждала с ней все новости и все сериалы, рассказывала, как прошел день, как там у меня на работе. А я так устаю за день, что хочется прийти и помолчать... Но она этого не понимает!

— Моя такая же! С папой даже легче, чем с ней, он на меня не давит, а вот мама... Постоянно меня воспитывает, пристает с советами, контролирует, в чем я вышла из дома, навязывает свое мнение. И вечно обижается, слова ей не скажи! Боже мой, как же с ними трудно! Сами не живут и нам не дают...

— Ой, девочки, неизвестно, какими мы будем в их возрасте, может, еще хуже!

— О чём ты говоришь! Мы до такого возраста просто не доживем, наше поколение не такое крепкое!

— Ой, девочки, пусть они живут, правда? Мы ведь хотим, чтоб они жили как можно дольше!

— Ну, конечно... только пусть и нам дадут пожить!

Так или примерно так озвучивали мысли молодые и уже не очень молодые хозяйки, вся жизнь которых сводилась к монотонно-однообразному существованию, включавшему в себя уход за детьми и мужем, бесконечные стирки и уборки, беготню по магазинам и работу, работу, работу...

Случайно оказавшиеся в их городе иностранцы, ознакомившись с местным образом жизни, вопрошали изумленно: «А когда же вы живете?!» «А вот так и живем», — отвечали молодые, имевшие смутное представление о какой-то иной жизни, в которой, помимо работы, мог быть и нормальный человеческий досуг.

Молодые не были злыми и равнодушными. Просто жизнь их была построена так, что на любовь и милосердие катастрофически не хватало времени и сил. Когда-то, в далеком прошлом, старики в их городе были самыми почитаемыми людьми, чье мнение было главенствующим, но жизнь в те времена двигалась по другой орбите, где не приходилось так

отчаянно выживать...

А старики все более и более ветшали и ощущая свою, как им казалось, ненужность, все чаще задумывались над желательностью небытия...

Не все из них жили в семьях. Были и одинокие, полагавшиеся лишь на себя и на Провидение. Каждый прожитый день они воспринимали как дар Господний и, не таясь, делились этой радостью с окружающими.

— Видите, я еще жива! — говорила одна старушка, обращаясь через маленько оконко к грозной кассирше из местного дракона, именуемого ГЕРЦем. — В прошлом месяце, когда платила за квартиру, думала, уже все, в последний раз прихожу, не доживу до следующего месяца, а видите вот, дожила все-таки, и опять к вам пришла... Вы можете мне не поверить, но я так рада видеть вас!

— Мы тоже рады, — буркнула угрюмая кассирша и равнодушно бросила: — Следующий!..

Казалось, что старики будут жить вечно, но они вдруг стали умирать. Они уходили один за другим, будто говорились. Они не писали завещаний, не высказывали обид, ничего не говорили, а просто умирали, точно спешили опередить один другого, чтобы раньше увидеть тот самый свет в конце туннеля...

Уход их сопровождался пышными проводами, обилием еды и монотонным чтением непонятных для большинства людей религиозных песнопений.

И с чувством выполненного долга молодые возвращались в свою повседневную жизнь, продолжая все так же бегать по магазинам, стирать белье, убирать квартиру, растить детей и работать, работать, работать...

Вечером, прия домой с работы, они привычно стучали в дверь и долго ждали, пока, спохватившись, не вспоминали, что открыть ее они должны сами, потому как не было уже старииков, терпеливо ожидавших их возвращения ...

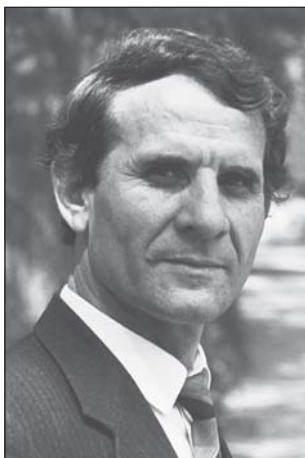
Спустя время они уже явственно ощущали пустоту, образовавшуюся в их жизни после ухода старших. Та, прежняя жизнь, в которой еще присутствовали родители, казалась им теперь теплой и уютной, и они вдруг с горечью осознавали, что больше уже не являются ничими детьми. Они давно забыли о своем раздражении и помнили лишь мудрость родительских слов и тепло их сердец. Они многое бы отдали, чтобы вернуть то время, когда мать кричала вдогонку: «Оденься теплее, на улице холодно!» или: «Я ждала тебя, чтобы вместе пообедать», а отец недовольно бурчал: «Опять ты вчера поздно пришел! Хоть бы о семье подумал!»

С уходом стариков жизнь стала еще труднее, словно те самим своим присутствием охраняли молодых от невзгод, принимая на себя большую часть забот.

А между тем время летело вперед, и вот уже для молодых наступил тот день, когда государство перестало нуждаться в их услугах.

Отправленные на пенсию, они долго не могли привыкнуть к мысли, что больше уже не надо идти на службу, а можно открыть свой день и продолжить свою жизнь, никуда не торопясь.

И так они жили, грезя о прошлом и подпитываясь энергией молодых, сетя на старость и мечтая, чтобы она никогда не кончалась...

Ахмед ДЖАЧАЕВ

ТЯЖЕСТЬ

Снег, в цветущий сад осевший,
Тяжелей всего.
Камень, на плечи упавший,
Тяжелей всего.
Горе, что к земле пригнуло,
Тяжелей всего.
Слово, что слезу прошибло,
Тяжелей всего.
Мертвый сын в руках родимой
Тяжелей всего.

Каждый из них был по-своему прав.
Спросил я того, кто, войну испытав,
Из плена бежал и концлагерь знал:
— Что тяжесть земная?
И он мне сказал:
— Горсть пепла, вот тяжесть,
Запомни навек.
Горсть пепла, которой стал человек.

Перевод Л. Васильевой

ВЕДЬ БЫЛ Я ДОБРОЙ МАТЕРЬЮ РОЖДЕН

Я выпрямил надломанную ветку,
И сок земли влила в нее весна.
Но словно бы оттянутая ветром
Меня хлестнула по лицу она.

Я ласточку нашел с крылом подбитым
И вылечил, чтобы снова ей летать.
Но, обернувшись вороном, сердито
Она меня вдруг принялась клевать.

Я тыквенный цветок забросил в небо,
Чтоб он звездой над полем засиял.
Но до чего же вышло все нелепо:
Он камнем мне на голову упал.

Я ПОВЕРЮ В ЛЮБОВЬ...

Я положил за пазуху котенка,
Что под дождем на улице продрог.
Но, превратившись
в злобного волчонка,
Он искал спасителя как мог.

Рыбешку, выброшенную волною,
Пустил я в море: радуйся, плыви...
Акулой погналась она за мною,
Никак не оценив моей любви.

...Обид не помню, мести не лелею,
И как бы зло не лезло на рожон,
Для добрых дел я сердце отогрею:
Ведь был я доброй матерью рожден.

У ТОЙ ЗАКРЫТОЙ ДВЕРИ

— Открой, — я прошептал из темноты
Холодной ночью, темной как могила,
— Не время для гостей, — сказала ты
И в дом меня, конечно, не впустила.

К другим дверям направился, скорбя,
Но не успел и постучать устало,
Как мне навстречу — «Я ждала тебя!» —
Скрыльца поддождик девушки сбежала.

Ее глаза — две искры, два огня.
В ее любовь я безоглядно верю.
Но отчего, скажи, душа моя
Трепещет там, у той закрытой двери?..

Перевод Л. Румарчук

БАЛЛАДА О ЛЕБЕДЕ

Видно, молодым и неумелым
Оказался лебедь летуном.
В темном озерце смертельно белым
Одиноким он застыл пятном.

Сердце сжалось, ощущив тревогу,
Словно был я в чем-то виноват.
Продолжая дальнюю дорогу,
Караван тянулся на закат.

Попытавшись вслед им устремиться,
Из последних лебединых сил
Закричала брошенная птица,
Будто кто о помощи просил.

И вожак на этот крик ответил,
Повернула стая вслед за ним,

И от лебединых крыльев светел
Воздух стал над озером лесным.

До утра по озеру носило
Этот остров, белый как туман.
И к уставшему вернулась сила,
И поднялся утром караван.

Взмыл вожак, и до последней птицы
Все смогли взлететь за вожаком...
Я хотел бы так людьми гордиться,
Но мешал застывший в горле ком.

ХОТЬ ОДНА СТРОКА...

Я сильной жаждой был измучен,
Ловил порывы ветерка,
А в небе не было ни тучи,
Ну а вблизи — ни хуторка.
Светило солнце — что есть мочи,
Жара стояла день-деньской,
И тень все делалась короче,
И наполнялась грудь тоской.
По счастью, я увидел иву
В одной лощине вдалеке,
Под ней звенел неутомимо,
Звенел родник — как мысль в строке.
Он был холодным и прозрачным,
Он звал к себе всех горемык,
Незрячего он сделал зрячим
И говорящими — немых.
Сводило скулы до ломоты
Журчащей ледяной водой.
Земля крутила обороты,
И был я вечно молодой.
И льстил себе надеждой слабой,
Что хоть одна моя строка
Откликнется не гулкой славой,
А чистым звоном родника.

Перевод А. Тюрина

ЖАДНОСТЬ

Я знаю их —
мне горько и обидно!
Дом ломится от дорогих вещей.
А им все мало в жадности постыдной,
Все мало денег у таких людей!

И осенью в саду, облитом солнцем,
Когда увидят красную листву,
Листья напоминают им червонцы —
Они деньгами бредят наявл.

Их не пленяет зимняя картинка,
Дрожащий в ииене алмазном куст,
Скрип снега подувесистым ботинком
Напоминает им кредиток хруст.

И даже звезды в дивном небосводе
Им кажутся обилием монет.
Все о деньгах им говорит в природе,
Как будто ничего другого нет.

Когда б они располагали властью –
Весь этот мир оставил в темноте,
С какой бы алчной
и жестокой страстью
Они в мешок собрали звезды те!

Я БЫ НЕ БОЯЛСЯ

Ах, если б я не видел никогда,
Как плещет одинокая вода,
Как мечется покинутая птица,
Боясь в сырых потемках заблудиться.

Ах, если б я не видел никогда,
Как блещет бесприютная звезда,
Как плачет одинокое зерно,
Которому подняться не дано.
Тогда бы не боялся до седин
Я быть один...

Перевод М. Тарасовой

ПОСЛЕДНИЙ ВОПРОС

...И я умерших провожал не раз,
И ныне вспоминаю то и дело,
Как вопрошал старейшина всех нас,
Когда в могилу опускали тело.

Мужчин, недвижных словно гор хребет,
Почтенный старец призывал к ответу:
"Каким он был, достойным или нет,
Тот, кто навеки лег в могилу эту?"

Бывало так: одни потупя взор,
В молчанье хмуром под ноги глядели,
Другие, чтоб родных не жёг позор:
"Хорошим был", роняли еле-еле.

Не поминают худо мертвцев,
Но как признать достойным уваженья
Того, кто был при жизни подлецом
И даже в смерти требует почтенья?

Не потому ль у нас в былые дни
Родные недостойного в печали
Давали мзду соседям, чтоб они
"Хорошим был",
как должно, отвечали?

Пусть не краснеют близкие за нас?
Все остальное ерунда, поверьте,

И пусть чужим
не платят в скорбный час,
Чтоб нас они хвалили после смерти.

Перевод Н. Меновицкой

БЕЗМОЛВИЕ

Кто унес, кто похитил твою красоту,
Край зеленый мой,
юности сказочный лес?
Воцарились безмолвие мертвое тут,
Где взмывали фазаны
до самых небес.

Я задумал придти к тебе,
старый мой друг,
Любоваться твоими деревьями, брат,
А теперь здесь стою,
точно обухом вдруг
Оглушили меня, и свиданью не рад.

Вместо древних стволов
и раскидистых крон
Я увидел великое множество пней,
Доносились их стоны со всех сторон...
Что творилось в то время
с душою моей?

Я обнял
ущелевший изрубленный ствол,
Он держался,
солдат не погибший в бою,
Мне казалось,
к покойным друзьям я пришел
И у братской могилы безмолвно стою.

Перевод М. Елисеевой

СЕДАЯ ЖЕНЩИНА

Он глядит с фотографии –
юный, худой, –
На печальную женщину с челкой седой,
А она все глядит на него,
Словно старая мать на птенца своего.

А когда она молча снимает портрет,
То летит от несмятой пилоточки свет,
И с незримой,
незнамой, с другой стороны
Проступают чернила эпохи войны.

Я смотрю, как склонилась ее голова,
Как заученно губы выводят слова,
И по шепоту,
вплывшему в шум тополей,
Различаю два слова:
"Любимой моей..."

И летит от несмятой пилоточки свет –
Это плачет невеста солдату вслед,

И заря в облаках обернулась иной –
Предвоенной,
последней, и самой родной...

Я разглажу рукой золотую траву,
Я склоню перед женщиной молча главу,
Я поверю в любовь, заменившую свет:
Выше пробы такой – и у золота нет!

И ДЕНЬ ПРОПАВШИМ БЕЗ ВЕСТИ СЧИТАЮ

С годами строже делается лира.
Прямее и протоптаннее путь.
И дни уходят, словно гости с пира, –
Их не вернуть, уже их не вернуть.

Уходят дни, счастливые – быстрее.
А грустные – помедлят, постоят.
И время дуновением Борея
Все ливни превращает в снегопад.

Чем больше седины –
тем меньше, меньше
Мне остается непрожитых дней...
Я вспоминаю
всех любимых женщин,
Потерянных и найденных друзей.

Уходят дни, и тот, что мнился сказкой,
И тот, которым память устыжу,
Я каждым днем
с неспрятанной опаской,
Как самым верным другом дорожу.

Я календарь все медленней листаю
И верю, как волшебнику, ему,
И день пропавшим без вести считаю,
Когда добра не сделал никому.

ИДЕЛО С КОНЦОМ!

Если пригорок кичится вершиной,
В мыслях паря над землею венцом,
Пусть он отбросит задор петушиный,
Вспомнит Эльбрус –
да и дело с концом!

Если, горя словно шапка на воре,
Плыжится лужа в тени под крыльцом,
Ей не мешало бы вспомнить про море,
Вспомнить про море –
и дело с концом!

Если звезда похваляется светом,
Словно глупец –
пред зеленым юнцом,
Ей подобает, как всем пустоцветам,
Вспомнить про Солнце –
и дело с концом!

Перевод А. Щуплова

Зира ГАДЖИБАЛАЕВА

* * *

Треснуло небо в карих глазах,
Ах, и не больно ль тебе от осколков?
Долго снег на моих губах
Не плакал, не умирал долго.

Рвалось время на дни, недели ...
"Полетели..." –

я звала тебя, ты не слышал,
Там, на крышах крышное счастье,
Снег не таял на моих запястьях,

Снег не таял на моих ресницах,
И разбиться оказалось не сложно,
Даже можно, если узок карниз,
Беспрестанно глядеть вниз...

А в твоих глазах треснуло небо,
Мне бы хоть раз вот так...

* * *

Я уже не сумею, как прежде, –
Дождь простит мне мое обещанье –
Целоваться при встрече в губы;
И в промокшей и липкой одежде,
Расставаться, нарушив молчанье,
Перекрикнув сточные трубы,
Что, как прежде, уже не сумею...

Что, как прежде, уже не будет,
Что цветы на моем сарафане,
Что цветы на лохматой поляне
Умирают...
А с ними и я.

* * *

Я губами губы искала –
Натыкалась на слова,
Что острее стального кинжала,
Ледянее жгучего льда.

Море голосом станет моим...

Я глазами глаза целовала –
Целовала кромешную тьму;
Я в туманах тебя потеряла
И, возможно, уже не найду.

Нелюбовь я любовью ласкала,
Я дышала твою зимой,
Твоим именем называла
То, что не было тобой.

МЕДОВО-КАРИЕ ГЛАЗА

Какая сладкая слеза!
И скрипки боль меня не ранит.
Наверно, бог сегодня занят,
Чтоб океанов бирюза
Губила страждущие души...

Но обойдет меня гроза,
(Я верю: небо не обманет...)
И так пленительно дурманят
Медово-карье глаза
И аромат осенней груши!

И КОГДА...

И когда я стану крылатой,
Прозвучит над землей азан,
Я тебе непременно отдам
Сок граната.

И когда онемею от счастья,
Море голосом станет моим,
Приходи, мы с тобой помолчим
Тихой страстью.

И когда целовать будет больно,
А рассветы встречать нестерпимо,
Ты полюбишь осень, и зиму;
И невольно.

Я сольюсь не с дождем, а с богом...
И когда ты станешь крылатым,
Нет, не ангелом, не закатом –
Van Гогом...

Ты узнаешь, как пахнет небо...

СКОМКАЙ МИР...

Скомкай мир,
как клочок нечистой бумаги,
Что мне звезды, когда до утра фонари,
Утомившись от зимней
непрошенной влаги
Истекают слезами, дожидаясь зары.

Как устала "тоску"
нарекать я "тоскою"!
Я б "рябиной"
ее называла иль "хлыстом",
Но проклятой
и бывающей по сердцу зимою,
Как тебя ни называть: ты в доме моем.

Скомкай мир, истопчи,
словно снег под ногами,
Разрывает мне кожу
смертельный мороз ...
Эй, послушай,
с разбитым крылом,
за буйками,
Мой бодлеровский,
милый, родной Альбатрос,

Я кровавым пятном
твоим стала на перьях,
Скомкай мир,
или он
отшвырнет тебя в печь...
И, оставшись дыханием
в стихах и поверьях,
Мне себя от зимы
не сберечь, не сберечь...

* * *

Читай по моим губам:
"Храм возведу из пепла".
Ослепла моя душа,
Спеша увидеть твою.
Пою, а голоса нет,
Бред вскрывает мой мозг,
Розг не хватает спине
Во сне, чтоб не видеть тебя;
Я однажды взлечу,
Хочу, чтоб до боли ласкал,
Целовал ветер крылья мои;
Пойми, тебя заберу с собой
(С другой окончится день)
Под сень сумасшедших молитв,
Битв моих губ, заберу...
Горю, не подкидывай дров,
Слов о чистом белье...
Все хотят сразу в рай –
Отдай для начала всю кровь,
Любовь тем, у кого ее нет.
Свет лишь потом, за тьмой:
Мой драгоценный бог
Смог все, что хотел суметь,
Умереть лишь не может он...
Звон погребальной тоски,
Куски не дожитых минут
Врут, что когда-то была я...

Звездопад

(рассказ)

Мария АЛЕШЕЧКИНА

*"Кончали женщины с собою,
Увидев мой туманный взгляд".
(какое-то танго)*

И солнце разбивается о черные бронированные стекла черного пятисотого «Мерседеса», который разбрьется по определению не может никогда, и о темные (видимо, тоже бронированные) стекла очков Гая Ибсена. Вы, конечно, слышали это имя – человек, который на маленьком паруснике «Непотопляемый» трижды обогнал земной шар.

Однажды в Африке на него напало целое племя туземцев – все они с позором бежали, а Гай Ибсен получил только небольшой шрам, тот, что я видела на его руке. Начинается от сгиба локтя и заканчивается на предплечье, немного изогнутый, как инструмент, его нанесший. Ужасный инструмент – кривая сабля, фактически отточенный кусок железа, грубый и тяжелый. Гай Ибсен возит его с собой.

В своем новом рискованном путешествии – на «Мерседес» в южную провинцию России, которая, фактически, и Россией-то уже не является, он тоже имел при себе этот жуткий предмет, на который я не могла смотреть без содрогания. Вообще в рюкзаке Гая Ибсена чего только нет – там и ноутбук, и бутыль с водой (привычка, сохранившаяся еще со времен блуждания по Сахаре), и компас (однажды его обладатель запутал в тайге) и, конечно, «Робинзон Крузо». Эту книгу владелец рюкзака любит настолько сильно, что читает ее почти непрерывно. В синей обложке, на языке оригинала (Ибсен ко всему еще и полиглот). Зачем он таскает на себе все эти предметы? Вероятно, руководствуется латинской пословицей, а может, рисуется своей нечеловеческой силой (и не только физической, кстати). Даже странно, что он, зная многие свои достоинства, совсем не замечает своей красоты, которую портит (или дополняет?) только вот этот шрам на руке...

И совсем не напрасно мама говорила мне, когда я еще по глупости колебалась, выходить ли за Ибсена замуж: «Посмотри на себя в зеркало, Аричик!». Да, именно так она и говорила мне. Принцы на дороге не валяются, и на моей дороге – уж точно. «Аричик» (в каком-

то колене среди наших предков затесался армянин) означает «солнышко» и, в общем, название вполне оправдано: я рыжая и вся в веснушках. На этом мое сходство с именем и заканчивается. Нос кривой, глаз косой, и 90–60–90, как и метр–восьмидесят – это не про меня. У меня все поскромнее, пожиже (вот тут бы смайлик интернетский поставить, да законы жанра не велят).

Зачем же он приехал за мной на черном мерсе совсем один, в наш – правда, очень спокойный регион, но находящийся рядом с другим, совсем не спокойным? Не знаю, наверное, это и называется любовь.

Я видела вечернее солнце искрящейся радугой сквозь свою рыжую прядь, когда стояла на крыльце со спортивными сумками в обеих в руках (в них больше влезало), а мой Гай Ибсен – нет, не в черном смокинге, ведь все-таки не совсем Джеймс Бонд, а в простом скандинавском свитере – хлопнул дверцей машины, выходя ко мне и улыбаясь своей совершенно голливудской, ослепительной улыбкой. Во дворе замерли от восхищения кустики акаций, и мне пришло в голову, что больше мне в жизни нечего желать. Пришло и тут же ушло – спортивная сумка никак не хотела влезать в багажник.

Мы разговаривали в дороге на ломаном английском – у меня он был ломанным, потому как другого не было, а у Ибсена... он прикидывался простым таким парнем просто из вежливости – ну, и чтоб мне было понятнее. Мы познакомились пару лет назад в глобальной сети Интернет.

Вот так виртуальность и становится реальностью, думалось мне, когда я глядела вперед на ночную дорогу. Скорость 180 км в час в комфортабельной машине была почти незаметна – уж и не знаю, минус это или плюс. Как и всякий русский, Аричик, друзья мои, без ума от быстрой езды. Правда, в салоне играла музыка, и тут ощущение, что мне ничего в жизни больше не надо, стало частью меня, вот только...

– Faster, faster! – крикнула я своему возлюбленному.

Он нажал на газ, и тут я краем глаза заметила, что впереди и слева от дороги в свете фары что-то сверкнуло, Гай, вывернув руль, направил машину прямо туда, раздался резкий хлопок, и перед нами вдруг вы-

росло дерево. Оно разрослось до такой степени, что все остальное исчезло, а из глаз моих посыпались не искры, а огромные полярные звезды.

«Наконец-то». Я сидела у камина, который когда-то снился мне во сне, с ногами в тех самых тапочках, которые я видела в том же сне стоящими у камина.

В углу приковывал взгляд огромный желтый зонт, доставлявший мне несказанное эстетическое наслаждение еще при жизни, когда я его видела на базаре, но приобрести так и не смогла – не позволили финансы. Зонт был раскрыт, словно кто-то вошел в комнату с дождя. А может, это был солнечный зонт?

Я засмеялась от восторга, взглянув на пламя, и тут краем глаза слева от себя заметила Ангела. Я плохо видела его – он был таким светлым.

– Добро пожаловать, – сказал он ту самую фразу, которую я ожидала и жаждала услышать.

– Почему я здесь? – спросила я скорее для того, чтобы выразить интонацией мой восторг, чем – чтобы выяснить причину.

– На вас напали. Гай отбился и убежал, – кажется, Ангел говорил не губами, а сердцем: его слова звенели не только в воздухе. – Тебя везут сейчас в сторону границы.

Он улыбался.

– Но я же здесь! – радостно удивилась я.

– Это ты БЫЛА здесь, – поднимаясь, сказал Ангел.

Потолок был восхитительно белый, это я тоже заметила. Не просто – белый. Восхитительно белый.

– Ну, подумай, Аривик, что ты видела в жизни? Должна же ты хоть раз через что-то пройти, Аривик.

– Сбежал.

Я услышала это через черную перегородку тьмы, в которой, приглядевшись, заметила кое-какие словно бы звезды, но почему-то они были внизу, у моих ног... Я попыталась, помня еще о свободе камина, двинуться в сторону голоса, но тьма – как странно! – мешала... Да это же стенка, – поняла я, вдруг ощущив кожей ее холод.

– Девчонка оклемается.

До меня вдруг дошло, что они говорят не по-русски и не по-английски. Говорят, у людей, переживших клиническую смерть, открываются сверхъестественные способности.

– Все, выкуп накрылся. За нее вряд ли много дадут, хотя можно попробовать... Ариф нас прибьет, – резюмировал другой голос, в интонациях которого проскальзывали высокие нотки, которых в самом звуке голоса не было. Его обладатель казался моложе, чем его собеседник.

– А мы покажем Арифу девчонку, и он про все забудет.

– Точно, – развеселился второй. – Я сам чуть про все не забыл.

Похоже, их было двое. По стенке вдруг что-то застучало, забарабанило легонько...

– Ох, дождь! – сказал первый – кажется, главенствующий. – Поехали.

«Хлоп, хлоп» – это дверцы кабины водителя. И только тут я почувствовала, что рот у меня заклеен, а, шевельнув рукою, я поняла, что связана по рукам и ногам.

Смысл услышанного мной разговора дошел до меня не сразу. Я плакала беззвучно и зажмуривалась глаза, чтобы не видеть ребристую стенку грузовичка, начинавшую в лучах рассвета приобретать зеленый (мой лю-

бимый!) оттенок. Даже темно-зеленый – совсем как тот мой сон, который, уже ясно, не сбудется никогда. А может, вот так он и сбылся? Может, вот это самое он и означал, мой блаженный темно-зеленый сон, в котором не было почти никакого сюжета? Ангел, Ангел, хоть письмо от тебя, хоть весточку!

Гай Ибсен – могучий и неуязвимый мужчина, ему никто не страшен, ни вооруженный, ни безоружный, но неужели он оказался недостаточно силен, чтобы взять и меня с собой? Может, он что-нибудь придумал. «Да нет, он все уже придумал, – вдруг подал голос здравый смысл.– Ему захотелось приключений. Он приехал в пограничную с фронтом республику один на черном мерсе и втянул в свои грязные делишки хрупкую рыжую девушку, которая и так бледная, словно от малокровия – дыхни на нее... Почти тень – тенью больше на пути Гая Ибсена, тенью меньше»... Я скрипнула зубами и заплакала с новой силой, но уже слезами беспилы перед непоправимой несправедливостью. Я могла бы сказать, как некие дети, что никогда не видела моря – но я видела море, увы, фактически каждый день перед своим носом, почти 24 часа в сутки, пока Гай Ибсен, мой – похоже, самый настоящий, потому что последний... И теперь он, сильный, свободен, а я должна умереть в жестоких мучениях.

Нет, мне даже не было страшно, а только очень тоскливо и дико, несказанно одиноко, и не было никого, никого вокруг и в целом мире, кто мог бы... Я стала молиться. Пока я молилась, со мною произошли удивительные вещи. Суставы, затекшие в неудобном положении, перестали болеть, и душа тоже. Утро все разгоралось сквозь щели в кузове (я лежала на полу и утро было слева от меня), и я стала засыпать. «Нельзя, нельзя спать! – говорил здравый смысл (или то, что выдавало себя за него). – Молись, молись и не упусти момент, когда можно будет действовать!». Сердце тем временем закрывало свои большие темные армянские глаза... Но я старалась, как могла, и вскоре поймала себя на том, что говорю что-то вроде

Свесил ноги серый гремлин,
Сев на риф над морем сна.
Дескать, видел гремлин землю –
Жми на весла, жди письма.

Наяву его я знаю –
Он как Эрик Рыжий рыж.
В майских блестках, как Даная
(Молвил гремлин: что не спиши?).

Он верстает за стеною
Лист рекламы, три листа
Текста пестрого, со мною
Речь всегда его прости.

Почему мне снишься серым,
Брат мой, гремлин? – Потому,
Что поблек я, видно, первым –
Кто-то слишком рад письму.

Сказка об идеальном фотографе.

И солнце влетает в комнату с разбега сквозь зеленые занавеси, как в бассейн, и комната становится зеленой, тогда я встаю и начинаю одеваться: натягиваю клетчатое платье. Мне 14 лет, и я уже устроилась на работу – наборщицей в издательский дом «Золотая Сафена».

Эрик верстает «Вечернюю Махачкалу». «Двое рыжих на одной фирме – не слишком ли много?» – пошутил однажды мой шеф, учредитель «Сафены». Эрик не засмеялся. Я, кстати, не помню его настоящего имени, только прозвище, данное в честь рыжего первооткрывателя Америки, и еще одно, менее популярное – после того, как он нечаянно (!) уронил в принтер половину коробки скрепок, я прозвала его гремлином. Скрепки оставляли на бумаге совершенно немыслимые узоры... К счастью, убытков никто не понес и навредил этой оплошностью «гремлин» только себе.

Другие после этого случая называли его совершенно другими эпитетами. Он был плохим, просто отвратительным верстальщиком. И вообще почти по всем пунктам его можно назвать полной противоположностью Гаю Ибсену (про которого я тогда только смутно слышала по ТВ). Эрик был худосочным, тощим неудачником, ничего кроме компа в жизни не видевшим и ничего тяжелее мыши сроду не передвигавшим. Но у него на подбородке была ямочка – возможно, поэтому женщины его и любили. Он был лет на шесть старше меня, и теперь я думаю, что, видимо, это было достаточно лестно – когда он подарил мне выпиленное из пенопласта сердечко. Тогда я не имела жизненного опыта и не ведала, лестно это или нет. Сердечко я при Эрике же и с его улыбчивого одобрения повесила на колючую ветку шиповника. Жест кажется символическим, но у нас с Эриком есть одна общая черта – мы никогда и никому не способны причинять боль, да и желания такого у нас не возникает. Я, например, до последнего времени крайне редко кому-либо питала ненависть – последними в этой грустной цепочке, скажу, забегая вперед, стали мои похитители (что было, как и все остальные случаи черной неприязни, моей ошибкой, в которой раскаиваюсь!) – но и тем не причинила ни малейшего вреда или боли. Происходил такой характер не от каких-то убеждений, а, как я сейчас понимаю, скорее всего, от недостатка жизненной силы, которой у того же Гая Ибсена было в избытке. При отсутствии на первых стадиях моей жизни также и особой способности к любви, мое утверждение не вызывает у меня почти никаких сомнений.

Я отличалась медленным эмоциональным развитием и не умела влюбляться. Но к Эрику у меня было очень хорошее чувство. Возможно даже, он мне нравился....

А вот шефу моему, повторюсь, Эрик не нравился однозначно. Ему вообще, надо сказать, мало кто нравился, и народ менял-ся в холдинге с перчаточной скоростью. Особенно почему-то это касалось фотографов. За пять первых месяцев моей работы в «Сафене» из нее последовательно были уволены семь фотокор-ров, всегда по одной и той же причине: «Много борзеец и плохо фотографирует». И вот, когда за порог выкинули восьмого, их поток вдруг обмелел. Тогда и послали оказавшегося под рукой на две трети уволенного Эрика с цифровиком на мероприятие. И тут началось.

Я не упоминала – у Эрика была странная черта, он любил приврать. Он рассказывал о том, как видел, что молнии в небе выписали восьмерку, что судья на футбольном матче минут на пять встал на голову и контролировал игру в таком положении, что модель, когда все репортеры отвернулись, показала жюри язык... Все знают, что такого никогда не происходит, и Эрика если и слушали, то только самые сердобольные сотрудники «Сафены» из кристально-чистой вежливости. Каков же был мой шок, когда вернувшийся с саммита Эрик летел по коридору и с диким криком «А что я говорил!» размахивал

фотоснимком, на котором высокопоставленное лицо скорчило немыслимую рожу!

И пошло–поехало. Что не снимок – то шок. У Эрика был странный талант – необычайные события происходили только тогда, когда он был рядом (но, опять-таки говорюясь, при моем рыжем друге никогда не случалось ничего, несущего хоть сколько-нибудь разрушительные последствия – ведь он был гений, а гении рожденны созидать). В годы моей юности в «Сафене» ходила байка о том, как эквилибристка взлетела в воздух как раз в тот момент, когда Эрик зазевался и отвернулся в другую сторону. И что вы думаете? Она висела в воздухе до тех пор, пока Эрик не соизволил повернуться к ней и сделать снимок. Я, правда, не очень верила...

Но однажды я заявилась в мастерскую моего друга и с порога перешла к делу: «Эрик, у тебя когда-нибудь вообще бывают неудачи?» Мой друг молча поглядел на меня и достал с пыльной полки непыльную черную папку. Пока он искал в ней что-то, я подошла. Голая лампочка, висящая на длинном проводе, оказалась за моей спиной, и мне пришлось посторониться, чтобы не отбрасывать тень.

– Вот, – сказал Эрик.

Среди невероятнейших фотоснимков за отсвечивающим целлофаном я увидела «Черный квадрат» Малевича, но только с несколькими светящимися точками.

– Я фотографировал его, наверное, сто пятьдесят раз! – взволнованно говорил мой друг. – Такая возможность не предоставлялась до меня никому, и я не мог ее упустить. Я менял пленки. Менял фотоаппараты. Менял освещение. В конце концов, просил его сменить одежду, даже накраситься, – Эрик хлопнул тыльной стороной ладони по черному квадрату тем жестом, каким опускают руки.

– Гениально, – выдохнула я, глядя на квадрат и почти не вникая в слова фотографа.

Эрик засмеялся.

– Не смейся! – горячилась я. – Ты не понимаешь!

– Это ты в фотоживописи ничего не понимаешь, – сказал Эрик, но уже по тому, что он всерьез начал возвращать мне, я поняла, что он дрогнул.

Я взяла эти неудавшиеся портреты и отправила на фотоконкурс, предварительно сделав только коротенькую подпись к ним: «Звездопад». Эрик получил приз. Он долго не хотел брать денег.

– Бери, – говорила я. – Ведь всегда только так и бывает, думаешь создать одно, а получается совсем другое! Просто у тебя получилось гораздо лучше, чем ты задумал.

– Это не звездопад, – сказал фотограф. – Это брак.

– Бери, не сомневайся! – мягко настаивала я.

В общем, в итоге жадность победила, и деньги Эрик взял. Потом он получал еще какие-то премии и чуть ли не Нобелевскую, но в «Сафене» тогда, конечно же, он уже не работал.

– Вылезай, – сказал кто-то, открыв кузов. Была опять ночь, и лица я не видела. Подкрепляя свои слова действием, человек подошел ко мне, слепя фонарем, и в считанные секунды перерезал все веревки, а также то нечто, что стягивало мне рот. Меня выволокли из грузовика, и на минуту я почувствовала дивный запах весенней свежести, какой бывает около водоема. Я увидела желтые окна.

– Куда ты меня тащишь? – спросила я хриплым от слез голосом. А меня уже впихнули в какую-то прихожую, открыв передо мной похожую на плитку шоколада железную дверь одноэтажного здания.

— Сиди тут, — бросил мне провожатый.

Я подняла на него глаза. Огромный рост, усы... Я кинулась к двери.

— Сиди тут! — повторил он.

Ему совсем ничего не стоило поймать меня, только руку протянуть. Он закрыл дверь на ключ, и в этот момент открылась другая, мной сразу не замеченная. Тому, кто оттуда выглянул, как нельзя лучше подходил юный голос, слышанный мной из кузова. А усатый громила, видимо, был вторым собеседником.

— Ненавижу вас всех! — крикнула я, вскакивая с места, и получила затрещину, от которой влетела прямо в открытую дверь и в яркий электрический свет, мимо моего посторонившегося провожатого. Волосы закрыли мне лицо, я резко откинула их со лба, намереваясь дорого продать свою жизнь и перед смертью сказать людям, которых я ненавидела в данный момент, как никого никогда ни до, ни после, абсолютно все, что я о них думаю, и вдруг я поняла, что снова умираю.

Второй или третий раз за считанные часы, да как еще. Почему я решила, что умираю, ведь я не чувствовала боли? Небо раскололось — там, кажется, у дома не было крыши, а сразу небо, и с него что-то полилось, что-то золотое, как огни большого города за окном вагона, так что я ничего вокруг уже не видела и абсолютно про все забыла. Я упомянула здесь про огни, потому что на тот момент я никогда еще не видела ни тропических, ни полярных звезд, кроме одной-единственной, которая, конечно, тоже там присутствовала, увеличенная в тысячу крат, мерцающая прямо над головой человека, сидящего в кожаном кресле за массивным серо-коричневым столом.

Этот-то человек и был сверхчеловечески, бесподобно прекрасен, так, что у меня останавливалось сердце.

...Между нами была комната длиной метров пять, в одном конце которой находилась я, в другом — стол и раскрытый ноутбук, за которым сидел хозяин помещения. В пятнистой военной форме, в золоченых наручных часах, поблескивая перстнем с черной вязью, он долгое время смотрел в упор на меня и не произнес ни слова. Потом военный медленно встал.

За его спиной, чуть выше человеческого роста, а потому в слегка наклонном положении висело круглое зеркало в пластмассовой раме с розой, и в нем я случайно увидела смуглое не то татарское, не то казахское лицо моего юного провожатого, в один миг ставшее смертельно-белым. Человек за столом тоже изменился в лице. По-прежнему не говоря ни слова, сначала он побледнел, потом позеленел. А потом ударил по столу рукой так, что зазвенел и покатился по полу несостоявшийся перпетуумobile — шарики и палочки для расслабления нервов, зазвенела сто лет нечищенная, коричневая высокая кружка, и ноутбук угрожающе свинулся к краю стола.

— Увези откуда привез, — прошипел застывшим от гнева голосом, одновременно прожигая взглядом стоящего в дверях смертельно-белого татарина, Ариф.

Я опять сидела в кузове автомобиля, но на этот раз я могла обхватить колени руками — меня не связали. Кажется, была ночь — я не знаю. Звезды все падали и падали. «Ариф, — думала я. — Ари-иф...» И больше ничего не думала. И было хорошо настолько, что хотелось думать только так всегда.

И на Севере, где на свободе бродит Серебряное копытце и все вокруг усыпано его самоцветами, и алмазное северное сияние пишет в небе «Ариф, Ариф» — и на Севере тоже бывает август. Пора звездопада. Я построю себе дом изо

льда, прозрачного, как зеркало, и твердого, как камень.

В тропиках, где молнии режут небо и в бурю, и в тихую погоду, а с ветвой вместо листьев свисают темно-зеленые флаги, я построю себе дом на берегу звездного океана. Накоплю денег и построю.

Когда до меня дошло, что происходит, я билась о стеки кузова, рыдала и кричала, чтобы меня везли обратно. Меня опять связали и заклеили рот (видимо, чтобы мое поведение не привлекало излишнего внимания редких встречных машин с мигалками). Мне говорили что-то, но я уже абсолютно ничего не понимала. Слова «откуда привез» были исполнены тютелька в тютельку — я узнала то дерево, благодаря которому оказалась в комнате с камином. Оттуда домой я добралась на попутных авто — благо, далеко отъехать мы с Ибсеном не успели.

Невольно думаешь о том, как же должна выглядеть душа столь неотразимого существа, ведь говорят, что красота идет изнутри. Я вижу душу Арифа так же ясно, как и лицо. Каждый человек — сосуд, предназначенный для добра или зла. Ариф — сосуд странный, он почти прозрачен и похож на довольно широкую вазу, внутри которой — впрочем, скорее сверху — словно парит еще один, узкий, иронически длинный, неизвестно к чему крепящийся... Что бы это значило?

Вернувшись домой, я никак не могла забыть Арифа. Его прекрасный образ проступал сквозь любые детали моей жизни, с какой стороны ни посмотрю. Я попыталась передать его на этих страницах, но ничего не вышло. Что-то вроде испорченных снимков Эрика — может, хоть на что-то мой рассказ сгодится, как сгодился его «Звездопад», из неудачи став одной из самых больших удач.

Я закупала товар (турецкие дубленки) и ездила с ним в Грозный (кстати, я так и не знаю, где же находится то помещение со светящимися окнами, где я пережила вторую клиническую смерть). Но я никогда не была в тропиках — а кто знает, возможно, увиденные мною огромные звезды, ссыпавшиеся отовсюду, как-то связаны с климатом...

Еще я собираюсь в Казахстан — один из моих провожатых был узкоглаз... Возможно, Ариф там ждет меня.

Горит камин и тапочки готовы,
И покажи, пожалуйста, мне снова:
Сосуд парит в сосуде — то душа...
А вот — моя: в сосуде — не дыша —
Как голубь... Сходства дивного такого...

Я даже уверена, что он меня ждет, хотя, скажем, по разным причинам не предпринимает никаких действий. Однажды мне снился необычный сон — словно я снова вижу его, но сначала не вижу его лица: он плачет, закрываясь руками. Потом он поднимает глаза на меня — о, дивная, дивная красота!.. — и говорит: «Аривик, они думали, что, когда я увижу тебя, то забуду все. Но я все вспомнил, когда увидел тебя. Аривик». Кстати, вскоре после возвращения домой в одной из газет я прочла о том, что Гай Ибсен женился у себя в Дании — как вы помните, он довольно известная личность и о его частной жизни сообщают в периодической печати.

Солнце сияет на пластиковом чехле моего сотового телефона. Я обзваниваю всех своих знакомых, беру у них номера и снова звоню, но на этот раз уже незнакомым. Клубок раскручивается. Я ищу Эрика. Я непременно найду его и узнаю, где он видел того человека, чье фото не удалось сделать даже со сто пятидесяти раза. И это будет, как говорили братья Стругацкие, уже совсем другая история...

Магомед АХМЕДОВ

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

Сад последней любви зачах –
Что болото ему, что твердь.
Отражаясь в его очах,
Приближается тихо смерть.

Листья плачут в желтом огне,
Ты внимательней посмотри:
Красота не живет вовне,
Пребывает она внутри.

Красота да еще талант –
Лиши они умеют рожать.
И востребован вновь Атлант,
Чтоб над ними небо держать.

Будь отвержен ты, будь кумир –
Только помни теперь и вперед:
Красота не спасает мир,
Но и не дает умереть.

Сад последней любви зачах,
И когда печаль догорит,
Ты покинешь родной очаг,
Чтоб оплакать его навзыд.

И забудется грех утех,
И останется только боль,
И тогда ты оценишь тех,
Кто был рядом – рядом с тобой.

Все проходит: любовь, судьба,
Век любой и предмет любой.
Но стоит, как пуля у лба,
Красота, смущая собой.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ ШЕЙХА САИДА АФАНДИ ИЗ ЧИРКЕЯ

Если жизни истончилась нить,
Разве можно звезды в том винить?

ПРИВЫКЛО СЛОВО К ПЕЧАЛИ...

Если черной кажется судьба,
Убери рукой печаль со лба

И окно в пространство отвори,
Чтобы лучик утренней зари,

Средь надгробных просияв камней,
Стал бы эпитафией твоей.

Свой талант избавь от пустяков,
От нелепиц и от сорняков –

И неважно, выпадет ли дождь –
Как зерно тогда ты прорастешь.

Я молитвы чистые люблю,
Четки звезд ночами тереблю.

И угрюмый рок мне говорит,
Что я шейха звездного мюрид

Для того, чтоб здесь закрыв глаза,
Обрести свой свет внезапный за

Тем, что называется судьбой, –
Лиши тогда я стану сам собой.

* * *

Вспомнил шиповник
губ твоих
ярко-красный,
Замечаемый первыми встречными
за версту.
Вспомнил твой смех
и мой поцелуй напрасный,
Улетевший тут же
в сияющую пустоту.

До сих пор мне непросто –
но что поделать с тобою! –
До сих пор в моей жизни
метет и метет снегопад.
То обычно глупостью,
то необычной любовью
До сих пор называю
ту грустную страсть невпопад.

Ничего, кроме имени,
мне уже не осталось,
Я в грехах, как в шелках,
но даже это не впрок.
Но не старость все это,
а просто, родная, усталость,
Просто древний и мудрый,
как дерево жизни, урок.

Только сердце все стонет,
почти беспрчинно страдая
В нескончаемом
и невозможно ужасном сне.
И опять в полон
берет любовь молодая,
И портрет твой опять
проступает на голой стене.

* * *

Привыкло слово к печали,
К тому, что не по уму.
А то, что было вначале, –
Это нам ни к чему.

Когда за плечами полвека,
Жизнь видишь на той стороне,
И в каждом – не человека,
А человека вдвое.

И не хватает простора
Ни мыслям, ни чувствам, ни...
Ах, средь какого сора
Порою растут они!

Но нет молодее слова,
Сверкающего сединой –
Там не сорняки, не полова,
Там вечность всегда за спиной.

А то, что рядом орава
Юнцов ушами стрижет –
Талант бережет не слава,
Славу талант бережет.

И не ради притворства,
А чтоб выжить, надо беречь
Не шахматный ум царедворца,
А нашу родную речь

* * *

Маленький сирота
На площади большого города.

Он еще помнит
Про маленький свой аул.
Он тянет руку к прохожим:
А вдруг заметят
Ему-то всего и надо –
Кусок хлеба.

Он тянет руку так,
Как будто карабкается
На вершину горы
И пытается найти уступок,

На который можно было бы
Поставить ногу,
Чтобы сделать еще один шаг
К небесам.

Дома его не ждут —
Дома и нету,
И матери нет,
И отца,
И даже Отчизны —
Все в одночасье
Как-то рухнуло разом,
А как плачет сердце
В жизни без солнца,
Каждый дурак, наверное, знает.

Он пытается что-то напевать
Под палящим солнцем —
Нищий и босоногий,
Как сама правда.
Жизнь,
Опоясав ему саваном шею,
Катится мимо,
А ему лишь всего и надо —
Хлеба кусок
Да щепоть негромкого счастья,
Да чтоб было небо
И чтобы была мама.
Но никто бедолагу
И знать не хочет.

И только другой сирота,
Городской и сытый,
Вытаскивает из кармана
Заплесневевшую булку
И спрашивает грубо:
— Будешь?
— Буду, —
Отвечает тот
С жуткой и нежной улыбкой.

И слезы текут
Из непривычных к неправде
Глаз маленького аула,
И слезы текут
Из ко всему привычных глаз
Большого города.

* * *

Даже черному соколу, журавлю
Убившему, стыдно жить.
А нас убивают за три рубля,
Чтобы жить — не тужить.

Пропади ты пропадом этот мир,
Где мысли о смерти легки,
Где не Аллах, а доллар — кумир,
А решают все — кулаки.

Где жизнь проходит, словно во сне,
А свет — как песок в горсти.
Где лишь нажива одна в цене,
Убийца — и тот в чести.

А песня не устает тосковать
По человеку-свече,
Умеющему гореть, ликовать,
Ворковать на твоем плече.

Из сердца пролившаяся слеза
Превращается вдруг в алмаз.
Он режет судьбу,
 как стекло — и глаза
Отчизны творят намаз.

* * *

Я вернулся к тебе, аул,
Здравствуй, дом мой, а ты прощай,
Грех мой прежний. И ты, Расул,
Ничего мне не обещай.

Я пришел из чужих времен,
Сединою мой дух оброс.
Но я помню, как был пленен
Водопадом женских волос.

Небо ходит меня внутри,
Звезды вновь зазывают в рай.
Ничего мне не говори,
Мой родимый и скорбный край.

Я вернулся. К семье. К судьбе.
Пусть усталый, немолодой.
Но я жил. И любовь к тебе
Мне светила в ночи звездой.

Ветер века дул в паруса
Бестолковых моих стихов.
Но высокие небеса
Охраняли от пустяков.

Небо ходит внутри меня.
Я вернулся — слезу утри.
Пусть пройдет хотя бы три дня,
А потом уж заговори.

Мне напомни, как я грустил
И внуши мне великий стыд.
Лишь бы ты меня, дом, простил,
А Аллах-то всегда простит.

* * *

Ночь за окном,
 и огонь в очаге погас —
Вспомним былое,
 далекий и верный друг!
Голос войны
 до сих пор оглушает нас,
А любовь, словно птица,
 выпорхнула из рук.

Время уходит —
 но чья тут, скажи, вина,
Что затерялась во тьме
 Ариадны нить?
Мы на надгробьях читаем
 свои имена,

Но и за это нельзя никого винить.

Прошлое дышит в спину, и зеркала
Памяти лгут
 потомкам нашим не вдруг.
И пока нас еще не накрыла
 полностью мгла,
Вспомним былое,
 далекий и верный друг!

* * *

Вино и слезы, голод и война —
Ненастные настали времена!

И жить нельзя, и стыдно умирать,
Ирифму не упросишь лечь в тетрадь.

А раньше мне отчаянно везло —
Я шел к добру и ненавидел зло.

А нынче окружает что меня —
Лишь глупость,
 все тесней день ото дня.

И воронье лишь вьется надо мной —
Сошел с оси, как видно, шар земной!

* * *

Мне ничего не надо. А цветы
Пусть плачут
 себе желтыми слезами —
На то и осень, чтобы возвращать
Измены,
 и предательства, и верность.
А уж любовь
 пусть так себе уходит —
Могла бы лучше и не приходить.

Мне ничего не надо. И тебя
Не надо тоже. Ты ведь тоже
мудрой
Успела стать —
 не к славе и музыке
Ты тянемся теперь, а лишь туда,
Где нет ни слез, ни высохших чернил,
Чтоб описать,
 как ты меня любила.

Мне ничего не надо. Снова осень.
И снова кучевые облака,
И на вершине гор цветет цветок,
Который не сорвать и не продать,
Как тот бокал с водою невозможной.
Которую, коль выпьешь, не умрешь.

Мне ничего не надо. Ни вины
Пред Родиной,
 ни времени, в котором
Я оказался полным дураком.
Одно я знаю точно: без меня,
Наверно, будет Родина, но я —
Я без нее,
 без Родины, не буду.

Мне ничего не надо. Время мне
Давно уж надоело, как и платье
Убогой вечности. И позади
Остались горемычные дороги
Любви и страсти — только красота,
Живущая когда-то в них, осталась.

Мне ничего не надо. Разговор
Со мной ведет не седина, а дети.
«Ты где, отец?» —
они мне говорят.

Я отвечаю:

«Рядом!» Правда, осень
Мне отвечает:
«Нет, ты далеко!
И сам не знаешь, как!»
Но это — жизнь.

* * *

И голод, и войны
нам для того даются,
Чтобы испортились люди
и стали рабами.
А нищие руки
к нам для того лишь тянут,
Чтоб снять с нас коросту лжи,
прилипшую к коже.

Жизнь стремится в полет,
но ломает крылья
И со всего размаха рушится наземь
С криком и плачем,
которых никто не слышит —
Лишь на ладонях моих
остаются капельки крови.

И лишь на похоронах
мы встречаемся нынче
с друзьями —
Там и дно ада
покажется светлым раем.
А голод и войны
нам для того даются,
Чтобы испортились люди
и стали рабами.

Я говорю не стихи сейчас,
а молитву,
Чтоб горела
в каждой душе лампада
Света и боли —
такой густой и кромешной,
Что от нее за спиной
до сих пор любовь моя плачет.

И судьба, и воля,
и рок от ничтожеств зависят,
Но успокойтесь,
когда-нибудь и это время
Река времен унесет,
и больше не будет
Человек продавать
по кусочкам солнце и небо.

СНЕГ

В маленьком городе снег большой,
Не зная моих утрат,
Идет — и я ему не чужой,
И он мне вроде бы рад.

Он светел, я тоже не лыком шит,
Но жизнь-то прожить сумей!
Так пусть этим снегом запорошит
Все беды страны моей.

Пусть мир избавится от грехов,
Не только я так хочу.
А снег — он справится, он таков,
Ему это по плечу.

В маленьком городе снег большой,
И вечер Отчизны мглист.
Но тот, кто был прежде
покрыт паршой,
Как снег, становится чист.

А вечер смотрит такой лисой,
А свет уж в домах погас.
А по дороге поэт босой
Бредет, а рядом Пегас.

Он беден, но с музой накоротке,
Он так же, как снег, идет.
И даже в маленьком городке
Талант его не пропадет.

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Любимая, гляди, как дождь слепой
По окнам бьет и искры высекает,
И радуга на небесах сверкает —
А мы одни печальные с тобой,
Хотя нас даже и морской прибой,
Изнежившись, ни в чем не упрекает.

А дождичек все льет себе и льет,
Страша меня и боль твою смывая,
И ветреная память, как живая,
Готова вновь отправиться в полет —
Туда, где холод, где огонь и лед,
Любовь и боль и рана ножевая.

А то, что гром и что вершины скал
Горят незабываемо, как свечи,
Так так и надо.

Вечности оскал
Не напугает нас. Не мы далече,
А те, кто нас с тобой не отыскал
В грохочущем ручье аварской речи.

И что ни ночь,
ты снова снишься мне,
И мы с тобой смеемся или плачем
Над жизнью
и над вымыслом горячим,
Реальность проясняющем вполне.

И даже дождь, мелькающий в окне,
Через мгновенье тоже станет зрячим.

И мы стоим у мокрого окна.
И я один, и ты совсем одна,
И вечность к нам
почти что накренилась.
Но выгрыз слезы. Дождик перестал.
И даже ветер хмуриться устал.
И солнце светит ярко. Прояснилось...

БЕСЫ

1.

Снова бесы меня окружают
И распадом земле угрожают.
Говорят: «Хоть ты парень умен,
Ничего не поделаешь с нами,
Только мы говорим с временами
И дудим в эту дудку времен».
Стало больше и пятен на солнце,
И звезда не влетает в оконце,
И жена не глядит на Луну.
Трудно спорить
с испорченным веком:
Человек быть устал человеком,
И Отчизна у бесов в плена.
Вслед им сыплются злые укоры,
А они поднимаются в горы,
Где огонь изначальный и лед.
Забывая о жизни парадной,
Я сижу под лозой виноградной
И старательно целую их влет.

2.

Звезды, раздавленные под ногами,
Люди, задавленные сапогами
Правящих монстров — и всюду бес,
Неотвратимый, словно ликбез.

Бесы, тешащиеся пирушкой,
Бесы, заигрывающие с побирушкой,
Лики Господа для них легки —
Но не у страха глаза велики!
Я отчаянно переплываю реку,
Пусть не завидуют имяреку,
Пусть не радуются — я не лгу! —
Знали б, что ждет их на том берегу!

3.

Одежда бесов многим к лицу —
И праведнику, и подлецу.
Но слава Аллаху, я гол как сокол,
Чтоб заслужить осиновый кол.
Лучше уж праздно считать ворон,
Чем видеть бесов со всех сторон.
Лучше уж в нищете сгореть,
Чем видеть бесов присно и впредь.
Я знаю, что жизнь их —
напрасный труд,
Что все они однажды умрут —
Одни — сегодня, другие — вчера.
Последние лишь доживут до утра.

ЗИМНИЕ ПЕСНИ

1.

Живу, как птица, сделавшая гнездо
На дереве, которое молча рубят.
И жизнь кромешную делю на до
И после того, как меня погубят.
Я изучил небесный устав
Судьбы, земной суетой научен.
И, страницы вечности пролистав,
Узнал, кому приговор озвучен.
Имя? Слава? Как в горле кость!
Да подавитесь вы этаю костью!
Пусть в этом мире я только гость —
Песня моя здесь отнюдь не гостья.
Время умирает со смертью человека,
Который даже траве родня.
И черные следы черного века
К Черной речке снова ведут меня.
Имя? Талант? Времена года?
Что они значат? Суету сует.
Но, чтобы остаться здесь после ухода,
В этот грешный мир приходит поэт.

2.

Поэт лишь может дверь открыть
В ничто — и вечность сотворить.
Ему так радостно поется —
За то ему и достается.
Я слышу шелест неземной,
Летящий по земле за мной.
Но пусть скорей он прочь уходит
С ним вместе пуля в сердце входит.
Я полюбил твой часослов
И не бросал на ветер слов,
Себя в правители не прочил,
Но жизнь свою не раскурочил.
Я вечный твой должник, Господь,
С тобой душа моя и плоть,
И даже пред последней битвой
Я осеню себя молитвой.

3.

И нет ни прощенья, ни воли к добру,
Лишь звезды в сиянии млечном.
Вдали от аула в сосновом бору
Брожу, размышляя о вечном.
Кружит надо мною, кого-то браня,
Ворон развеселых орава.
И снег подо мною. И нет у меня
На смерть безутешного права.
И дни все ненастней, а ночи темней
Печаль опускают на плечи.
И те, кто вдали, оказались родней,
А те, кто был близок, далече.
И нет ни прощенья, ни воли к добру,
И звезды забрызганы кровью.
А сердце... Наверно, когда я умру,
Оно озарится любовью.

4.

Я оказался в мире
теней этой зимой,

Жизнь моя стала
на страшный кошмар похожа.
Свет стал незрячим,
раздавленный волчьей тьмой,
Родина, кажется, стала незрячей тоже.
Рядом война:
огонь и дым над землей.
Что ремесло твое
в это чертово время значит,
Если строчки стихов
покрыты мертвкой золой
И, как горькие сироты,
плачут, плачут и плачут?!
Пламя вокруг, и все сожжено дотла.
Как примириться
с такой неживой судьбою?
Знаешь, Господь,
никогда я не ведал зла,
Но готов отвечать
и за это зло пред тобою.
И когда это сбудется,
пусть из моих грехов
Прорастут ростки
золотого добра и света.
Я был рожден,
чтоб любить этот мир.
Но мир таков,
Что заставляет себя ненавидеть.
Даже поэта.

3 НОЯБРЯ 2003 ГОДА

Туман на вершинах
И в сердце туман.
Хотелось бы думать,
Что это обман.

Что радости свет
Навсегда не погас
В ауле Цада
И в душах у нас.

Но плачет печаль,
Как ненужный пророк, —
Должно быть Аллах
Так в миру одинок.

Так мы одиноки
В осенней ночи.
О, что ты наделал,
Расул, не молчи??!

ДО СВИДАНЬЯ, ЖУРАВЛИ!

До свиданья снова, журавли!
Вот опять вы непреклонным клином
Прочь летите от родной земли
За рублем высоким, а не длинным.
И узнал я истину одну:
Годы мои тоже улетели.
Это, кстати, не в укор вину —
Так, наверно, ангелы хотели.
И гляжу я, стоя у воды,

В небо, что прохожим и не снится.
Ожиная, что звено беды
Со звеном любви соединится.
Нет на свете большей доброты,
Чем, прижавшись
бережно друг к другу,
Обрести внезапные черты
Господа, летя опять по кругу.
До свиданья! А внутри иль вне
Времени останусь я, неважно.
Время пусть печется обо мне,
Если хочет выглядеть отважно.
Об одном лишь, Господи, скорблю:
Боль, любовь —
чтем не прелюдья к раю?
Потому любому журавлю
Я свой стыд отвесный доверяю.

* * *

«Я в поколенье друга не нашел...»
Юрий Кузнецов

Зима без снега и без солнца лето
И где-то заплутавшая весна.
И только осень с гроздью бересклета
Печально бродит по стихам одна.
Пусть Новый год мне счастье наколдует,
Пусть светится рождественская ель.
Но ветер века слишком злобно дует,
Как будто вызывает на дуэль.
И если имя грозно излучает,
Не ведая последствий, звездный свет,
Молва ему ничуть не докучает,
Но зависть шлет немедленный ответ.
Я бы пришел к судьбе на похороны,
Когда бы знал, что выживет народ.
Но где орлы? Кругом одни вороны
Да суетится важно всякий сброд.
И ветер века носится по свету,
Глумясь над светом и ведя во тьму.
Господь Всевышний, помоги поэту,
Чтоб он помог народу своему!

* * *

Мы знаем, что не Бог того хотел:
Нас выслали лукаво из былого,
И стало злом пророческое слово,
И путь любви остался не у дел.

Мы, выскользнув у времени из рук,
Чужими стали
в собственной Отчизне.
Мы, словно дети, радовались жизни,
А жизнь врагом смертельный
стала вдруг.

Нам ни оставаться с нею, ни уйти.
Но мы восстанем как-нибудь из пепла.
И если сердце вовсе не ослепло,
Оно отыщет прежние пути.

*Перевод с аварского
Сергея ВАСИЛЬЕВА*

К 60-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

Война и дагестанская публицистика

Зулейха МАГОМЕДОВА,
кандидат филологических наук

Великая Отечественная война была периодом широчайшего распространения и развития всех жанров советской публицистики. Их специфика как нельзя лучше соответствовала военной действительности, отражение которой было важнейшим требованием времени. Это относится и к национальной публицистике, которая получила яркие импульсы для ускоренного развития, исходившие из центральных печатных органов.

Исследователи документалистики военного периода выделяют три группы очерков, статей, корреспонденций военного времени.

К первой группе относятся свидетельства очевидца, "истина из первых рук". Основной упор в произведениях этого рода делается на подлинность. Повествование опирается на факты, к которым имел непосредственное отношение автор, либо участники каких-либо событий, описываемых автором. Сюда можно отнести большинство очерков Д. Трунова. Особое место в этой группе занимает военное творчество Э. Капиева, который отмечал: "Во время войны никто не должен иметь право говорить "слышал", "говорят", а только "видел". Очерки, корреспонденции этого рода являются ценнейшей летописью героических и трагических дней войны.

Следующая группа - корреспонденции, статьи, очерки, построенные на основе приказов, инструкций, выступлений по радио, в печати, писем, дневников... Многие из них являются своего рода расшифровкой скупых строчек Совинформбюро. В этих произведениях непременным формообразующим элементом является документ.

Третья разновидность - своеобразный синтез первой и второй групп произведений - объединяет свидетельства очевидца и документальные источники. Этот вид публицистики является наиболее распространенным.

Все очерки и корреспонденции военных лет несут в себе огромный разноплановый фактический материал. С первых же дней войны периодическая печать Дагестана стала центром освещения военных будней. Начиная с 23 июня 1941 года каждый номер газеты "Даге-

станская правда", бывшей основным печатным органом республики, посвящен насущным проблемам войны. На следующий день после роковой даты газеты сообщала о митинге трудящихся города Махачкала. Резолюция митинга гласила: "Мы полны ненависти к подлому врагу, полны решимости бороться за наше правое дело". 29 июня 1941 года в "Дагестанской правде" с призывом "К горцам Дагестана" выступил народный поэт Г. Цадаса. Писатели, деятели культуры и искусства принимали самое активное участие в общественной жизни, каждый стремился внести свою лепту в дело борьбы с захватчиками. Группа дагестанских писателей осенью 1942 года выехала в Нальчик, чтобы принять участие в антифашистском митинге. А. Гафуров, Г. Цадаса, Дм. Трунов, Т. Хрюгский посетили освобожденные от оккупантов территории.

В 1942 году выходят публицистические сборники кумыкских писателей "На фронт, товарищи, на фронт", "Вперед, товарищи, вперед!" В июле 1943 года по инициативе Г. Цадасы силами Института истории, языка и литературы начинает издаваться письмо-газета "Дагестан - своим фронтовикам". Редактировали газету А. Назаревич и А. Путерброт. На страницах газет печатались очерки С. Абдуллаева, которые затем были объединены под названием "Фронтовые очерки", и цикл очерков "За Родину". З. Эфендиев создает военные очерки на лезгинском языке. Летом 1942 года, когда фашистские войска были на подступах к Северному Кавказу, в "Дагестанской правде" от 13 августа был помещен призыв Г. Цадасы: "Точите острее кинжалы, заряжайте ружья и седлайте коней, горцы! Враг у ворот Дагестана. Вставайте на защиту родных гор и ущелий!"

В газете появляются новые рубрики, посвященные жизни тыла: "Стахановской работой в тылу будем ковать победы на фронте". "Долг каждого - честно и самоотверженно трудиться на своем посту". В разделе "Боевые эпизоды" даны пока еще небольшие зарисовки военных будней. Смятение первых дней сменяется решимостью дать отпор агрессору. Этому способствуют перепечатки передовых статей

"Правды". В каждом номере печатаются сводки от Советского Информбюро.

Первые эшелоны бойцов отправляются на фронт. Газета отзыается на мобилизацию призывными статьями: "За Родину!", "За Сталина!", "Бить фашистов до конца!". Так начинаются и письма мобилизованных перед отправкой на фронт. Здесь же небольшие заметки с характерными заголовками. "Уничтожить коричневую чуму", "Крепить тыл", "Колхозники грудью станут защищать свое Отечество". Каждая передовая из центральной прессы сопровождалась множеством откликов в местной прессе: "Не позволим извергам топтать наши земли", "Все подчиним интересам фронта", "Советский народ нельзя победить". Вскоре в "Дагестанской правде" стали публиковаться множество репортажей из действующей армии. Авторами их были в основном русские корреспонденты, а затем и дагестанцы - бойцы Красной армии. Из старых газетчиков, начинавших еще в 20-30-е годы, продолжали писать А. Назаревич, Л. Хейфец, А. Шмонин. Коренной перелом в войне нашел отражение в тематике, интонации публикаций прессы. Если раньше в них преобладала эмоционально-образная система аргументации и убеждения, то теперь ведется предметный разговор. Меняется сам способ общения с читательской аудиторией, стилистика публицистической речи. Вместе с тем большое место продолжают занимать корреспонденции с фронта, целиком основанные на призывах. Однако и здесь заметна более оптимистическая тональность.

В номере от 20 сентября 1943 года в рубрике "Сыны Дагестана в боях за Родину" было напечатано письмо Героя Советского Союза Леонида Гальченко своим землякам дагестанцам. "Дорогие товарищи, рабочие, колхозники, служащие родного города Махачкала! Высокое звание, которое присвоило мне за боевые успехи Советское правительство, я с честью оправдаю перед Родиной и любимым вождем товарищем Сталиным. Обещаю вам, пока сердце в моей груди - не будет от меня щады врагам в воздухе и на земле..."

Печатаются много материалов, посвященных дагестанским воинам, таких как, например, очерк Ал. Шмонина "Салман Саидов", о гвардии старшем лейтенанте, кавалере двух боевых орденов - Красной Звезды и Красного Знамени. Герой очерка прошел в боях от западной границы до подступов к Кавказу. Был несколько раз ранен. После третьего ранения, посетив Дагестан, Салман вновь уехал на фронт. Очерк Дм. Трунова "Лейтенант Джабраилов" посвящен молодому бойцу из лакского селения Камахал, кавалеру ордена Ленина. Его же очерк "Герой Советского Союза Бейбулатов Ибраихан" повествует о подвигах восьмого дагестанца - Героя Советского Союза, чеченца по национальности. Много корреспонденций о торжествах, посвященных награждению жителей того или иного аула или города. Так 7 декабря 1943 г. сообщалось о митинге в Кумухе, посвященном присвоению звания Героя Советского Союза седьмому по счету дагестанцу Ризвану Сулейманову.

В годы войны жанр очерка получил наибольшее распространение, далеко позади оставил остальные жанры литературы.

Дагестанские писатели не остались в стороне от процессов, проходивших в стране, приняв активное

участие в освещении героики войны, передачи патетики эпохи. Вслед за А. Толстым, К. Симоновым, И. Эренбургом, Н. Тихоновым, П. Павленко, чья публицистика периода войны явилась ее хроникой, дагестанские писатели создали довольно значимый пласт художественно-документальных произведений. Э. Капиев, М. Хуршилов, Д. Трунов, А. Шмонин, Р. Динмагомаев, А. Назаревич, З. Эфендьев, С. Абдуллаев, М. Бахшиев, А. Аджаматов, М. Мусаев, В. Дыдымов создали произведения, которые, сильно отличаясь по уровню, стали, тем не менее, своеобразной летописью огненных лет. Говоря о публицистике военных лет нельзя не отметить творческую деятельность Дмитрия Трунова, который с 1935 года жил и работал в Дагестане, был сотрудником газет "Комсомолец Дагестана" и "Дагестанская правда". Наибольшее количество военных очерков было написано именно Труновым. В 1941 году выходит в свет небольшая книжица "Даха-Дада". Затем сборники "Дагестанцы в боях за Родину", "Герои - дагестанцы", "Мы гордимся ими", "Дорога на Берлин", "Комсомол Дагестана в Отечественной войне".

В последующие годы в дагестанских и других издательствах вышло более двадцати его книг публицистики. Все они посвящены дагестанской тематике и могут с полным основанием быть отнесенными к фонду дагестанской русскоязычной литературы. Одна из его книг "Ущелье сокровищ" была издана в Москве на русском, английском, французском языках. А написанная им пьеса "Командир русской роты" переведена на аварский язык и поставлена на сцене Аварского музыкального театра им. Цадасы. Творчество Д. Трунова, как и А. Назаревича, является примером вживления в инонациональную культуру, внося неоценимый вклад в развитие этой культуры.

Образная система очерков Трунова всегда основана на реальных событиях, главными их героями являются конкретные лица. Эти произведения несут в себе огромный разноплановый информационный материал, который, в конечном итоге, так или иначе, соотносится с темой Родины и народного характера. В его лучших военных очерках проявился талант рассказчика, наблюдательного, увлекающегося, знающего жизнь. Одним из наиболее интересных, на мой взгляд, является очерк "На Тамани". По сути, это большой репортаж о поездке в только что освобожденную Тамань. Репортаж имеет форму очерка, с необычным, однако, для этого жанра подразделением на небольшие главки: "По следам войны", "Прием у генерала армии", "У артиллеристов", "Мертвый город", "Часы возмездия".

Около сорока Героев Советского Союза дал Родине Дагестан. Среди них имена дважды Героя Советского Союза Амет-Хана Султана, Героев Советского Союза Магомеда Гаджиева, Юсупа Акаева, Валентина Эмирова... Мужеством прославляли они свою малую Родину, своих земляков, свои имена. Газета "Правда" писала в эти дни о Магомеде Гаджиеве: "Разве не является образцом изумительной отваги артиллерийский бой подводной лодки под командованием тов. Гаджиева с кораблями охранения?! Потопив транспорт, подлодка всплыла в надводное положение и вступила в артиллерийский бой со сторожевым кораблем и двумя катерами-охотниками. Произошел невиданный поединок, окончившийся поражением вражеских кораблей. Это первый

случай в истории, когда подводная лодка, потопив транспорт, охраняемый конвоем, уничтожила и сам конвой".

О Магомеде Гаджиеве написано множество произведений, но Д. Трунов был одним из первых, кто сумел дать его образный портрет. В документально-художественном очерке "Капитан второго ранга", небольшом по объему, писатель сумел отразить историю подвига. По жанровым признакам это очерк-портрет, в котором личность главного действующего лица становится ярким организующим началом. В этой же стилистической манере выполнены и другие очерки-портреты: "Лейтенант Омаров", очерки, посвященные бойцам Далгату Гамзатову, Ханбабаеву ("Пакет доставлен", "Мужество, рожденное в бою"). Дмитрию Трунову особенно удавались батальные сцены. Красочное описание картины боя - нелегкая задача для писателя. Передача всего накала страсти в небольшом повествовании по плечу только мастеру. Особенность творческой манеры, уровень его мастерства, ценные еще и тем, что передача психологического состояния героя сочетается с анализом объективного хода событий. В очерке "Герой-танкист - Мардахаев", автором дана картина напряженного боя под Москвой, на Волоколамском и Сталинградском участках фронта. Очеркист временами переходит на репортажный стиль изложения, отмечен динамикой, использованием диалога, как художественного приема.

Вот писатель в другом очерке просит рассказать Героя Советского Союза летчика морской авиации Юсупа Акаева о его героических подвигах, а тот отвечает: "Видите ли, в нашем языке слова "подвиг" нет. Есть слово "работа". Не хвалясь, скажу, работали мы неплохо". Юсуп рассказывает об одном боевом эпизоде, который длился пять секунд, и в течение этих секунд был разгромлен караван вражеских судов. Один из кульминационных моментов повествования: "Машина почти касалась крыльями волн. Впереди - борт танкера, и "Ил" мчался к нему. Судьбу корабля и самолета решали секунды. Казалось, "Ил" шел на таран. Упустит летчик секунду, и самолет со страшной силой врежется в борт корабля.

Осталось несколько десятков метров. Акаев замер, впившись глазами в борт судна и высчитывая сокращавшуюся с головокружительной быстротой дистанцию.

- Пора!

Акаев резко взял ручку на себя и дважды нажал кнопку бомбосбрасывателя... на все это понадобилось лишь пять секунд".

В очерке сочетаются приемы, характерные для публицистической манеры письма со склонностью к художественному обрамлению реального события, личности героя. "Я знал, Юсуп Абдулабекович Акаев потопил много немецких кораблей в Черном и Балтийском морях: в портах Феодосии, Керчи, Севастополя, Таллинна, Хельсинки... Мне казалось, что это мог совершить человек е могучей моральной и физической силой. Но передо мной сидел простой кумыкский парень. Я видел открытие серые глаза, широкую приплюснутую переносицу, выдающиеся вперед скулы, юношески свежее, загорелое лицо. Чем отличается этот парень от других?"

В совершенно иной манере написан очерк "Живой миномет", он целиком опирается на документальный материал, написан он в форме свидетельства очевидца. Два бойца отбились от своего отряда. Позже они присоединились к роте, которая успешно провела боевую опе-

рацию и блокировала два вражеских дзота. Группа бойцов захватила миномет. Оба бойца оказались минометчиками и сразу же взялись за дело. Неожиданно начался обстрел, и один из минометчиков погиб на месте. Немцы пошли в контратаку, положение становилось критическим. Миномет было невозможно использовать из-за того,

что опорная плита, на которой он был установлен, была расколота. Второй боец, который оказался сержантом, понял, что только миномет может спасти положение, и неожиданная идея пришла ему в голову.

"Ствол миномета раскалился и жег спину. Лицо сержанта покрылось потом. От тела шел пар. На шее стала лопаться кожа. Опаленные волосы на затылке закручивались в желтые спирали. Но сержант, не слыша своего голоса, хрюя, требовал: "Давай! Давай!". И когда немцы дрогнули, повернули назад, рота с криком "ура" бросилась за ними, сержант вскочил на ноги и, согбаясь под тяжестью ствола, побежал вверх по склону. Боец, стараясь не отстать, тащил ящики с минами. Время от времени оба они останавливались, сержант приседал на колени, выгибал спину и ожесточенно кричал: "Давай! Давай!"

У самой вершины сержант упал. Боец приподнял его и только тут заметил, что шинель сержанта дымится и тлеет. Он начал было тушить ее, но снова услышал сердитый крик: "Давай! Давай!"

"После того, как взяли высоту, - закончил свой рассказ очевидец, - я долго искал его, но так и не нашел. Я знаю о нем только одно: он аварец. Я слышал, кроме русского «давай» и аварские слова".

В короткой очерковой зарисовке запечатлен подвиг безвестного дагестанца. Выдумать такое было бы просто невозможно, приукрасить - трудно, ведь сам по себе этот поступок необычен даже в ситуации военного времени. И автор просто, не комментируя, не приукрашая, кратко передает его суть.

Можно продолжить перечислять фронтовые очерки Д. Трунова: "Дважды Герой Амет-Хан Султан", "Дорога на Берлин", "Даргинец из Баршамая", "Бой на Сапун-горе"... Немало публицистических произведений посвятил писатель жизни тыла: "Стахановцы военного времени", "Серебро горянок Тляраты", "Благородный почин", "Дивизион бронепоездов", "Средства на танковую колонну и боевые самолеты". В арсенале Д. Трунова множество очерков, и все они различаются по манере изложения, архитектонике, интенсивности использования художественных средств и приемов.

Сборник "Дагестанцы в боях за Советскую родину", составителем которого была известная журналистка, отдавшая много лет публицистике, Александра Путерброт, был издан в 1945 году. В нем собраны произведения известных советских писателей, написавших о героях-дагестанцах. Дагестанские авторы представлены именами Миши Бахшиева ("Комбат Буганов управляет боем", "Старый солдат"), Х. Везирова ("Герой Советского Союза

Д. Трунов

Шамсулла Алиев"), Э. Капиева ("Кара Караев"), А. Ханкишиева ("Сила снайперского выстрела"), М. Магомедова ("Орден Красного Знамени. № 4862"), С. Акаева ("Умножим славу хрущевцев"). Отличительной особенностью всех этих публикаций было то, что созданы они были на местах сражений, чаще всего в действующих армиях, печатались во фронтовых газетах. Так, небольшие очерки Миши Бахшиева были напечатаны в газете "Родина зовет" в январе и феврале 1945 года. В сборнике собраны также письма дагестанских фронтовиков, перепечатанные из газет "За Родину", "Красноармеец", "Красный боец".

Активное участие в сборе и публикации фронтовых материалов принимал А. Ф. Назаревич. Он был главным редактором письма-газеты "Дагестан - своим фронтовикам". Помимо организаторской и собирательской деятельности, Назаревич выезжал с группой писателей на территории северокавказского региона, освобожденные от фашистов. Немало поездил он и по горным районам. В годы войны в разное время в прессе публиковались его публицистические произведения. Интересно, что если очерки Трунова были объединены фактом авторского присутствия, стиль его определяем и узнаем, то в работах Назаревича мы находим совершенное отсутствие идентичности, как в стилевом, так и конструктивном плане.

Со свойственным ему мастерством автор умел привлекать внимание читателя: "Я перебирал письма друзей - груду волнующих, искренних, дышащих пламенем боевых листков, помеченных полевой почтой, и мне показалось уместным опубликовать часть из них. Это - письма Мануваха Дадашева, капитана Красной Армии, неутомимого, подвижного командира, когда-то задушевного, лиричного татского поэта, ныне хорошего воина и вообще чудесного человека и отзывчивого друга. В этих письмах, как в ярких вспышках - живые куски пройденного нами года побед. Это документы эпохи, и вот они, как они есть". Далее приводятся непосредственно сами письма, исполненные тихой грусти, тонкого юмора и скрытого отчаяния, выдающие в их авторе человека образованного, обладающего литературным вкусом, знающего цену слову.

А. Назаревич

В ряду публицистических произведений периода Великой Отечественной войны особое место занимает творчество Эффенди Капиева. Помимо очерков "Кара Караев", "Дорога вперед", "Талисман", "Наш Магомед", "Легенда и жизнь", писатель создал бесценную художественно-публицистическую мозаику, которая вошла в золотой фонд советской литературы. Его "Фронтовым запискам" суждена была большая жизнь.

Их высоко оценил Луи Арагон, большой интерес к творчеству Капиева был проявлен в Польше, где его

"Записки" первый раз были изданы в 1949 году, затем в 1963 году. Издания сопровождались подробными рецензиями в прессе.

В творчестве Капиева отчетливо прослеживается опыт художественной ментальности совсем иного культурно-этнического региона. Этот опыт подтверждается и высокой степенью психологизма и своеобразием синтаксиса и лексики. Уникальность творчества Капиева еще и в том, что, будучи талантливым восприемником культурной традиции прошлого, именно он приблизился к таким принципам художественно-публицистического отражения жизни, которые будут характерны позже для произведений В. Соловухина ("Камешки на ладони"), Ю. Бондарева ("Мгновения"), Р. Гамзатова ("Мой Дагестан").

Э. Капиев

Первая запись во фронтовом блокноте была сделана Капиевым в самом начале 1942 года: "Завтра едем на фронт. Чувства такие: тревожное любопытство, уважение к самому себе и в то же время зависимость (или подавленность, что ли) оттого, что близится, втягивает тебя по самое неумолимое и неведомое чудовище, что называется фронтом".

С этого времени для писателя начался совершенно иной отсчет жизни. Изображение катастрофы всемирной войны требовало новой системы координат. Короткие зарисовки, порой моментальные снимки жизненных ситуаций. По жанровым признакам это и путевые очерки, и портреты, и батальные очерки. Относительно новой для дагестанской публицистики была форма дневника, писем с фронта, в которых часто активизирован автобиографический материал.

Характерной чертой всех произведений дагестанской публицистики военных лет является то, что при освещении явлений с точек зрения различного опыта, использовании различных форм выражения они объединены единым эмоциональным отношением к этому явлению. Документализм, являющийся составной частью их структуры, имеет свои особенности. Приемы, характерные для публицистической манеры письма теснейшим образом переплетены с художественными приемами. Явственно проступает тяготение к изображению внутреннего мира человека, усиливается внимание к тонкой психологической детали, заметна склонность к афористичности мышления и фразы, метафоричности слова. Зачастую художник берет верх над документалистом, и тогда появляются произведения, подобные "Фронтовым запискам" Э. Капиева, которые являются собой образец высокой публицистики.

Таким образом, дагестанская публицистика периода Великой Отечественной войны стала новым этапом в развитии этого жанра, приблизившись к уровню общесоюзной литературы, а порой (как в случае с Капиевым) и опережая его.

Маржанат АЛИЕВА

Багаутдин Астемиров: вера в правду...

Недавно, когда отмечалось 70-летие Союза писателей Дагестана, не раз упоминалось имя Багаутдина Астемирова, первого его председателя. Упоминалось, и только. Жизнь идет, в республике выросло новое поколение литераторов, и путь, пройденный первопроходцами, все дальше уходит в прошлое. Но забывать его нельзя. В связи с вышедшей в прошлом году книги "Жизнь я прожил, веря в правду", составителем которой является доцент кафедры ДГУ Фарида Астемирова, дочь замечательного кумыкского поэта, хочется вспомнить вехи этого пути.

В 1932 году в структуре наркомата просвещения республики, руководимого Б. Астемировым, возникла ассоциация писателей. Вскоре она превратилась в самостоятельную творческую организацию. Вместе с тогдашним директором Дагкнигоиздата, известным поэтом Рабаданом Нуровым, он развернул работу по собиранию сил молодой дагестанской литературы, выявлению талантов, консолидации разрозненно действующих в районах и городах Дагестана литературных групп. К этой работе Б. Астемиров привлекает своих друзей и единомышленников: Эффенди Капиева и Алимпашу Салаватова. В том же году он выпустил первый антологический сборник "Поэты Дагестана". В него вошли стихи тридцати поэтов разных национальностей. Тогда же появляются и первые сборники произведений С. Стальского, А. Магомедова, Г. Цадасы, Н. Ханмурзаева, А. Гафурова и других литераторов. По его инициативе принимаются меры по переводу произведений русской классики на родные языки дагестанских народностей.

Своим творчеством дагестанские писатели способствовали разрешению задач культурного строительства. Установлению связи с читателями помогали творческие вечера. В апреле 1933 года был проведен творческий вечер Гамзата

Цадасы, в этом же году проводились вечера, посвященные творческой деятельности Сулаймана Стальского, Загида Гаджиева, Абдуллы Магомедова, Казиява Али и других.

В том же 1933 году вышел первый сборник стихов и самого Б. Астемирова "Борьба" – на родном кумыкском языке. Поэт часто выступает в печати с поэтическими произведениями, литературно-критическими и публицистическими статьями, читает доклады по актуальным вопросам становления многоязычной дагестанской литературы. А через год, незадолго до 1-го съезда писателей Дагестана, в Москве издается книга "Дагестанская антология", составленная Э. Капиевым. В нее вошли в переводе на русский язык стихи и проза литераторов Дагестана: кумыков, аварцев, даргинцев, лезгин, лакцев, ногайцев, татов. Дагестан тогда впервые в русских переводах заговорил голосами своих поэтов

со всем Советским Союзом. Эффенди Капиев тогда заявлял: "Огромную моральную и материальную помощь оказал составитель народный комиссар по просвещению ДАССР и председатель Оргкомитета ДАССП Багаутдин Астемиров, которому антология в полной мере обязана выходом в свет".

Большую помощь оказывал Б. Астемиров в становлении и росте молодых талантливых писателей, например, Аткая Аджаматова, Абдулвагаба Сулайманова, многих других. Он способствовал возникновению переписки между С. Стальским и М. Горьким. По его приглашению в Дагестан приехала группа советских писателей в составе Н. Тихонова, П. Павленко, В. Луговского, Л. Пасынкова, В. Ставского.

Дагестанские писатели пришли на свой первый съезд 15 июня 1934 года. Съезд отметил успехи дагестанской литературы: количественный рост произведений, повышение их качественного уровня, жанровое обогащение. Указал и на недостатки: недостаточное владение художественными средствами, отставание немалого числа произведений от жиз-

ненных проблем. Особое внимание съезд уделил чистоте и ясности языка художественных произведений, совершенствованию мастерства их авторов.

Было выбрано правление Союза писателей Дагестана, председателем которого избрали Багаутдина Астемирова. Эффенди Капиев стал ответственным секретарем. За заслуги в области художественной литературы съездом были удостоены почетного звания Народного поэта ДАССР лезгинский поэт Сулейман Стальский, аварский поэт Гамзат Цадаса, кумыкский поэт Абдулла Магомедов. Этот съезд стал важнейшим событием в истории дагестанской литературы.

Через месяц, в августе 1934 года, Б. Астемиров возглавил дагестанскую делегацию на первый Всесоюзный съезд писателей СССР, где он был избран в состав правления Союза писателей СССР. В дагестанскую делегацию вошли также С. Стальский, Г. Цадаса, А. Аджаматов, Г. Лелевич, Р. Динмагомаев, Р. Нуров и Курбаналиев. На этом съезде произошла историческая встреча С. Стальского с великим русским писателем М. Горьким, который назвал С. Стальского "Гомером XX века".

Дагестанская литература устремилась к новым рубежам. Но Астемиров был лишен возможности служить родному дагестанскому народу. Как писал известный критик Камал Абуков, чьи слова приведены в недавно вышедшей книге "Жизнь я прожил, веря в правду...": "Нельзя снимать со счетов и то, что в 30-е годы Союз писателей был ареной острых споров, творческих дискуссий, нередко густо замешанных детгем политических провокаций и злостных выпадов. На голову лидера нещадно обрушивались, с одной стороны, нелепые упреки рапповцев и воинствующих знаменосцев вульгарного социологизма, а с другой - окрики "сверху"..."

При всем этом Астемиров не терял присутствия духа, до последних дней служил делу, в важность которого верил".

По мнению Фариды Астемировой, те материалы, которые удалось собрать и представить в этой книге, помогут читателям, проявляющим интерес к личности Б. Астемирова, воссоздать образ человека, сохранившего до конца своих дней преданность идеалам, которые он воспринял в юности и сохранил до конца жизни. "Вся жизнь, общественно-политическая и литературная деятельность Б. Астемирова, - отмечает Фарида Багаутдиновна, - является доказательством его убежденности, что служение народу, Родине - это кредо истинного поэта и гражданина. Глубокая идейность, большая гуманность, чувство интернационализма, несгибаемая воля, ничем не запятнанная честь и кристальная чистота - вот те черты, которые восхищали людей, знавших его, соприкасавшихся с ним".

Выдающийся поэт, друг Б. Астемирова Расул Гамзатов подарил Б. Астемирову свою книгу с таким автографом: "Дорогой Багау, люблю Вас нежной любовью. Вы настолько человек, перед которым мне хочется всегда молча поклониться". Этими словами великого поэта сказано о Багаутдине Аджиевиче все.

В книге помещены поэтические произведения Б. Астемирова, его статьи и публичные выступления, личные документы, письма поэта разных лет и воспоминания о нем близких, посвященные ему выступления дагестанских поэтов, прозаиков, литературных критиков.

Радость от встречи с этой книгой омрачает единственная деталь - малый тираж: всего лишь 500 экземпляров. Хочется надеяться, что найдутся спонсоры и книга выйдет большим тиражом.

СТАТЬЯ НАШЕГО ЖУРНАЛА ОТМЕЧЕНА В МОСКВЕ

В Москве, в киноконцертном зале "Президент-отеля", 24 марта с. г. состоялась церемония вручения дипломов награжденным участникам Всероссийского конкурса журналистов "Золотой гонг" - 2004. Решением его весьма представительного жюри, председателем которого являлся широко известный среди работников СМИ нашей страны бессменный декан факультета журналистики МГУ Ясен Засурский, лауреатом в номинации "Расследование года" признан главный редактор журнала "Дагестан" Далгат Ахмедханов.

Среди более тысячи присланных на конкурс работ была отмечена его статья "Чистые и грязные руки, чистые и грязные мысли", опубликованная в 4-м номере нашего журнала за прошлый год. Это тем более знаменательно для дагестанского издания, что в конкурсе участвовали как федеральные, так и региональные газеты и журналы, выходящие на просторах России от берегов Балтики до Тихого океана. Среди отмеченных жюри публикаций эта статья дагестанского журналиста оказалась единственной со всего Северного Кавказа.

Всероссийский конкурса "Золотой гонг" проводится с 1994 года и стал традиционным для журналистов федеральных и региональных СМИ России. Его учредители и организаторы - АРС-ПРЕСС и компания "Business Open", участники - редакционные коллекти-

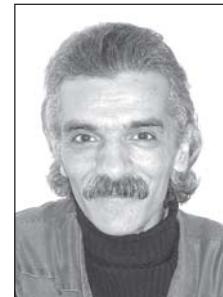
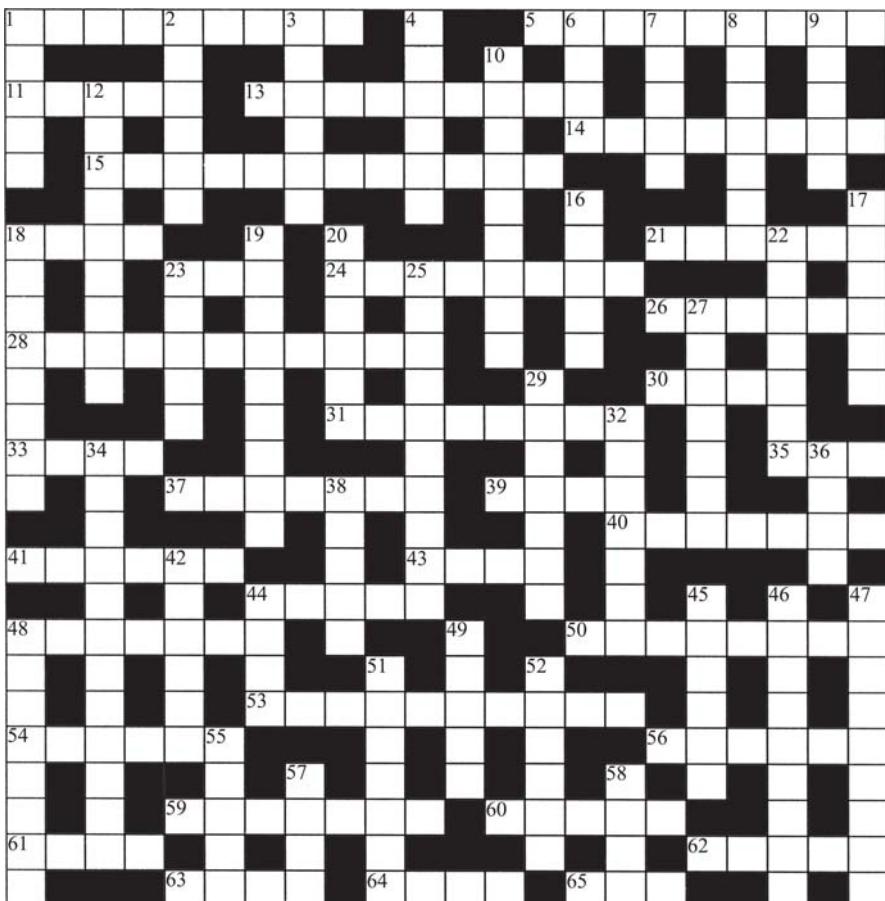
вы и отдельные журналисты печатных СМИ, Интернет-издания, издательские дома. На конкурс "Золотой гонг" - 2004 пришли работы из 54 регионов страны.

Как сказал на церемонии, получая диплом, Далгат Ахмедханов, примечательно, что работа из Дагестана оказалась награжденной в номинации "Расследование года", и расследование это, что тоже весьма примечательно, касалось ситуации не криминальной, а политической. И еще он открыл коллегам "большой секрет", который секретом не является, поскольку находится в основании всех российских проблем с Кавказом. Заключается он в том, что абсолютное большинство населения республик Северного Кавказа считает себя россиянами, каковыми в то же время - по большому счету - их не считает абсолютное большинство населения остальных регионов страны. И с этим диссонансом журналисты должны бороться всем миром.

Закончилось торжество тоже по традиции - фуршетом. В нем, правда, уже не участвовали известные в стране люди - тоже участники церемонии: вице-премьер Правительства РФ Александр Жуков, депутат Госдумы Владимир Жириновский, знаменитый доктор Леонид Рошаль, покупатель изделий Фаберже миллиардер Виктор Вексельберг, кинорежиссер Виктор Мережко, балерина Анастасия Волочкова. Остается добавить, что вел все действо известный в стране диктор телевидения Игорь Кириллов.

КРОССВОРД

от Гаджи-Курбана
Расулова

По горизонтали: 1. Дагестанец, Герой Советского Союза. 5. Дагестанский поселок городского типа. 11. Село, в котором было открыто первое на Кавказе медресе. 13. Русский поэт, участвовавший в войне против Шамиля. 14. Известный дагестанский композитор. 15. Первая часть названия высшей государственной должности в Дагестане. 18. Прикаспийское государство. 21. Техасский чабан. 23. Еженедельная республиканская газета. 24. Прибор, давший название одному из поселков Махачкалы. 26. Республикаанская еженедельная газета. 28. С этим государством у Дагестана наиболее протяженная сухопутная граница. 30. Гербовая птица Дагестана. 31. Дагестанец, Герой Советского Союза. 33. Овчарки роды. 35. Горный кавказский козел. 37. Ноша ишака. 39. Его носят кубачинцы на свои

изделия. 40. Директор Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. 41. Популярная в Дагестане острая приправа. 43. Тот, кто сражается с врагом. 44. Жанр произведения Г. Гасanova "Хочбар". 48. Дагестанец, Герой Советского Союза. 50. Народная поэтесса Дагестана. 53. Член Госсовета Республики Дагестан. 54. Длинный скифский кинжал, первые образцы которого появились на Северном Кавказе в середине 7 в. до нашей эры. 56. Напряженная работа в период уборки урожая, заготовки сена. 59. Село в долине Аварского Койсу. 60. Дагестанский литературовед. 61. Мусульманский богослов и правовед. 62. Председатель Правительства Дагестана. 63. Арабское название десятого дня месяца Мухаррама. 64. Озеро в Дагестане. 65. Струнный щипковый музыкальный инструмент, распространенный на Кавказе.

По вертикали: 1. Титул некоторых дагестанских правителей. 2. Так называлась первая монета, отчеканенная в Дербенте. 3. Амулет. 4. Цивилизованная разновидность посоха. 6. Род деревьев и кустарников семейства розовых. 7. Город в Казахстане, связанный с Махачкалой паромной переправой. 8. Дагестанец, в годы ВОВ удостоенный высшей награды Италии – Золотой медали Героя. 9. Полуфабрикат для кизяка. 10. Автор слов "Жди, Сулейман, большевиков!" 12. Народный поэт Дагестана. 16. Ресторан в Махачкале, славящийся своими шашлыками. 17. Герой кумыкской эпической песни. 18. Первый руководитель ансамбля "Лезгинка". 19. Село в Кизлярском районе. 20. Кинотеатр в Махачкале. 22. Ювелирное украшение. 23. Один из кавказских рассказов Л.Н. Толстого. 25. Выдающаяся лакская певица. 27. Профессия выпускника ДГСХИ. 29. Мебельный магазин в Махачкале. 32. В нее снаряд не попадает дважды. 34. Одна из прибрежных улиц Махачкалы. 36. Количество молока, получаемого от сельскохозяйственных животных. 38. Дагестанец, Герой Советского Союза. 42. Урок по-кумыкски. 44. Жена барана. 45. Мусульманское культовое сооружение. 46. Имя "Расул" в переводе на русский язык. 47. Ее имя носит Дагестанский музей изобразительных искусств. 48. Знаменитый художник-дагестанец. 49. Представители одной из дагестанских народностей. 51. На Украине это дагестанское блюдо называют галушками. 52. Дагестанский историк. 55. Самое высокогорное селение не только на Кавказе, но и в Европе. 57. Горы на юге Турции. 58. Убежденность в существовании Бога.

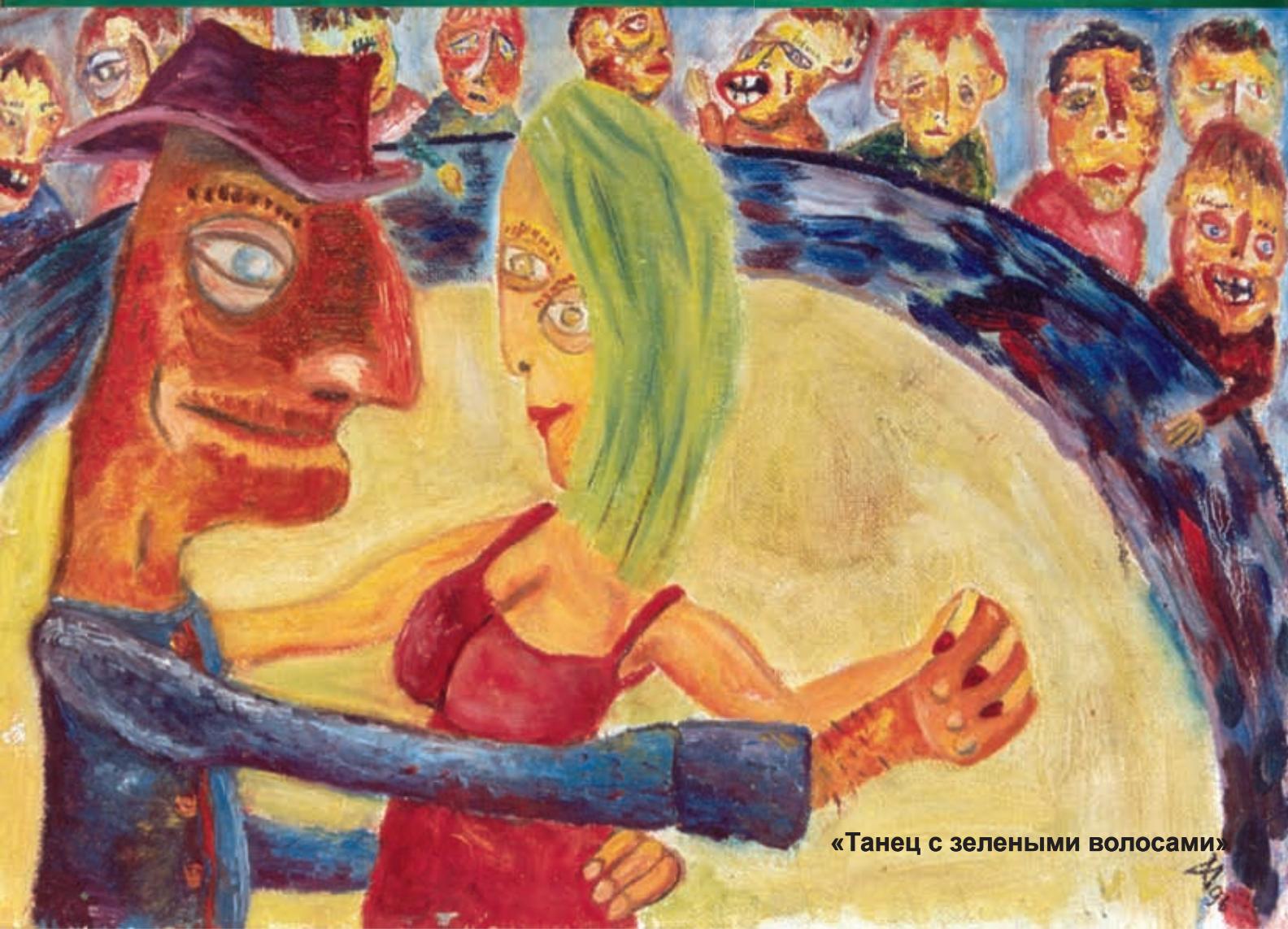
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 1 (16), 2005 г.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Мургазали. 5. Куначество. 11. Хаш. 12. Уркарах. 13. Намаз. 14. Айран. 15. Инициал. 17. Маслият. 19. Гимры. 20. Адалло. 22. Гоп. 23. Ихно. 25. Вино. 27. Овен. 28. Зикр. 29. Партинер. 32. Ашуг. 33. Журналист. 36 Ведено. 37. Кубачи. 38. Мускат. 40. Хинкал. 41. Тополь. 42. Умра. 43. Адам. 46. Абаз. 47. Чинара. 50. Харбук. 52. Нуух. 54. Ага. 56. Золото. 58. Рабият. 59. Авокадо. 60. Бежта. 61. Цадаса. 62. Сейм. 64. Уста. 65. Бейт. 66. Пятница. 67. Яранга.
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Мехтиханов. 2. Рушди. 3. Зургалов. 4. Ибрагим. 5. Кехлеров. 6. Аманат. 7. Есаул. 8. Власть. 9. Синдиков. 10. Аракани. 16. Цилиндр. 18. Импорт. 21. Унцукуль. 24. Кизил. 26. "Чегери". 30. Зиндан. 31. "Хазар". 33. Жамидин. 34. Терпсихора. 35. Намус. 39. Сумах. 40. Хархаров. 44. Изоляция. 45. Арабеска. 48. Автобус. 49. Баранта. 51. Кутум. 53. "Урожай". 55. Габиб. 56. Знак. 57. Кааба. 63. Йог.

Картины Мурада Халилова.
(Стр.23)

«Восстание беременных мужчин»

«Танец с зелеными волосами»

Даргинские девушки

**Селение Кунки,
Дахадаевский район.
(Стр.28)**

